

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ИЮЛЬ
2001**

**ТАМУЗ
5761**

N 7 (111)

НЕ В СИЛЕ ПРАВДА

22 июня вся страна вспоминает начало войны, вошедшей в историю России как Великая Отечественная. С того дня, когда фашистская Германия напала на Советский Союз, исполнилось 60 лет. Многие изменилось с тех пор, но, к сожалению, в человеческом сознании – мало.

Что тогда привело Германию к такой агрессии? Это была высокоразвитая страна с богатой историей и культурой, с высоким уровнем технического прогресса. Некоторых по сей день удивляет, как могут совмещаться высокая культура и страсть к уничтожению других культур и людей. Но разве мы не видим и сегодня, своими глазами, что эрудиция человека не способствует его лояльности, не возрастает его способность к взаимопониманию, а уровень технического прогресса страны, как правило, ведет к тенденции с позиции силы диктовать условия миру? И пример гитлеровской Германии – вечное напоминание всем: вот как бывает, когда человек решает, что он лучше, выше других и над ним нет никакой силы.

Такие примеры были и в древней истории. Тора рассказывает, как десятки веков назад египетский фараон – тогда Египет был самой высокоразвитой империей! – решил, что он сам создал себя и все окружающие блага и поэтому может судить мир как его творец и решать, кто должен быть хозяином, кто рабом, чья жизнь имеет ценность, а чья ничего не стоит. В основе такого поведения – великая гордыня, а гордец, как известно, бросает вызов истинному Творцу, и Творец в конце концов обрушивает его зло на него самого.

В этой связи мы снова вспоминаем Моисея: многих удивляет, как может быть, чтобы Моисей, самый умный человек того времени, единственный, кто общался с Б-гом, получил Тору на Синае, был самым скромным человеком?! Наши мудрецы объясняют: скромность его связана с тем, что он понял – всеми своими достижениями он обязан Б-гу. Человек может добиваться хорошего результата упорным трудом, но успех его только от Б-га. Без Его на то воли все наши усилия напрасны.

Мы часто видим, как люди, чем-то одаренные от рождения, гордятся красотой, остротой ума, талантом в спорте... и из-за этого считают себя выше других. До сих пор еще немало таких, кто думает, будто их будут уважать только за то, что они самые сильные, самые умные, самые большие... Мы знаем: одно это не имеет какой-то особой цены. Важно, как это используется. Человек может развивать данные ему таланты, а может их утратить. Может использовать их, служа добру, а может – злу.

Если один народ напал на другой и победил, будет у него хорошая слава?.. Сильным в хорошем смысле назовут того, кто смог себя защитить, а не напасть. Насилие никогда не вызывает уважения. Уважают тех, кто умеет контролировать свои действия, не подчеркивать собственного величия, а наоборот, выказывать любовь к другим, держаться естественно, быть терпимым и милосердным. «Кто силен? Тот, кто обузывает свои страсти, – говорится в Поучениях Отцов (Пиркей Овойс). – Долготерпеливый предпочтительней силача, владеющий собой – того, кто способен овладеть городом... Кто уважаем? Тот, кто уважает людей, как сказано: “Ибо к тем, кто относится ко Мне с уважением, отнесусь с уважением и Я, а презирующие Меня будут посрамлены”». Уважение к человеку – то же, что уважение к Б-гу, ведь человек – Его творение.

Я помню, в Италии на улице, где я жил, в пору моего детства был большой рекламный плакат с изображением слабого, болезненного ребенка и такими словами: «В моей жизни есть смысл, потому что Б-г ничего не создает напрасно». В Талмуде сказано, что человек должен любить Создателя и понимать: если ты создан Б-гом, значит, в твоём существовании есть смысл. Люди должны бережно относиться к творениям Б-га. Слабого уничтожать нельзя, его надо поддерживать. Нужно посмотреть, какие его качества можно развить, укрепить. Многие люди до сих пор не понимают не только смысла жизни, но и то, что жизнь людям дает Б-г. Человек не должен применять насилия!

Встречая человека, первое, о чем я должен подумать, это чем я могу быть ему полезен. Если встречаются трое, то двое должны думать, как помочь третьему. Тогда будут и уважение, и величие. Достоинство уважения и умение человека проигрывать, уступать. Мы живем, чтобы осознать: богатство человека не в силе и не в лидерстве, а в умении жить в гармонии со всем миром.

Мир – одна из главных ценностей еврейского народа, не случайно мы приветствуем друг друга словом «Шалом!». Шалом – значит мир. Был в истории человечества период, и о нем рассказывает Писание, когда войны не было нигде. Это времена царя Соломона, Шломо (его имя происходит от слова «шалом»). Написано, что, хотя царь Давид был самым великим из царей, он не был Б-гом допущен к строительству Храма, потому что участвовал в войнах, защищая Израиль. Б-г сказал ему, что только его сын, если не будет воевать, сможет построить святыню духа – Храм. Соломон осуществил мечту отца. Но, к сожалению, люди не смогли долго жить в мире.

Отмечая скорбный юбилей – 60 лет со дня начала войны на территории Советского Союза, мы должны помнить о тех, кто погиб в этой страшной войне. Наша задача сегодня – делать все, чтобы побеждать в этой войне снова и снова: в корне пресекать расовую ненависть, шовинизм, преодолевать межнациональную рознь, воспитывать уважение к другим культурам, не преследовать слабых, а оказывать им поддержку.

Тора постоянно выступает против войны, учит любви и уважению, но есть закон, который гласит: если кто-то пришел убить тебя, убей его первым. Если нападают, надо защищаться. А тот, кто хочет силой решать вопросы, реализовывать свои амбиции, должен быть готов получить отпор. Безнаказанность умножает преступления.

Человек – продолжатель своего рода, национальных традиций. Наша традиция учит: не наказывающий ребенка не заботится о его будущем. Правильное воспитание, основанное на любви и строгости, на достойном собственном примере, – основа будущего мира. Воспитывать нужно не только детей, но и взрослых – в вере в Б-га, в то, что человеку воздается по его делам «мида кенегед мида», мерой за меру.

Часто человека одолевает множество проблем, в нем самом происходит борьба, идет яростный спор: правильно он делает или неправильно? куда идти: направо или налево?.. Внутри самого человека может идти настоящая война. И если трудно найти правильное решение, не надо поступать сгоряча: лучше спросить совета у другого, способного посмотреть на дело со стороны и дать разумный совет.

Каждый, если захочет, может сравнить, какое удовольствие он получает от хороших поступков и какое – от плохих. Удовольствие от хороших – глубокое, оноечно. От плохих – длится очень короткое время, и человек теряет свое достоинство в погоне за

ним, его перестают уважать. Чем раньше человек сможет трезво оценить свое состояние и отказаться от неправильных действий, тем лучше.

У плохого большая сила инерции, ее очень трудно преодолевать. Поэтому важно изначально не выбирать между злом и злом. Надо приложить максимум усилий, чтобы выбор был сделан в пользу добра. Никогда не прийти к хорошей цели, используя дурные средства. Средства, которые мы выбираем, корректируют цель. Идешь к одному, а, выбрав неверную дорогу, придешь к другому.

«Г-сподь испытывает праведника, а нечестивого и любящего насилие ненавидит душа Его», – говорится в псалме Давида. А в Притчах Соломоновых сказано: «Имя злодея да сгниет». Этим вечным истинам учит наша традиция, и история человечества подтверждает их.

Áěááí úé óáááéí Dīññè Áádě Ěàçàð

УРОКИ ТОРЫ

БЕААЛОЙСЕХО

Эта недельная глава начинается с того, что Б-г дает Аарону заповедь зажигать светильники храмовой Меноры. Что символизируют менора и процесс ее зажигания? И какой пример являет служение Аарона? Эти темы раскрывает беседа.

ЛЮБОВЬ ААРОНА

Аарон, обязанности которого как Первосвященника описаны в этой недельной главе, был известен своей любовью ко всем творениям. В Пиркей Овойс приводится наставление Гилеля: «Учись у Аарона: цени мир и стремись к миру, люби ближних своих и приближай их к Торе» (2:12). Чем отличается образ жизни человека, являющего высший пример распространения духовного света Торы? Тем, что он не ждет, пока стоящие во тьме выйдут на свет, но сам идет к ним. Аарон шел, по словам Гилеля, к «ближним своим» – то есть и к тем, у кого нет никакой иной заслуги, кроме той, что они являются творениями Всевышнего (Тания, ч.1, гл.32). И тем не менее он «приближал их к Торе», а не приближал Тору к ним. Он не упрощал, не шел на компромиссы с требованиями Торы, опуская ее на уровень этих людей. Аарон не снижал Тору, он возвышал людей.

ЗАЖИГАНИЕ СВЕТИЛЬНИКОВ.

На это дело жизни Аарона намекает глава нынешней недели, которая начинается с заповеди: «Когда будешь зажигать, (буквально – поднимать, возвышать) светильники, то к лицевой стороне меноры да обратят свет эти семь светильников» (Бемидбар, 8:2).

Светильники Меноры в Храме символизируют еврейскую душу: «Свеча Г-споду – душа человеческая» (Мишлей /Притчи Соломоновы/, 20:27). И семь ветвей меноры олицетворяют собой семь типов еврейской души (см. Ликутей Тора). Задачей Аарона было возвысить каждую душу, выявить Б-жественное, заключенное в каждом еврее и скрытое в его подсознании.

Мудрецы пытались объяснить, почему в приведенном стихе Торы использовано слово «беаалойсехо» «возвышать», вместо более очевидного «зажигать» или «освещать». И они пришли к выводу: стих этот означает, что Аарон должен был зажигать светильники «до тех пор, пока пламя не начнет подниматься самостоятельно» (Сифра на Ваикра, 24:2; Шабос, 21а; см. Раши на Бемидбар, 8:2).

Духовным достижением Аарона было не только то, что он воспламенял души еврейского народа, но и то, что он поднимал их на такой уровень, когда они сами начинали светить. Он не просто обзаводился учениками, людьми, которые зависели от его вдохновения, но прививал им любовь к Б-гу, которую они могли поддерживать уже без его помощи.

ТРИ ПРАВИЛА

Есть три правила, которые действительны в отношении Меноры, в Мишкане и в Храме (Йома 24б; Рамбам, Законы Биас Бейс а-Микдош, гл. 9):

- 1) Светильники мог зажигать человек, даже не будучи коэном;
- 2) Однако только коэн мог подготавливать светильники: наливать в них масло и вставлять фитили;
- 3) Менору можно было зажигать только в храмовом Святилище.

При соблюдении этих правил происходит духовное пробуждение, возжигание светильника души.

Во-первых, распространение света Торы – удел не одних лишь священников или немногих избранных. Эта задача возложена на каждого еврея как право и как обязанность. Слова Гилеля «учись у Аарона» обращены к каждому.

Но только коэн может выполнить подготовительную работу. Велик соблазн решить, что для еврея, приближающегося к жизни по законам Торы, цель оправдывает средства; что мы можем по собственной инициативе идти на уступки ради того, чтобы вызвать ответный отклик. Но именно с этим связано предупреждение, гласящее, что не каждый человек способен решать, какие именно толкования и какие средства воздействия можно применять. Это решение за коэном.

Что есть коэн? Во времена Храма, когда евреи впервые обрели собственную землю, у коэнов не было своего удела. «Б-г будет его уделом» – это единственное, чем коэн обладал. В этом его святость. Говоря словами Рамбама, «не только колено Леви, но любой человек из любого места, душа которого возжелает... отделиться и стать перед Г-сподом и служить Ему» (Законы Шемита Вэйовель, 13:13) – он и только он является учителем, за которым мы должны следовать.

А место, где должны зажигаться светильники, находится в Храме. Есть уровни и нюансы святости. Храм не единственное святое место, но особая задача зажечь пламя не могла быть выполнена ни в каком ином месте, где святость меньше. Мы должны пробудить дух в себе и в других до максимально возможного уровня святости.

СЕМЬ ВЕТВЕЙ

Менора в Храме имела семь ветвей, олицетворяющих семь типов еврейской души. Есть люди, которые служат Б-гу своими любовью и добротой (Хесед), служение некоторых – в их страхе и строгости (Гвура), есть и такие, кто синтезирует и то, и другое (Тиферес). Всего существует семь путей служения Б-гу, и каждый еврей идет по одному из них, соответствующему его личному призванию. Но общее у всех этих путей одно: все они исполнены огня Торы. В них пламя любви и свет правды, которые освещают Святилище изнутри и оттуда озаряют весь мир.

У Храма была существенная особенность: его окна были широкими и узкими одновременно, о чем мудрецы говорят: «Они были широкими снаружи и узкими изнутри, ибо Я (Б-г) не нуждаюсь в свете» (Менохос, 86б; Ваикра Раба, 31:7). В отличие от других

зданий, окна которых сделаны для того, чтобы пропускать свет внутрь, Храм был построен так, чтобы светом, зажженным в нем, освещать весь окружающий мир.

Источником этого света были с

ветильники – души евреев. И хотя каждая из душ уникальна и обладает своими особыми талантами, необходимыми для служения именно этого человека, все они объединены тем, что являются источниками света.

В этом общая цель жизненных усилий каждого еврея – принести свет Торы в мир. Средства могут быть разными – одни достигают этого благодаря строгости, другие благодаря любви. Но для тех, кто избрал путь любви, цели и средства совпадают: их цель – свет, и способ ее достижения – тоже свет. Таков был путь Аарона: «Люби мир, и стремись к миру, люби людей и приближай их к Торе». И таков был путь великих лидеров движения Хабад: возжигать дремлющее пламя еврейских душ везде, где бы они ни находились, предпочитая быть с ними рядом, нежели над ними. Быть добрыми скорее, чем суровыми, и тем самым приводить весь наш народ к Торе.

ШЛАХ

В главе Шлах мы узнаем о разведчиках, посланных Моше разузнать о земле Кнаанской. Десять из двенадцати, возвратившись, рассказали неутешительное: да, земля плодородна, но ее обитатели слишком сильны, а города их слишком хорошо охраняются, чтобы евреи могли их победить...

Как, спустя столь короткое время после чудесного освобождения из Египта, разведчики могли сомневаться, что Б-г поможет евреям победить? Как столь легко мог быть сломлен моральный дух народа? И почему Калев и Иеошуа, единственные среди разведчиков не проявившие никакой тревоги, смогли остаться верными своей вере в обещание Всевышнего, но в то же время не упомянули о многих чудесах, когда народ воочию видел силу Г-спода..? Эти и другие вопросы рассматриваются в беседе.

ОТЧАЯНИЕ РАЗВЕДЧИКОВ

В этой недельной главе мы читаем отчет разведчиков, посланных Моше, чтобы разведать обетованную землю Кнаанскую и узнать о ее обитателях. Десять из двенадцати вернулись в отчаянии. Они сломили дух евреев, высказав предположение, что те не смогут завоевать эту землю, поскольку «силен народ, живущий в этой стране, и города укрепленные, очень большие» (23:28). Разведчики утверждали: «не можем мы идти на народ тот, ибо он сильнее нас» (23:31). На самом деле, по мнению мудрецов Талмуда (Сота, 35а) разведчики выразились еще сильнее. На иврите словосочетание «чем мы» может быть переведено и как «чем Он», то есть в их глазах Кнаанские народы были, образно говоря, слишком сильны даже для Б-га. Мудрецы резко критикуют это дерзкое предположение, говоря, что это все равно что сказать: «Даже хозяин дома не может вынести из него свою мебель».

ТАЙНЫ

В чем значение этого знаменательного эпизода? Часть нашей духовной задачи заключается в том, чтобы свести на нет тот крик отчаяния, который испустили евреи,

услышав печальные известия. Этот крик эхом отдается на протяжении всей нашей истории. Как говорит Талмуд, день возвращения разведчиков пришелся на 9 Ава, и Святой, благословен Он, сказал: «Сейчас они рыдают без причины, но я установлю (этот день) как причину для плача на многие поколения». Так, многие страницы национального траура несут след того момента, когда нашему народу не хватило веры в спасительную силу Б-га. И мы должны верой компенсировать то безверие.

В чем особое значение того события? Почему разведчики приводили именно такие аргументы? И каков был ответ на их вызов? Как они смогли довести людей до отчаяния? Людей, которые воочию видели великие чудеса освобождения — казни египетские и разделение Красного моря, чудесную защиту от змей и скорпионов в пустыне и чудеса Б-жественного провидения, манну и источник Мирьям? Эти события не требовали от них веры: их можно было видеть воочию. Как же мог отчет десяти людей вдруг перевесить само собой разумеющееся убеждение: то, что Б-г сделал Египту, Он сделает, в свою очередь, и Кнаану?

Еще более серьезный вопрос: почему, когда Калев отвечал на аргументы десяти разведчиков, он не упомянул все недавние чудеса? Ведь они были бы наиболее убедительным аргументом в пользу его позиции. Тем не менее вместо этого он сказал лишь одно: «Непременно взойдем и овладеем ею (землей), ибо в наших силах это!» (23:30). Может быть, жители Кнаана были сильнее египтян, и поэтому победа, одержанная Б-гом в Египте, не гарантировала здесь победы? Нет, это не так, ибо после перехода через Красное море евреи пели: «Оробели все жители Кнаана. Нападет на них страх и ужас от величия десницы Твоей, умолкнут они, как камень...» (Шмойс, 15:15-16). Сорок лет спустя, когда Иеошуа начал завоевание страны, свидетельства этого страха еще сохранились. Двум его разведчикам сказали в Иерихоне (Иеошуа, 2:10): «Ибо слышали мы, что Г-сподь осушил воды Красного моря для вас, когда выходили вы из Египта... И когда мы услышали об этом, сердца наши растаяли, и ни в ком не осталось духа из-за вас». Следовательно, евреи не могли полагать, что кнаанейцы представляют собой более серьезное препятствие, чем Египет, бывший в то время сверхдержавой (Мехилта, Бешалах, 14,5; Зогар, Шмойс, ба).

СТРАХ УЧАСТИЯ

Объяснение, которое дает хасидизм, заключается в следующем. Разведчиками руководил страх не физического поражения, а скорее духовного.

В пустыне нужды каждого еврея удовлетворялись непосредственно дарами Самого Б-га. Людям не приходилось работать, чтобы иметь пропитание. Их хлебом была манна, которая падала с небес. Воду они брали из источника Мирьям. Их одежды не нуждались в ремонте (Дворим, 8:4, Ялкус Шимони и Раши).

Владение землей Израиля означало новый уровень ответственности. Манна больше не будет выпадать. Хлеб придется добывать только трудом – труд приходит на смену Б-жественным чудесам. А вместе с трудом появляется опасность новых настроений.

Разведчики были не простыми людьми – это были князья колен Израилевых, специально отобранные Моше для такой миссии. Их тревога была духовной тревогой: они страшились, что необходимость работать на земле и зарабатывать на жизнь приведет в конце концов к тому, что у евреев будет оставаться все меньше и меньше времени и сил для служения Б-гу. Они сказали: «это страна, губящая своих жителей» (13:32), имея в виду, что земля и труд на ней, и сосредоточенность на делах материального мира

«поглотят всю их энергию», поскольку придерживались мнения, что духовность ярче проявляется в уединении и отстраненности, в защищенном мире пустыни, где даже еда приходит с небес.

В ЧЕМ ОШИБКА?

И все же разведчики были не правы. Целью жизни по законам Торы является не возвышение души, а освящение мира.

Цель каждой мицвы – создать жилище для Б-га в этом мире. Проявить Его свет в мире, а не над ним. Мицва – это путь найти Б-га в естественном, а не в сверхъестественном. Чудеса, поддерживающие евреев в пустыне, не были вершиной духовного опыта. Они были лишь подготовкой для выполнения настоящей задачи – задачи овладеть землей Израиля и сделать ее святой землей.

Теперь мы можем найти рациональное зерно в аргументах разведчиков. Те чудеса, которым они были свидетелями, не помешали им сказать о кнаанейцах: «они сильнее нас». Именно потому, что евреи были спасены, защищены, и само существование их поддерживалось благодаря чудесам, они могли посвятить всю свою жизнь Б-гу. Но в стране, где ради каждого блага необходимо работать, их духовность может снизиться, оказаться пораженной. В их глазах чудеса не были достаточной причиной, чтобы уверенно войти в обетованную страну. Наоборот, из-за них хотелось оставаться в пустыне. И когда, как образно сказано в Талмуде, разведчики утверждали, что «даже хозяин дома не может удалить из него мебель», они имели в виду следующее: Б-г сам создал естественный порядок вещей (то есть Его мебель), и Он решил (и в этом состояла их ошибка) не обитать в естественном мире.

До тех пор, пока евреев окружали чудеса, они могли оставаться сосудами для восприятия Его Воли. Но земля, труд, законы природы, – все, с чем предстояло столкнуться в земле Израиля, не были сосудами для раскрытия Б-жественности. Евреи полагали, что Б-г выше мира, поэтому и они должны быть выше, а стоит только войти в землю Израиля, они потеряют эти высоты.

ЧУДЕСА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Разведчики видели различие между чудесами и естественными явлениями в том, что естественный порядок является таким, каков он есть, лишь постольку, поскольку этого хочет Всевышний. Но в этом заключалась их ошибка. Ибо скрытая воля Б-га может быть обнаружена в освящении этого мира.

И вот почему Иеошуа и Калев не пытались утешить народ, напоминая о чудесах, которые ему сопутствовали до сих пор и которые смогут благополучно привести евреев в их землю. Перейдя Иордан, они должны были расстаться с верой, основанной на чудесах, и вступить в жизнь, которая сама должна освящать время и пространство и превратить их знакомый, конечный мир в обиталище Б-га.

Они сказали: «Если благоволит к нам Б-г, то приведет он нас в эту страну и даст ее нам, страну, которая течет молоком и медом... ведь они (народ той страны) – пища для нас, ушло благословенье их, и с нами Б-г! Не бойтесь их!» (14:8,9). Иными словами, если есть на то воля Б-га, чтобы мы вошли в эту страну, тогда мы сможем оставаться близки к Нему и там. И вместо того, чтобы быть «землей, поедающей своих обитателей», она

станет «вашей пищей», то есть кормилицей. Вместо того, чтобы опуститься до ее уровня, мы поднимем ее до своего.

ОТВЕТ КАЛЕВА

На самом деле чудо, скрытое в природе, является большим чудом, чем сверхъестественное (Тора Ор, Мегилас Эстер, 100а). Казни, рассечение Красного моря и все подобные сверхъестественные события показывают, что Б-г не ограничен природой, но стоит выше ее законов. Чудо, облеченное в природные рамки, показывает, что Он не относится исключительно к области сверхъестественного, но может проявляться в естественном и сверхъестественном одновременно. Поэтому мицва, то есть действие, способствующее раскрытию Б-га в повседневности, дает возможность убедиться, что Б-г действительно везде. Он не нуждается в сверхъестественном, чтобы провозгласить Свое присутствие. Он остается Б-гом даже в рамках этого мира. В этом и заключается истинное чудо: бесконечное может обитать в конечном, и естественное со сверхъестественным могут быть одним целым. Именно этим ознаменовалось вхождение в землю Израиля, и поэтому Калев ответил десяти разведчикам: «Давайте поднимемся, давайте действительно поднимемся и унаследуем землю» («давайте поднимемся» сказано дважды). Иначе говоря, мы поднялись до уровня духовности пустыни, мы поднялись над заботами этого мира. Давайте же теперь поднимемся еще выше и найдем Б-га в самом этом мире. И давайте овладеем землей не как тот, кто покупает нечто у незнакомца, но как человек, наследующий это нечто, потому что он одно целое с его владельцем (Бава Басра, 65а; Зевохим, 4б).

СОВРЕМЕННАЯ ПУСТЫНЯ

Никакое из повествований Торы нельзя воспринимать просто как рассказ. Каждый еврей испытывает на себе две реальности – пустыни и земли Израиля, и знает о существующем между ними конфликте. Они представляют собой два периода в его жизни и две части каждого дня. Еврей начинает свой день в «пустыне» – в утреннем уединении, молитве и изучении Торы. А затем он должен погрузиться в «землю Израиля» – мир бизнеса, зарабатывания денег и любого другого труда.

Только тогда мы и можем почувствовать, что за сомнения овладели разведчиками. Пока еврей учится и молится, он чувствует себя всецело преданным духовным требованиям иудаизма. Но в своей работе он может видеть мало или совсем не видеть религиозного смысла. Хуже того, он может ощущать, что это «земля, поедающая своих обитателей» – то есть работа настолько поглощает его силу и овладевает умом, что, даже когда он молится или учится, мир ежедневных забот постоянно напоминает о себе и нарушает его сосредоточенность.

Но при этом он совершает ту же ошибку, что и разведчики, помещая Б-га за пределы этого мира. Не умея распознать Б-жественное присутствие во всех человеческих делах, забывая правило «Познавайте Его во всех путях ваших», он должен вспомнить слова Иеошуа и Калева «если есть благословение Б-га с нами». То есть мы приносим нашу религию во все аспекты своего участия в делах этого мира. (Теилим, 37:23; а-Йом Йом, 10 Тамуза). Тогда «будут они нашим хлебом», и мирское оборачивается святым.

Есть еще и другая пустыня: желая покоиться под чудесной защитой Б-га, разведчики хотели интенсивного религиозного переживания. В конечном итоге желание это было эгоистичным, потому что их отказ принять на себя ответственность за изменение

мира был также и нежеланием выйти за рамки удовлетворения собственных потребностей ради помощи другим.

И в нас есть нечто близкое этой позиции. Иногда мы колеблемся, стоит ли помогать другим в их духовном развитии, поскольку чувствуем, что это негативно скажется на нас самих: возможно, нам придется пойти на компромиссы или даже спуститься с достигнутого уровня. Но это все та же ошибка. Духовность не заключается в самой себе, она не есть частное владение, не предназначенное для того, чтобы делиться со всем миром. Напротив, суть ее состоит в том, что еврей выходит за рамки самого себя, чтобы помочь другому еврею. Приходит в мир его работы, распространяя святость на все, чего касается. Не боясь, что под угрозой окажется его собственная вера, без всяких задних мыслей о том, что та или иная ситуация вне сферы Б-жественного.

КОРАХ

В этой главе говорится о восстании Кораха и его сторонников против священнического статуса Аарона и его сыновей. Какова же была в действительности цель Кораха, если, с одной стороны, он выражал протест против всего института коэнов (священников) или, по крайней мере, против того, чтобы такие люди обладали каким-либо особым статусом, а с другой – из повествования ясно, что он сам стремился занять должность Первосвященника? Какой смысл в этих двух, на первый взгляд, взаимоисключающих целях? Об этом и идет речь в беседе.

В результате анализа проливается свет еще на два трудных вопроса. Во-первых, почему имя инициатора восстания увековечено в названии одной из глав Торы? И, во-вторых, почему в этой недельной главе содержатся сразу две, как кажется, противоположных темы – восстание Кораха и присуждение «двадцати четырех атрибутов священничества» Аарону.

ТЕМЫ И ОППОЗИЦИЯ

В каждой из 53 недельных глав Пятикнижия есть основная тема, которая проходит сквозь всю главу, от первого до последнего ее стиха, и тема, которую отражает название раздела. Мотив последней настолько силен, что тематическая связь между первой и завершающей фразами недельного раздела сильнее, чем между окончанием одного и началом следующего раздела даже в тех случаях, когда кажется, что повествование продолжается. Фактически само существование границы между двумя недельными разделами указывает на то, что между ними есть некий «разъем». Например, в конце главы Беаалойсехо рассказано о наказании Мирьям за высказывание против Моше, а в начале раздела Шлах речь уже идет о том, как разведчики, которых должны были послать в землю Израиля, видели наказания и не усвоили урока, а в конце концов повторили тот же грех (Раши, начало Шлах).

На первый взгляд, это общее правило мало применимо к главе Корах, начинающейся с обвинения Корахом и его последователями Аарона и коэнов, а заканчивающейся тем, что Б-г дает «двадцать четыре дара священничества» Аарону. Первоначальное обвинение, выдвинутое против Аарона, и последующее подтверждение его прав, кажется, противоречат одно другому. Однако дело не в том, чтобы последнее являлось следствием первого, скорее, мы должны понять, почему «дары священничества» являются неотъемлемой частью истории Кораха. Его именем названа глава, следовательно, в этом ее суть.

Но понимание осложняется следующей проблемой: восстание Кораха было оппозиционно институту священничества, к которому принадлежал Аарон, тогда как двадцать четыре дара, согласно Раши, были основанием для того, чтобы записать и утвердить в законном порядке, что дар священничества принадлежит именно Аарону.

ИМЯ КОРАХ

Есть еще одна трудность: как глава может быть названа «Корах»? Ведь на стих из Притч Соломоновых «имя злодея сгниет» (Мишлей, 10:7) Талмуд дает следующий комментарий: «в них имена исчезнут, ибо мы не упомянем (злодея) по имени» (Йома, 38б). Если мы не должны упоминать имя злодея в обычном разговоре, то уж тем более глава Торы не должна называться именем одного из них, ибо это способ увековечить имя.

У Кораха же нет заслуги, которую можно было бы ему зачесть, ибо, хотя, как говорит Раши, его сыновья раскаялись, сам он этого не сделал. Нет намека на праведность и в самом имени Кораха: оно означает плешь на высоком месте (Сангедрин, 109б). А как объясняет мидраш, плешь, условно говоря, создает разрыв между двумя прежде едиными частями.

Рамбам писал (Законы Ханука. Гитин, 59б; Сифри, 6:26), что Тора «была дана, чтобы сделать мир в мире», как же тогда может часть ее носить имя, предполагающее разделение?

ПРЕТЕНЗИЯ КОРАХА

Наконец, есть очевидная непоследовательность в самой претензии Кораха. С одной стороны, кажется, что он против самого института священничества или, по крайней мере, против особого статуса его членов. Так он говорит: «Ведь все общество, все святы, и среди них Б-г! Отчего же возноситеесь вы над собранием Б-га?!» (16:3). С другой стороны, очевидно, что Корах и его последователи домогались статуса священников для себя, о чем им открыто заявил Моше (16:7).

Одно объяснение состоит в том, что они не стремились к отмене статуса священников (коэнов) как такового, а лишь не хотели, чтобы он был уделом исключительно Аарона. Они хотели, чтобы было много Первосвященников, и хотели принадлежать к их числу. Однако из комментария Раши (16:7) следует, что Корах добивался сана Первосвященника только для себя и полагал, что только он будет оправдан на суде, предстоящем обвинителям. Но если у него были такие амбиции, зачем же он говорит: «Отчего же возноситеесь вы?» (16:3) – ведь у него была причина желать возвышения статуса священников (коэнов)?

ПРОСТРАНСТВО, РАЗДЕЛИВШЕЕ ВОДЫ

Начальные слова главы «и отделился Корах» в арамейском переводе Торы приведены как «и разделил Корах». В книге «Ноам Элимелех» рабби Элимелех из Лиженска сопоставляет мятеж Кораха с пространством, сотворенным Б-гом во второй день творения для разделения между высшими и низшими водами. В чем здесь аналогия? Одно из различий между священниками (коэнами) и остальными евреями состояло в том, что священники были удалены от мирских дел и полностью заняты святым служением. В особенности Первосвященник (против которого в первую очередь и направлены обвинения Кораха). Ведь о нем написано: «И из святилища нельзя ему выходить» (Ваикра, 21:12. Рамбам, Закона Клей а-Микдош, 5:7; Закона Бейс а-Микдош, 1:10).

Но несмотря на это он не был разлучен с народом. Напротив, он влиял на всех людей, приближая их к собственному высокому уровню святости. Символом этого процесса было зажигание семи светильников Меноры. Особым качеством Аарона была великая, непреходящая Любовь, и он приближал людей к такому служению – служению, основанному на любви.

Но этого не видел Корах. Он видел лишь разделение между священником (коэном) и народом. В свете этого он полагал, что во исполнение воли Б-га в реальном мире – а это является главной целью Торы – особая роль есть как у священников, так и у всех людей. Если рассматривать эти две категории по отдельности, то у народа есть не меньше прав на почести и возвеличивание, чем у священников.

Но Корах добивался статуса священника как человека, полностью оторванного от народа. Отсюда его обвинения («Отчего же возноситеесь вы..?»). В его глазах эти две группы были совершенно различны, каждая со своим особым статусом. В этом смысле Корах подобен разделяющему пространству – его целью было разделить людей, как воды, и прервать связь между Святилищем и обычным миром.

РАЗДЕЛЕНИЕ И МИР

Во второй день творения Б-г не сказал фразу «и это хорошо». Мудрецы объясняют, что причиной этого является разделение (пространство), сотворенное в этот день (Брейшис Раба, 6; Зогар, ч.1, 46а). Лишь на третий день были произнесены и затем повторены эти слова. Один раз они относились к сотворенному в тот день, второй раз – к пространству (Брейшис Раба, Раши, Брейшис, 1:7), которое было очищено, и его разделяющее действие компенсировано (Ор а-Тора, Брейшис, 34а; Зогар, там же). Отсюда мы учим, что согласно Б-жественному замыслу должно быть разделение между небесным и земным, но конечная цель – их воссоединение. По аналогии с третьим днем творения в третьем тысячелетии (по еврейскому летоисчислению) была дана Тора. Дана, чтобы соединить небеса и землю. Б-г сошел, а Израиль поднялся для этого союза (Шмойс Раба, 12:3; Танхума, Ваера, 15).

То же самое применимо к еврейскому народу. Хотя в нем есть и те, кто полностью занят святым служением и «не выходит из Святилища», и те, чье служение происходит в мире практических действий («во всех путях твоих познавай Его»; Мишлей, 3:6), не должны первые отделяться от вторых. Скорее, они должны – подобно Аарону – вести их ближе к Б-гу.

Светский человек – бизнесмен и т.д. – такой близости достигает, устанавливая постоянное время для изучения Торы. И при этом он должен настолько сконцентрироваться на изучаемом предмете, что в это время уподобится тому, кто никогда не покидает Святилища!

Работа второго дня творения была завершена на третий. Подобно этому Б-г допустил вызванное Корахом разделение лишь для того, чтобы оно привело к «двадцати четырем дарам священничества». Ибо институт священников был установлен как вечный завет, что не могло произойти, если бы Корах против него не восстал. В этом заключается связь между началом и концом нашей недельной главы. Восстание, которое на первый взгляд кажется направленным против завета, заключенного с коэнами, было на самом деле его необходимым условием.

Именно поэтому имя Кораха увековечено в названии главы. Хотя Корах олицетворяет разделение, а Тора – мир, но мир и единство, которые она приносит, реализуются не вопреки разделению, а через него. Хотя есть небеса и есть земля, молитва и служение соединяют их так, что Б-г живет среди нас.

ХУКАТ

Эта недельная глава начинается с изложения закона о красной (рыжей) корове – странного обряда, целью которого было очистить людей, ставших ритуально нечистыми из-за контакта с мертвыми. Корову сжигали, пепел разводили водой и, окропив человека полученной смесью, восстанавливали его ритуальную чистоту. Одна из «странностей» этого закона заключается в некоем парадоксе: приготавливаемая для очищения смесь делала нечистыми всех, кто ее готовил.

Этот закон во втором стихе главы назван «хука», установление – таким термином обозначается «закон, в принципе не имеющий объяснения». В беседе рассматривается, как комментирует термин «хука» Раши, но, поскольку его комментарий содержит некоторые необычные моменты, выделяются два различных типа законов «хука», чтобы их разъяснить.

АНАЛИЗ КОММЕНТАРИЯ РАШИ

«И говорил Б-г, обращаясь к Моше и Аарону так: “Вот закон (хука) об учении, который повелел Б-г изложить...” (19:1-2). Раши объясняет фразу «вот закон об учении» следующим образом: «из-за того, что Сатан и народы мира провоцировали евреев вопросом “В чем смысл этой заповеди для вас, и каковы ее объяснения?”, она дана как закон (хука), то есть постановление, о котором нет у вас права рассуждать».

Но при этом возникают следующие трудности.

Из слов Раши «из-за того... она дана как закон» очевидно, что он не собирался разъяснять значение самого слова «хука» (закон). Раши уже неоднократно давал такие разъяснения ранее (Брейшис, 26:5; Шмойс, 15:26; Ваикра, 18:4). Хотя он и не делает этого в предыдущем тексте книги Бемидбар, вряд ли он допускает, что читающие его комментарий забыли эти разъяснения. Ведь термин «хука» уже несколько раз встречался в книге Бемидбар, и Раши не комментировал его. Скорее он пытается объяснить кажущуюся избыточной фразу, ведь слов «вот закон» было бы достаточно.

Если это так, то поскольку читатель уже знает значение слова «постановление», хватило бы и краткого пояснения. Зачем же Раши добавляет длинный комментарий относительно Сатана и народов мира, который он уже несколько раз приводил ранее?

Кроме того, ответы, данные Раши здесь и в предыдущих случаях, несколько отличаются друг от друга, и это требует объяснений. В предыдущих комментариях акцентируется «злое начало», здесь же – Сатан. В предыдущих комментариях о Сатане его действия представлены как «выдвижение возражений» (Брейшис, 26:5; Ваикра, 18:4) или «придирки» (Шмойс, 15:26), здесь – как «провокация».

В одном из прежних комментариев человеку запрещается «делать для себя исключения» из постановлений, здесь же запрещается «рассуждать о нем» (постановлении).

Если наши предыдущие рассуждения верны, то комментарий Раши относится только к кажущейся избыточной фразе, связанной с термином «закон». Любой комментарий Раши начинается точным цитированием именно того слова или фразы, которые он хочет разъяснить. Почему в данном случае в начале комментария приведены слова «вот закон об учении», как если бы он собирался объяснить всю эту фразу?

В ПРЕДЕЛАХ РАЦИОНАЛЬНОГО И ЗА НИМ

Объяснение таково. Формулировка фразы «это закон об учении» предполагает, что закон о красной корове является единственным постановлением в Торе. Но, безусловно, есть другие постановления, в том числе упоминаемые Раши, например, запрет есть свинину или носить одежду, изготовленную из смеси шерсти и льна (Раши на Брейшис, 26:5). Следовательно, мы должны заключить, что существует особый класс постановлений, единственным примером которого является закон о красной корове.

Иными словами, существует два типа постановлений:

– те, которые в принципе могут быть доступны человеческому пониманию, но детали их ему недоступны;

– те, которые целиком лежат за пределами человеческого понимания.

Фраза «вот закон об учении», следовательно, предполагает, что закон о красной корове – единственный, относящийся ко второй категории. Поэтому, когда Раши в книге Ваикра приводит примеры постановлений, то он упоминает два запрета – употреблять в пищу свинину, носить одежду, изготовленную из смеси шерсти и льна, – и воды очищения, но не включает закон о красной корове, поскольку тот относится к совершенно иному типу.

«Воды очищения» (вода, смешанная с пеплом красной коровы) есть нечто в принципе доступное пониманию. Так, Раши никогда не классифицирует очищение путем погружения в микву как постановление, ведь разумно предположить, что воды миквы обладают способностью очищать духовно. Подобным действием могут обладать и «воды очищения». Их единственная особенность заключается в деталях: если для очищения в микве требуется полное погружение, в данном случае достаточно нескольких капель. Следовательно, воды очищения принадлежат к первому типу постановлений – таких, которые можно частично понять.

Но закон о красной корове сам по себе целиком лежит за пределами понимания. Его нельзя рассматривать как один из видов жертвы всесожжения, ибо:

1) ни одна из частей красной коровы не сжигалась на жертвеннике;

2) все действия с красной коровой должны совершаться за пределами «всех трех станов» (Раши на Бемидбар, 19:3), в то время как жертвы приносились исключительно внутри них;

3) красную корову нельзя даже уподобить козлу отпущения (Ваикра, 16): во-первых, предварительные действия с козлом отпущения совершались в пределах стана, а во-вторых, о нем дано частичное разъяснение («и понесет на себе козел все провинности их в страну обрывов; так отправит он козла в пустыню» – Ваикра, 16:22).

Кроме того, ритуал красной коровы обладал следующими исключительными особенностями по сравнению с обрядом козла отпущения:

– его проводил заместитель Первосвященника (Раши на Бемидбар, 19:3);

– кровью красной коровы кропили 7 раз по направлению к лицевой стороне Шатра Откровения (19:4);

– сожжение красной коровы называется «жертвой грехоочистительной», чтобы показать его сходство со святыми предметами.

Короче говоря, закон о красной корове не относится к первой категории постановлений, ибо он недоступен даже для частичного понимания.

Б-Г И ЧЕЛОВЕК

В свете вышеизложенного мы можем понять, почему Раши в этом комментарии пользуется выражениями, не встречающимися в других его объяснениях термина «постановления» («Сатан» вместо «злое начало», «провоцирует» вместо «возражает» и «запрещено рассуждать» вместо «запрещается делать для себя исключения»).

Понятно, что Б-жественный разум выше человеческого. Следовательно, если Б-г Сам говорит о какой-то заповеди, что человек не может ее понять, то злое начало не может пытаться доказать ее небожественное происхождение, ссылаясь на ее непонятность. В конце концов, почему вообще смертный (конечный) человек должен быть в состоянии понять Бесконечного Б-га?

Но когда заповедь частично доступна человеческому пониманию, то у злого начала и у народов мира появляются, хотя и ошибочные, но все же основания для того, чтобы выдвигать против нее возражения или оспаривать ее Б-жественное происхождение: как мог Б-г заповедать нечто, с одной стороны, доступное, а с другой – недоступное человеческому разуму? И они попытаются доказать, что такая заповедь не от Б-га, и, следовательно, ни к чему не обязывает еврея.

Поскольку заповедь о красной корове полностью недоступна разуму, ни злое начало, ни народы мира не могут ее оспорить. Они в состоянии лишь «провоцировать» еврея, говоря: «В чем значение для вас этой заповеди, и каково ее объяснение? Допустим, вы должны подчиняться слову Б-га, но, поступая так, вы совершаете нечто бессмысленное и иррациональное».

Поэтому Раши использует слово «Сатан» вместо «злое начало», ибо голос сомнения стремится здесь лишь помешать (слово «Сатан» означает «беспокоить, причинять неудобство»; Бемидбар, 22:22; Млахим I, 11,14) еврею в момент действия, а не убедить его от этого действия отказаться. И поэтому он не говорит «запрещено делать исключение из заповеди» (для исключения нет оснований), но говорит «запрещено рассуждать о ее причинах». Вместо этого (рассуждений) мы должны исполнять ее с радостью, как если бы полностью ее понимали.

Причина в том, продолжает Раши, что заповедь о красной корове есть закон Б-га. Иными словами, сам Б-г говорит нам, чтобы мы не беспокоились об отсутствии в ней логики и выполняли ее только потому, что Он так велел. Это – единственный способ выполнить ее правильно.

Теперь мы можем понять, почему Раши цитирует полностью фразу «вот закон об учении» в начале своего комментария. Именно эта фраза позволяет понять отличие этого закона от всех остальных, и именно это отличие лежит в основе всех нюансов его комментария.

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

ПРАЗДНИК ЛЮБВИ, ДРУЖБЫ, ЕДИНСТВА

Люди старшего и даже среднего поколения еще помнят, как их дедушки и бабушки постились в Йом Кипур, родители покупали мацу на Пейсах, а к Рош а-Шона готовили фаршированную рыбу, причем непременно с головой! Да и сами они – что греха таить – бывало, резво отплясывали на Симхас Тойре возле синагоги. А вот о празднике (точнее, полупразднике) Лаг Баомер они слышали совсем недавно. Как-то поздно вечером увидели во дворе синагоги костер, удивились, а молодежь – она-то теперь все знает! – рассказала и о великом каббалисте раввине Шимоне бар Йохае, и о том, что в давние времена в этот день прекратилась страшная эпидемия, унесшая многие жизни учеников рабби Акивы, как рассказывает традиция, из-за того, что они недостаточно уважали друг друга. И полетела о празднике молва!

Буквально за несколько лет Лаг Баомер стал очень популярен в еврейских общинах России, Украины, других стран СНГ и Балтии. «С каждым годом праздник привлекает к себе все больше внимания. Все больше детей с нетерпением его ждут – этого праздника любви, дружбы и единства», – пишут нам из Днепропетровска.

«Всевышний наказал евреев за то, что мы не умеем слушать и слышать, не уважаем мнения другого человека, – пишет Ципора Маргулис из Волгограда. – Поэтому сегодня, празднуя Лаг Баомер, мы размышляем о причинах изгнания и рассеяния нашего народа и учимся видеть в других евреях, каковы бы ни были их взгляды, друзей, а не соперников, пытаемся понять каждого...»

В этом году в честь праздника Лаг Баомер еврейская религиозная община и еврейский общинный центр ВОЛГОГРАДА организовали пятичасовую прогулку по Волге на теплоходе, с «зеленой стоянкой». Такие поездки на Лаг Баомер становятся уже традиционными, любимыми в общине. Этот праздник всегда ожидают с нетерпением – ведь это день радости в период траура между великими еврейскими праздниками Пейсах и Швуэс, а когда он проходит, еще долго вспоминают его с удовольствием.

В праздничной прогулке приняли участие около 260 человек. На верхней палубе веселились дети и молодежь, исполнявшие национальные песни и танцы. Катриэль-Лиор Ройзен организовал шуточные спортивные состязания. На нижней палубе родители очень азартно состязались в «Два баяна». Эту игру проводила Тамара Ройзен.

Теплоход причалил к берегу «необитаемого острова», который встретил собравшихся на праздник молодой зеленью деревьев и травы, свежим воздухом и прелестью приволжских пейзажей. Молодежный клуб общины разработал программу «Арбат» (по названию колоритной улицы в старой Москве). Это улица развлечений, особый мир, где действуют свои правила, законы и даже собственная валюта. Здесь каждый находил себе занятия по вкусу, а в «Сувенирной лавке» Сергея Добромыслова на «местные деньги» можно было приобрести ценные призы или купить еду для пикника.

В «Салоне красоты» или «Художественном салоне» можно было сделать «экстремальный макияж» и даже «поменять имидж»... В умелых руках стилистов Зои и Оксаны Степанчук, Ципоры Маргулис и Лизы Ефентевой участники праздника превращались в сказочных и экзотических персонажей. По окончании работы салона прошел конкурс «Мисс совершенство, или Ошибка природы».

Еще каждому предоставлялась возможность «выиграть миллион», проверив уровень своих интеллектуальных способностей в игре «Кто хочет стать миллионером» у Анны и Мирьям Максимовых, а также в «Поле чудес» Салона викторин Нехамы Моисеевой. В «Фотосалоне» у Эммы Ахмедовой были вывешены на обозрение фотографии членов общины в младенческом возрасте. Кто угадывал в милых детских лицах умудренных опытом знакомых, получал приз.

«Спортивный клуб» основательно подготовился к празднику с помощью Мары Шульман, Айэлит Френдель и Леви Сасин. Не остался в стороне и раввин Залман Иоффе. Кстати, он был одним из самых активных участников спортивных соревнований. «Музыкальный салон» провела профессиональный хормейстер Кармелла (Юля Киселева). В краткой аннотации к конкурсу салона были зашифрованы известные всем еврейские песни. А оригинальное исполнение оценивалось дополнительным призом.

Стрельбой в «Тире» ведала Юля Славина, приехавшая на каникулы из Израиля. Соревнования в меткой стрельбе – обычай праздника, правда, в Лаг Баомер традиционно принято стрелять из лука.

На обратном пути на теплоходе была организована музыкальная гостиная. Ребята из Дагестана исполнили на импровизированных музыкальных инструментах татскую лезгинку, да так, что раввин Залман Иоффе не смог усидеть на месте и под общие аплодисменты исполнил этот зажигательный танец.

Вот какими впечатлениями поделились участники праздничной прогулки. Инна Чижикова, сыновья которой Довид и Алексей учатся в еврейской школе «Ор Авнер», сказала: «Возникла особая, семейная атмосфера, что отличало наш праздник от обычных пикников. Возрастные границы растворились. Взрослые вели себя как дети. Лица светились доброжелательностью. Было ощущение – кругом свои. А значит, можно по-настоящему отдохнуть...»

Врач Татьяна Дышкант впервые попала на общинное мероприятие: «Я в восторге! У меня было только смутное представление о том, чем занимаются еврейские организации. А теперь я знаю, какие они молодцы, и буду принимать активнейшее участие в еврейской жизни, помогать, чем могу. Пусть и мой сын посещает молодежный клуб и изучает традиции и культуру нашего народа...»

Учащиеся школы № 224 САНКТ-ПЕТЕРБУРГА отмечали праздник Лаг Баомер в Можайском, популярном дачном месте еще со времен Екатерины II. Каждый класс на время превратился в партизанский отряд, который во что бы то ни стало стремился присоединиться к армии Бар-Кохбы, вождя восстания против завоевателей-римлян. Партизанам предстояло пройти множество испытаний. Неожиданно дорогу воинам преграждал римский патруль, почему-то говорящий по-английски! А то надо было рассчитать самый короткий путь, используя знания, полученные на уроках математики. Оставшись без провианта и медикаментов, предстояло найти лекарственные и съедобные растения, а, остановившись на ночлег, чтобы не замерзнуть, разжечь костер и спеть еврейскую песню для поддержания боевого духа. Каждый отряд проходил свой маршрут, ориентируясь по топографической карте. А в конце пути патруль Бар-Кохбы расспрашивал партизан на иврите, чтобы распознать римских лазутчиков. Впрочем, таковых не обнаружилось. И наконец, разрозненные отряды бойцов соединились с главными силами армии еврейского вождя. Война за независимость закончилась победой!..

В еврейских общинах некоторых городов Украины празднование Лаг Баомера уже традиционно. Каждый год в ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ проходят увлекательные детские праздники: и в еврейской школе «Ор Авнер», и в женском педагогическом училище «Бет Хана», и, конечно, в детских садах и молодежных клубах. Но главное – это грандиозный детский парад, который начинается на большой площади у здания городского цирка. С утра играет духовой оркестр, атмосфера праздника ощущается повсюду. В руках ребят – изготовленные на уроках труда транспаранты и плакаты с важными заповедями, благодаря которым еврейский народ смог сохранить себя на протяжении тысячелетий.

В параде принимают участие все еврейские образовательные учреждения города. Первыми идут самые младшие – воспитанники детского сада «Илана» и хедера, за ними – учащиеся еврейской школы, а замыкают шествие студентки «Бет Ханы». Конечно же, в праздничной колонне не только дети, но и их родители, бабушки и дедушки. Колонна следует вдоль берега Днепра в центральный городской парк. Здесь в летнем театре состоялось праздничное представление.

Веселых клоунов сменяют учащиеся циркового училища. Затем разворачивается действие спектакля, рассказывающего об истории Лаг Баомера, в котором принимает участие театральная группа училища «Бет Хана». После концерта

детей ждут веселый городок аттракционов, водные велосипеды и компьютерные игры... Сколько во всем талантливой выдумки, сколько веселья!

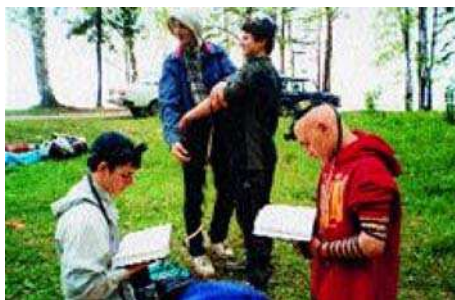
А в ДОНЕЦКЕ накануне праздника весь день лил проливной дождь. Вечером члены еврейской общины собрались в синагоге, после молитвы сели за праздничный фарбринген – хасидскую беседу вокруг стола. И вот дар Небес – в это самое время дождь прекратился. Во дворе синагоги развели традиционный большой костер. Пели хасидские песни, рассказывали о чудесах, связанных с рабби Шимоном Бар Йохаем, мудрецом, с чьим именем неразрывно связана традиция праздника Лаг Баомер.

Главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий на следующий день рассказывал, что очень волновался, как донецкие евреи смогут провести в дождливую погоду праздничный парад. Даже отправил накануне факсом письмо на могилу Любавичского Ребе с просьбой к Всевышнему о хорошей погоде...

Утро было отменным – солнечным, теплым. Началось веселье с праздничного концерта в ККК «Кристалл», зал которого любезно предоставил уважаемый член еврейской общины Роман Григорьевич Добкин. Всем происходящим на сцене руководил молодой раввин из Израиля Аарон Вагнер. Выступали детские коллективы и в том числе хор еврейского детского сада с веселыми песнями на иврите и русском. Зал в унисон подпевал малышам «Ясэ Шалом» (Да будет мир!). Ученики младших классов общеобразовательной еврейской школы № 99 под руководством замдиректора Юлии Вириной пели и читали стихи, танцевали участники школьного ансамбля «Симха» (художественный руководитель Лариса Палагута) и хореографического коллектива «Боу Лиркод» ДОБФ «Хесед-Цдака». Ребята из «Ешивы Ктаны» произнесли 12 изречений из Торы, которые, как учил Любавичский Ребе, должен знать каждый ребенок.

В праздничной викторине разыгрывались призы, лучшим школьникам по традиции вручали специальные чемоданчики со всем необходимым для встречи Субботы (Лаг Баомер в этом году переходил в Шабос) и, конечно же, поздравляли ветеранов Великой Отечественной войны с Победой – ведь совпали такие праздники! Защитников Отечества поприветствовал раввин Вышецкий.

Наконец, все вышли на аллею парка имени Щербакова, который на несколько часов был предоставлен в распоряжение еврейской общины. Все организационные вопросы праздничного гуляния успешно разрешила директор благотворительного фонда «Колель Хабад» Сара Максимова. Впереди колонны торжественно двигался большой плакат с текстом: «Люби ближнего как самого себя». Возглавляли колонну ветераны, за ними шли дети и педагоги еврейского садика, затем – одетые в форму солдат израильской армии учащиеся еврейской школы, а следом остальные – все с яркими праздничными кепочками на головах.

В этот день все радовались бесплатным аттракционам, о чем также позаботилась донецкая еврейская община, заключив договор с руководством щербаковского луна-парка. В праздничном гулянии приняли участие главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий, председатель еврейской общины Иегуда Келерман и руководитель «Ешивы Гдолы» Арье-Лейб Каминштейн.

Праздничным парадом отмечали Лаг Баомер и в МАРИУПОЛЕ. Плакаты его участников, прошедших город от драмтеатра до городского парка, напоминали всем жителям, как необходима людям любовь к ближнему, как прекрасна жизнь, основанная на заповедях Торы. В парке, который арендовала еврейская община, все участники парада смогли повеселиться на аттракционах. Бесплатно предлагались прохладительные напитки. Еврейским общинным центром города была организована маккабиада.

Со словами приветствия к собравшимся обратились председатель МЕКПО А. М. Чудновский и гость праздника, представитель еврейской общины Донецка раввин Аарон Вагнер. В этот день в праздничных мероприятиях приняли участие студенты Иудейской духовной семинарии – ешивы «Томхей-Тмимим» – Любавич Донецка во главе со своим руководителем Арье-Лейбом Каминштейном. В своем выступлении А.М. Чудновский поблагодарил за помощь в организации парада городского главу Ю. Хотлубея, главного раввина Донбасса Пинхаса Вышецкого, председателя Федерации еврейских общин Украины раввина Меира Стамблера и ученика ешивы «Томхей-Тмимим» – Любавич Донецка Михаэля-Исроэля Гольдина. После молитвы в синагоге на берегу Азовского моря состоялся фарбренген.

На Лаг Баомер в ЖИТОМИР съехались сотни участников из 13 областей Центральной и Западной Украины: дети, воспитатели и преподаватели школ. Праздник начался на центральной площади города, около кинотеатра «Жовтень». Плакаты здесь гласили: «Еврейским детям – еврейское воспитание!», «Дети, учите Тору!», «Готовьтесь к приходу Мошиаха!» Под еврейские мелодии в исполнении военного оркестра аэромобильной бригады Житомира всех развлекали веселые клоуны.

Первым приветствовал участников праздника главный раввин Центральной и Западной Украины Шломо Вильгельм. Затем выступили начальник управления по делам

национальностей, миграций и религий Станислав Карнатовский, руководитель группы учениц еврейской школы «Бет Хана» из Лос-Анджелеса госпожа Ямини, директор житомирской общеобразовательной еврейской школы «Ор Авнер» Анна Демидецкая.

После торжественной части праздничная колонна прошла по центральным улицам города. В городском гидропарке ребят ожидали спортивные соревнования в беге, стрельбе, теннисе, шахматах. Подлинно спортивный дух продемонстрировали А. Прилуцкий, Я. Краснов, И. Маскевич, А. Кронер, Д. Блюменштейн, Р. Елин, А. Островский. Особенно отличились шахматисты М. Кашуба, К. Владяновский, А. Крутий, Е. Пресман, Д. Вакс, Я. Медведев, О. Карпенко, М. Бормалийский. Среди девушек вне конкуренции была ученица восьмого класса школы «Ор Авнер» Марина Добринецкая, второй призер первенства области по шахматам. А «спортсменом №1» среди парней стал еще один ученик еврейской школы — Саша Прилуцкий, победивший в соревнованиях и по легкой атлетике, и по стрельбе.

Пока в гидропарке проходили спортивные состязания, в областном телецентре учащиеся Житомирской еврейской школы показали необычное представление. Перед зрителями предстали образы великих женщин еврейской истории: Сары, Рут, Эстер, Рахили, Мирьям – живых символов верности и благородства, мужества и терпения, высоты духа и преданности. Игра юных артистов, грациозно исполненные танцы, яркие и красочные костюмы покорили всех, кому довелось увидеть этот спектакль.

Завершал праздничную программу вечер в пансионате «Электрон», он прошел на импровизированной эстраде прямо посреди зеленой поляны. И вот наконец запылал праздничный костер. В небо полетели разноцветные воздушные шарики. Как хорошо!.. Но пора прощаться.

ТОРА ПРИНАДЛЕЖИТ КАЖДОМУ ЕВРЕЮ

Швуэс – праздник дарования еврейскому народу Торы – традиционно отмечается во многих общинах на территории бывшего СССР. Мы расскажем о том, как готовился и проходил этот великий праздник в некоторых городах Украины и Татарстана.

«Áóááí úá ðáçã áí ðú,

í áíí è, ñòèòè...

Á í áá áííí yòèì - Óíðá

Éí èã Éí èá í à áíçáú óáí èè, óéðá óáí í ày óááò àì è.

Dyáíí á ðyò ñáí-è».

*Nāiō ēāī à Ōāēūī āī
(Ī āāāōāēī ūā ×āēī ū).*

«...Ā īīōīī īōēōūēē

Āōīī Ēēēāāō,

īāēōēē Ōīōū īīīāīēē ē āēī ā Āāōāē ēēē ē Ōīōā ē īāīēē

ē īāē āāōāē īāīēō īāōēāō. Ē īēōōāēē ÷ōāī ēā

Āāīōēō Çāīīāāāāē».

Āēēē Nāī āāō (Āīīāōē).

В ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ стало доброй традицией: перед праздником Швуэс отмечать бар– и бат-мицву учащихся еврейской школы «Ор Авнер – Хабад-Любавич». Но в нынешнем году этот день прошел особенно торжественно. И не удивительно, ведь с каждым годом городская еврейская община все больше внимания уделяет своей школе. И год от года растет число еврейских семей, решивших соблюдать традиции своего народа.

За час до начала торжества дети с родителями стали собираться в уютном кафе «Строитель», ставшем традиционным местом проведения праздников еврейской общины. Праздник открыл главный раввин Днепропетровска Шмуэль Каминецкий. Обращаясь к детям, он напомнил: хотя их совершеннолетие еще условно, но на еврейских детей уже с этого возраста ложится серьезная ответственность, например, настало время, когда нужно отдавать долги родителям. Ведь одна из главных заповедей Торы – уважение к ним. А еще раввин признался, что для него, посланника Любавичского Ребе, нет большей радости, чем видеть выполняющих заповеди детей.

Директор школы «Ор Авнер» Георгий Скороход сказал ребятам: надо гордиться тем, что они принадлежат к великому еврейскому народу, заложившему основы всей современной цивилизации. Затаив дыхание, слушали дети уважаемых раввинов: главу Федерации еврейских общин Украины р. Меира Стамблера и главу раввинского суда Иерусалима р. Иегуду Рабиновича. Пришли на праздник директор Израильского культурного центра Шмуэль Кацев и глава представительства «Джойнт» Менахем Лепкивкер. А завершил торжественную часть раввин Йосеф Блой, – он передал детям специальное поздравление президента фонда «Ор Авнер» Леви Леваева.

«В каждом номере концертной программы, в сценках школьного театра и в выступлении вокального ансамбля “Капельки счастья”, так и слышалось: мы уже взрослые, с сегодняшнего дня мы начинаем выполнять многие заповеди, и дай нам Б-г сил прожить жизнь так, как велит Тора, как учат наши мудрецы, – пишет наш корреспондент. – Каждый из детей рассказал о своем еврейском имени (многие это имя получили только сегодня), каждый перед лицом всей общины взял на себя мицву».

Разумеется, не обошлось без подарков: дети получили Тору, Сидуры, цицит и субботние подсвечники. Было и праздничное угощение. Для мальчиков испекли два торта в виде тфилин, а для девочек – словно субботние свечи.

Но и на этом праздник не закончился. На следующее утро все собрались на утреннюю молитву в синагогу «Золотая Роза» – там мальчики впервые в жизни выполнили заповедь тфилин, они молились в миньяне и были вызваны к Торе. А после молитвы учащиеся школы «Ор Авнер» в ешиве «Нахлас Леви» познакомили с работой школы сойферов, рассказали, как работают переписчики Торы. Каждый мальчик под руководством опытного сойфера смог написать на кусочке пергамента свое еврейское имя. А девушки впервые в жизни испекли субботние халы – в полном соответствии с еврейским законом. В интервью для городской еврейской телепрограммы все говорили наперебой: этот день, день их бар- и бат-мицвы, запомнится им на всю жизнь.

Празднование Швуэса в еврейской общине ДОНЕЦКА началось детским концертом в городской синагоге. Главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий рассказал ребятам, что именно детей принял Всевышний в качестве гарантов Своего договора с еврейским народом. Затем завуч по традиции еврейской школы № 99 Ирина Резник провела праздничную викторину. Хотя зал был разделен на две группы, победили в конце концов все вместе, благодаря дружбе...

Конечно, было чтение Десяти Заповедей, свитки Торы целовали. В донецкой синагоге есть уже два полных свитка Торы, увенчанных коронами! Их несли по залу раввины Пинхас Вышецкий и председатель донецкой еврейской общины Аарон Вагнер; р. Вагнер даже поднялся со свитком на балкон в женское отделение, поскольку в этот день оно также было заполнено детьми. «Очень приятно, – сказал он, – видеть детей, когда они прикасаются к Торе. Конечно, нужно приходиться к Торе самим, а не ждать, пока придет Тора. Но сегодня мы хотели показать: Тора принадлежит каждому еврею, даже самому маленькому».

В праздник Швуэс, пока взрослые мужчины молились, дети еще раз повторяли Десять Заповедей. В зале на втором этаже синагоги шло очередное «заседание» детского клуба «Цивос Гашем». И его хозяйка – в тот день это была Юлия Вирина – скрупулезно разбирала с детьми все нюансы послания Всевышнего. Особое внимание было уделено заповеди об уважении родителей.

Кстати, о родителях, точнее о мамах. Пока более 100 ребятишек готовились к торжественному чтению, их мамы перед дверями молельного зала вместе с ребецн Диной Вышецкой повторяли молитвы и сокровенные слова заповедей.

А когда открыли Арон Койдеш, свитки вынесли к биме. И шли евреи к Торе, и несли к ней детей своих на руках. И слушали Десять Заповедей...

В этом году евреи **НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНОВ** отмечают Швуэс впервые.

Торжество открыл председатель еврейской общины «Шалом» Семен Тельман. После его вдохновенных поздравительных слов детский еврейский хореографический ансамбль воскресной школы исполнил танец «О, Израиль!». Всего несколько дней назад этот юный коллектив жители города впервые увидели на детском Фестивале воскресных национальных школ города, и всем уже полюбилась резвая, талантливая детвора.

После торжественной церемонии в Зеркальном зале Дома дружбы народов «Родник» члены общины и гости собрались в кафе. Хася Штейнберг, Полина Пергамент и Катя Сторожу зажгли свечи. Были прочитаны праздничные благословения и молитвы.

Преподаватель истории и традиций еврейского народа детской воскресной школы Б.А. Тарант рассказала, как Всевышний даровал еврейскому народу Тору, в чем смысл празднования Швуэса. После праздничной трапезы прозвучали проникновенные стихи о скрипке, скрипаче и судьбе еврейского народа в исполнении Кати Жареновой. Маленькая Полинка Пергамент исполнила на скрипке первую в своей жизни недавно выученную еврейскую песенку...

Душевные разговоры, выступления... А над всем этим – Тора. Книга Книг на возвышении, украшенная цветами. Горят свечи.

Член общины студент Влад Авхадеев вместе с С.В. Тельманом показали мужчинам и юношам, как нужно правильно надевать тфилин. В семье Фаины Иосифовны Кувалиной тфилин сохранялись из поколения в поколение. А для большинства этот обязательный атрибут верующего еврея в новинку, и как накладывать его, большинство видит впервые в жизни.

Не меньшее волнение вызвал маленький свиток Торы в бархатном чехле, подаренный сыну С.В. Кондрашовой Даниэлю в Москве, в школе для еврейских мальчиков «Месивта», куда община «Шалом» послала его учиться. По просьбе правления общины Светлана Владимировна принесла Тору сына показать людям.

Были на этом празднике отец и сын с татарской фамилией Шариповы. Вместе с тем корни у них что ни на есть еврейские, поскольку бабушку Йоху, когда-то осиротевшую в одночасье еврейскую девушку, после войны из-под Ленинграда привез в Татарстан их отец и дед. Родителей Йохы фашисты живыми закопали в землю.

Тяжелые душевные раны Йохы зажили. У нее четверо детей, много внуков, все ее любят, чтят. Старший внук, двадцатидвухлетний Руслан, решил изучать иврит, а двенадцатилетний Даниил начал посещать еврейскую воскресную школу. Недавно всем семейством они в первый раз пришли в общину на встречу Субботы...

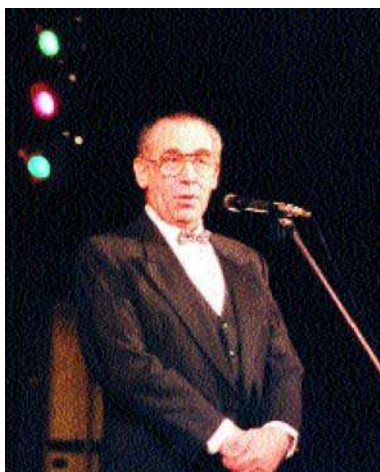
Уже стемнело, когда разошлись последние гости. Ушли с чувством благодарности, что есть место, где может по-настоящему отогреться еврейская душа, где есть люди, которые сами учатся всю жизнь и других учат настоящей еврейской жизни, завещанной Торой.

Î áçíð í íáã ò í á è è à È ò è í à Ð á ç á í à à í í é í ò ð á ñ í í á á í ò è ý ì Ò. Î á ð á è è ñ (Á í è ñ á ð á á), Î. Á ð á á ð à è È. Á í ò à (Ñ á í è ò - Î á ò á ð á á ð á), Á. Ñ á í á á ð á (Á í í á ò è), Á. È è ò è í à (Î á ð è ó í í è ý), Ñ. Ò á è ý ì á í (Î á á á ð á è í ú á × á è í ú), Á. Î í ð ò í í á (È è ò í í è ð) è á ð á è ò.

Ефим Захаров

МОЯ «АЛИЯ» В ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР

Имя Александра Левенбука, заслуженного артиста России, стало хорошо известно еще задолго до того, как он возглавил театр «Шалом». Сложившийся в стенах первого мединститута эстрадный дуэт двух Александров – Лившица и Левенбука – еще в конце 50-х годов стал лауреатом сразу двух конкурсов молодых артистов эстрады – российского и всесоюзного, после чего был приглашен в Москонцерт и вскоре занял ведущее место в эстрадно-разговорном жанре. Лившиц и Левенбук выступали на лучших площадках Москвы, много гастролировали по стране, выступали за рубежом. Номера их были остроумны и в высшей степени профессиональны. Их называли самой интеллигентной парой на эстраде.

В 70-е годы появилась «Радионяня», и на ее веселых уроках выросло не одно поколение.

Левенбук и Лившиц –

два еврея

(До чего дошли мы, ну и ну!),

Голосов в эфире не жалея,

Русскому учили всю страну.

«Радионяня» стала классикой, и сегодня распродают огромные тиражи аудиокассет с молодыми, задорными голосами полюбившихся артистов.

А в 1988 году в жизни уже заслуженного мастера советской сцены Александра Левенбука произошло особенное событие – появился свой, еврейский театр. «Фениксом, восставшим из пепла» назвала его одна из лондонских газет. Александр Левенбук возглавляет «Шалом» со дня его основания – уже без малого полтора десятка лет. За это время театр, имеющий постоянную сцену в Москве, объехал с гастролями множество городов бывшего СССР, неоднократно показывал свои спектакли в Америке, Израиле, Германии, побывал в Лондоне, Антверпене и других городах земного шара. «Шалом» стал лауреатом Международного фестиваля еврейских театров в Бухаресте.

– Александр Семенович, как же так получилось: пошли во врачи, а оказались в искусстве?

– С врачами это происходит довольно часто, и это не случайно: врачи лучше всех знают человека. А я как раз сначала поступал в Щепкинское театральное училище, но был отсеян за «специфическую» внешность. Тогда и пошел в мединститут и не жалею. Это семейная традиция: моя мама, Ревекка Лазаревна, была врачом-гинекологом, сестра, которая живет в США, – главный эксперт Всемирной организации здравоохранения. Вообще медики – очень уважаемая у евреев профессия. По еврейской традиции, ведь, врачу разрешено работать в Субботу.

– Очень бы хотелось, чтоб у врачей было как можно меньше поводов работать не только в Субботу, но и в другие дни. А как вы встретились с Александром Лившицем?

– В первом «меде» была очень сильная художественная самодеятельность. Достаточно назвать Алика Аксельрода, одного из создателей КВН. Лившиц и я активно в ней участвовали, но порознь. Однажды после концерта выяснилось, что домой нам в одну сторону. Мы разговорились, основательно покритиковали выступления друг друга... и решили выступать вместе.

Когда мы сменили профессию, к нам пришли лучшие авторы того времени: Аркадий Хайт и Александр Курляндский, Феликс Кандель и Эдуард Успенский. Они охотно откликнулись, оценив нашу работу на эстраде. Мы успешно выступали до самого отъезда Лившица в США в 70-е годы.

– А «Радионяня» как появилась?

– Довольно просто. Можно сказать, в рабочем порядке, хотя и не обошлось без волшебника. Как-то раз нас пригласили на радио провести детскую передачу. Там мы познакомились с Николаем Владимировичем Литвиновым – это был настоящий радиоволшебник: все дети только так его и воспринимали. Мы подарили ему свою пластинку. Вероятно, он ее прослушал. А тут решили выпустить в эфир новую веселую передачу для детей. Литвинов вспомнил о нас и пригласил, а мы позвали наших авторов. Все вместе разработали структуру новой передачи, придумали название – «Радионяня». Главный ее принцип – обо всем рассказывать весело. Дети не любят, когда их напрямую учат. И мы стали распевать трудные правила русского языка, арифметики, делали интермедии.

Мы с Лившицем дурачились, словно сами были школьниками: спорили, ошибались, пока находили верное решение. Сделали и концертную программу по «Радионяне» – «От 8 до 80». В любом городе она проходила с аншлагами. Вышло более 3

миллионов пластинок и аудиокассет с записями наших передач. Выходят и сейчас. Многие радиостанции, например, «Эхо Москвы», нередко повторяют наши «уроки».

– Думаю, взрослые слушают их ностальгически и подпевают детям, а то и внукам. А как вы пришли в еврейскую культуру – в театр «Шалом»?

– Случайно и, конечно, не случайно. У меня уже был некоторый режиссерский опыт: я ставил первые эстрадные программы Евгению Петросяну, Владимиру Винокуру. Михаил Глуз, возглавлявший Камерный еврейский музыкальный театр, пригласил нас с Аркадием Хайтом сделать шоу-спектакль, и мы поставили «Тум-балалайку». Этот спектакль шел с большим успехом, его даже возили на Бродвей. Все это и послужило, я думаю, тому, чтобы мне предложили возглавить Еврейский драматический ансамбль.

– Был такой ансамбль?

– Был. После того как в 1948 году зверски убили Михоэlsa, на следующий год закрыли ГОСЕТ, которым он руководил, и вообще все еврейские театры в СССР. Только в 1962-м небольшая группа уцелевших госетовцев после упорного хождения по инстанциям наконец-то добилась разрешения создать небольшой Еврейский драматический ансамбль. Но им почти не давали играть, не было и руководителя.

С началом перестройки кое-что стало меняться. Мне предложили возглавить этот коллектив, но затем месяца 3–4 тема не поднималась вовсе. Однажды я был на репетиции Иосифа Кобзона. Там оказался некий чин из управления культуры. Меня он в лицо не знал. Кобзон между делом спрашивает его: а как, мол, дела с еврейским театром? Тот отвечает: «Нет руководителя. Левенбук отказался». «Знакомьтесь, Левенбук», – говорит Кобзон. Долгая пауза. Однако дело завертелось. Меня утвердили. Так началась моя алия в еврейство.

– Вы – смелый человек: взяться за еврейский театр...

– Конечно, было немного боязно. Но я не раз слышал, как актеры называют свой театр «дурдомом», а поскольку у меня была пятерка по психиатрии, я решил, что еврейский театр – это как раз моя клиника.

– И с чем вы пришли в театр?

– В том-то и дело, что приходиться было не с чем. Репертуара у театра не было. Срочно нужна была первая пьеса. К кому обращаться? Помочь мог только Аркадий Хайт. Но согласится ли он, занятый «Ну, погоди!» и «Котом Леопольдом»?.. Опять помог Кобзон: пригласил нас обоих в ресторан Дома композиторов. Кобзон – замечательный психолог. За обедом он говорил о чем угодно, только не о театре. А под конец сказал: «Ребята, есть хорошее дело – поднять еврейский театр. Кроме вас, это никто не сделает. Подумайте».

Мы вышли. Час стояли под снежком и фантазировали. Потом поехали писать. Напишем картину – я сразу ее ставлю. Так появился «Поезд за счастьем». Когда мы его репетировали, в Москву приехала Ванесса Редгрейв, великая английская актриса. Услышав о еврейском театре, она пришла к нам. Мы показали ей несколько готовых картин. «Это должен увидеть Лондон», – сказала она и, когда спектакль был готов, организовала гастроли в английскую столицу. Было 14 аншлагов и 23 хвалебных рецензии.

– Каким по-вашему должен быть еврейский театр?

– Определяющим, конечно, в нем должно быть еврейское мироощущение – доброе, мудрое, иногда немного ироничное, самоироничное... И, конечно, какой еврейский театр без юмора, музыки, песен и танцев! Поэтому мы очень любим жанр мюзикла и, без ложной скромности сказать, очень заразительны в этом своем пристрастии.

Когда мы повезли в Америку мюзикл «Пол-Нью-Йорк мне теперь родня», мой племянник, ученый-медик, который живет там давно, сказал: «Везти в Америку мюзикл все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром. Будет ли успех?..» А когда закончился наш спектакль в чикагском зале на 1500 мест, он взял в банкомате деньги и сказал: «Раздай актерам, они победили».

Конечно, ставим мы разные спектакли. Готовых пьес по-прежнему нет, и мы на них не рассчитываем. К сожалению, главный наш драматург Хайт умер. Правда, он оставил нам комедию «Моя кошерная леди» – ремейк по «Пигмалиону» и «Май фер леди», но драматургия совершенно самостоятельная.

Наши пьесы рождаются при активном содействии труппы – тоже, можно сказать, особенность еврейского театра. Так мы поставили драму «Шоша» по лучшему роману лауреата Нобелевской премии Исаака Башевиса-Зингера. Мы единственные, кому удалось инсценировать прозу Эфраима Севелы: наш главный балетмейстер, режиссер Визма Витолс нашла оригинальное пластическое решение, и спектакль «Праведники и грешники» по пяти рассказам Севелы состоялся.

– Последняя ваша премьера – «Блуждающие звезды». Как возникла идея поставить этот спектакль?

– Мы давно думали о еврейской классике, прежде всего о Шолом-Алейхеме. И вот на гастролях в Америке в 1996 году я встретился с его внучкой, Бел Кауфман, известной у нас благодаря своему популярному роману «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Она возглавляет мемориальный фонд Шолом-Алейхема. Бел Кауфман сказала, что хотела бы увидеть «Блуждающие звезды», лучший роман ее деда, на нашей сцене.

Между прочим, эту вещь ставил в ГОСЕТе Михоэлс. Премьера состоялась в сентябре 1941 года, когда немцы рвались к Москве. В роли молодой героини Рейзл дебютировала Этель Ковенская – замечательная актриса. После разгона ГОСЕТа Юрий

Завадский пригласил ее в театр им. Моссовета, а сейчас она работает в израильском театре.

Конечно, мы ощущали особую ответственность за свой спектакль. Нужна была новая инсценировка: сейчас другие реалии. Нам нужен был современный спектакль и лучше всего в жанре мюзикла. Либретто для нас написал Борис Рацер, а музыку – Александр Журбин, который теперь живет в Нью-Йорке. Ставила Визма Витолс – у нее значительный опыт по постановке мюзиклов. Долго она не приступала к работе – все искала новое решение для всех деталей спектакля. И нашла. Подробно рассказывать не буду, спектакль можно посмотреть. Скажу лишь, что на роль Розы Спивак (Рейзл), которая становится выдающейся певицей, мы, кроме нашей вокалистки Надежды Мамонтовой (у нее консерваторское образование), нашли еще двух талантливых актрис – Юлю Лобанову из мюзикла «Метро» и Соню Звездой.

Труппа у нас сейчас в основном молодая – все выпускники театральных ВУЗов. Спектакли играем на русском языке: что поделаешь, знающих идиш почти не осталось.

– Какие еще новые работы театра?

– За последнее время у нас появились три различные программы еврейских песен и танцев: «Фаршированная рыба с гарниром», «Лехаим всем и кое-что еще» – программа заслуженных артисток России Ирины Климовой и Татьяны Карасик и «Еврейское застолье» Евгения Валевица и шоу-группы «Фрейлехс». Все три идут с аншлагом. Под-робней о нашем театре можно посмотреть в Интернете: у «Шалома» свой сайт.

А планы у нас такие: поставить спектакль по «Испанской балладе» Фейхтвангера – найдено интересное решение этого романа для сцены. Кроме того, если помните, был фильм с Симоной Синьоре «Мадам Роза» по роману Ролана Гари «Жизнь впереди». Мы делаем свою инсценировку. И в память о друге нашего театра и его главном драматурге Аркадии Хайте будем ставить его последнюю пьесу «Моя кошерная леди». Вероятно, это будет совместная постановка с Театром сатиры.

– Вы уже столько лет возглавляете еврейский театр. Насколько это повлияло на ваше еврейское мироощущение?

– В огромной степени. Но во-первых, как бы мы ни были ассимилированы, наверное, у каждого с детства в душе живет что-то сокровенное, еврейское. Мой папа, Симха Абрамович, знал иврит, любил петь еврейские песни, они западали мне в душу. С приходом в «Шалом» я много общался со старыми госетовцами, со знатоками еврейской традиции, стал читать еврейскую литературу: художественную, историческую,

религиозную. Много дают контакты со всевозможными еврейскими организациями, которые приглашают меня для участия в их культурных мероприятиях.

Недавно я вел в Казани концерт клейзмерской музыки, рассказывал хасидские притчи. На концерте был раввин Берл Лазар. Конечно, я не делал комментариев к притчам – они по большей части и так достаточно выразительны, но о сугубо еврейских вещах говорил, ощущая глубокую с ними связь. Это не просто заученные слова роли: я чувствую, понимаю и хочу говорить о том, что жизненно важно для еврейства. И если о таких вещах можно говорить, не теряя чувства юмора, тем лучше.

– **Что вы считаете главным делом своей жизни?**

– Мне довелось многим заниматься за свою жизнь и, кажется, не без успеха. Но в полной мере я обрел себя именно в еврейском театре «Шалом».

Александр Маршак

ОДНА ИЗ ПРЕВОСХОДНЕЙШИХ ИЗРАИЛЬСКИХ ГИТАР

О гастролях Йорама Зербиба в Москве

В июне этого года благодаря МИД у Израиля, Посольству государства Израиль в России, его культурному отделу во главе с г-ном Даном Орьяном москвичи получили великолепный подарок: с гастролями в столицу приехал один из самых выдающихся современных гитаристов – профессор Ашдодской консерватории, доктор Йорам Зербиб. Его репертуар удивителен: к примеру, музыка И. Баха, Н. Паганини – на гитаре!

Первое выступление Зербиба в Москве состоялось в концертном зале Академии имени Гнесиных. Был аншлаг. Уже в самом начале вечера, когда маэстро сыграл А. Пяцолли, классические танго, сочиненные специально для гитары, зал возликовал! Кроме классики, в концерте прозвучали и мелодии современных композиторов, в том числе московского друга Йорама Зербибы А. Виницкого, Н. Рошковского (Израиль), Й. Родриго.

После концерта г-н Д. Орьян помог мне побеседовать с музыкантом.

– Йорам, вы в России первый раз?

– Второй, но, думаю, не последний. Я много слышал о еврейском общинном центре, недавно открытом в Москве. Надеюсь в следующий раз выступить и там.

– Расскажите немного о себе.

– Я сефардский еврей. Родился в 1965 году в Израиле – мои родители поселились там задолго до моего рождения. А в музыку я влюблен почти с пеленок.

– Почему вы избрали такой нееврейский инструмент?

– А фортепиано – еврейский? Тем не менее евреи становятся великими пианистами. Ойстрах все-таки – скрипач!

Гитарной технике и гармонии я учился в Израиле, в Тель-Авиве, у знаменитого гитариста Йосефа Уршалми.

– Что для вас музыка?

– Жизнь и больше того. Я слышал об успехе выставки, прошедшей недавно в Москве, о театре в гетто-концлагере Терезино. В Израиле тоже знают эту выставку. Так вот без музыки нельзя было там выжить. Она дает силы, вы тоже замечали?

– О, да! А что вы пожелаете читателям «Лехаима»?

– Дня не жить без музыки! Евреям России, я думаю, это понятно. Между прочим, из 25-ти моих студентов в Ашдоде сегодня больше 20-ти – из России.

Я поблагодарил Йорама Зербиба за беседу. А г-н Орьян на прощание сказал: «Если бы я дал список всех премий и наград, которых удостоен этот музыкант в разных

странах мира, вы не уложились бы и в хорошую статью!» «Больше всего я горжусь самым первым, своим призом – улыбнулся Йорам Зербиб, – призом Международного фестиваля, проходившего в Израиле!»

Ἰ ἀὐτῆς Ἀλέξιῳ

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА

9 июня навсегда ушел от нас Савва Яковлевич Кулиш. Талантливейший человек – не только в области кино – он успел сделать за сорок лет работы в искусстве так много, что и поверить в его смерть почти невозможно. Ушел из жизни большой кинорежиссер, завершив «под занавес» одно из самых главных деяний своей жизни – цикл 12 документальных фильмов «Прости, прощай XX век».

Смерть настигла его в Ярославле, куда Савва Яковлевич поехал в начале июня на форум, посвященный развитию системы образования в России. Он хотел показать там свой новый фильм из серии «Прости, прощай XX век» и показал его. Фильм хорошо был воспринят и зрителями и г-ном Соросом, который участвовал в этом мероприятии.

Ничто не предвещало трагедии, которая произошла на следующий день: инсульт поразил этого бодрого, вечно беспокойного, здорового с виду человека... Глядя на него, казалось, что он будет жить вечно... Но уже в начале июня он оказался в одной из больниц Ярославля. На помощь ярославским врачам приехали медики из Москвы. Врачами Ярославля и Москвы, как сказал мне доктор Элькис, главврач Московской скорой, было сделано, все возможное и невозможное. Но сказано в Писании: «Никто не в силах выкупить у смерти брата своего...»

Смерть Саввы Кулиша оказалась неожиданной для всех людей, знавших его, и, думается мне, для самого Саввы Яковлевича. Кто-кто, а уж он умирать не собирался. Однажды, я запомнил его слова, он сказал мне: «Ты же знаешь, что я родом из Одессы, а в Одессе говорили: “Кто думает часто о смерти, тот уже мертвец...”»

А раз так, то поговорим сейчас о жизни, о замечательной жизни яркого художника, которого звали Савва Кулиш.

Зимой этого года мы договорились с Саввой Яковлевичем, что к своему 65-летию, которое готовились отметить его друзья и почитатели 17 октября 2001 года, он

дает «интервью в рассрочку» специально для «Лехаима». Почему в «рассрочку»? «Так удобнее, – сказал он мне. – Беседы для меня удовольствие, а удовольствие надо растягивать».

Я успел задать ему для будущего интервью всего два вопроса. Первый: почему его назвали Саввой? «Ты первый, кто меня спрашивает об этом. Сам я почему-то не придавал этому значения. Я думаю, что так или приблизительно так звали кого-то из моих предков. Во всяком случае, очень дальнего моего пращура, правда, он не был одесситом, звали Савл... Позже он поменял свое имя, стал Павлом, я же в отличие от него, остался верен тому имени, которым меня нарекли»...

И, конечно, я тут же спросил: «И народу, тебя породившему?» По взгляду Саввы я уловил, что вопрос этот ни к чему... Еще бы, уместно ли задавать такой вопрос одному из создателей фильма «Обыкновенный фашизм», режиссеру фильмов (в рамках упомянутого сериала) «Антисемитизм», «Холокост», режиссеру так талантливо, правдиво и беспощадно рассказавшему о своем детстве в фильме «Железный занавес» (так и не оцененном до сих пор).

Савва Яковлевич действительно сумел в кино сделать невозможное. Операторский факультет ВГИКа он окончил в 1959 году. Этого образования ему показалось мало – он поступил в театральное училище имени Щукина, чтобы учиться у самого Зархи, и окончил его в 1968 году. На вопрос о своих учителях, он обычно отвечал так: – Жизнь; Михаил Ильич Ромм; Натан Абрамович Зархи и Алексей Николаевич Арбузов.

Он казался – и действительно был – человеком везучим, преуспевающим в киноделах. Его документальный фильм «Последние письма» (в нем речь о письмах солдата-участника Сталинградской битвы) был отмечен призами на Международном кинофестивале в Кракове (1966) и Лейпциге (1967). Получить столь высокое признание за первую самостоятельную работу (в этом фильме Кулиш был и сценаристом и режиссером совместно с Х. Стойчевым) дано не многим.

А дальше были фильмы «Комитет 19-ти» (1972) и «Взгляд» (1978). Последний фильм был удостоен Серебряного приза на 11-м Московском международном фестивале.

Особое место среди художественных фильмов, сделанных Саввой Кулишем, занимает «Сказки... сказки... сказки старого Арбата». Особое, потому что после спектакля по пьесе А. Арбузова «Сказки старого Арбата», много лет с успехом шедшего на сцене театра им. Вахтангова, сказать что-то новое, что-то свое – не просто. Помню, в разговоре со мной по поводу «Сказок...» режиссер Николай Рубенович Симонов сказал: «Такой фильм мог создать человек беззаветно, безраздельно влюбленный... в жизнь, в женщину, в Арбат». После «Сказок...» Кулиш создал еще «Трагедию в стиле рок» (1988).

И все же в последние годы Савва Яковлевич все больше и больше уходил в кино документальное. Уже сняты и готовы к показу киноленты «История болезни» (о возрождающемся национал-социализме в Германии) и «Русский фашизм»; «Нацизм и религия» и «Вождь и толпа».

Словом, Савва Кулиш еще долгие годы, десятилетия продолжит свои беседы, диспуты со зрителями с телеэкранов и в кинозалах. Можно ли этим утешить близких Саввы Яковлевича – его маму, жену... «Не пытайся утешить ближнего, пока в доме перед ним лежит покойник».

Пройдут дни, и горе, постигшее так неожиданно не только родных и близких Саввы Кулиша, но и его друзей, почитателей и зрителей, постепенно станет тише и глуше. И тогда мы поймем не только, как велика горечь потери, но и как счастливы мы были, что видели, внимали искусству, создаваемому неповторимым художником, имя которому Савва Кулиш.

МАЗЛ ТОВ!

Í îñîîñîëëë ääðäëñîëëë îáîëííîëëë öáíòð è Óääðäðöëÿ ääðäëñîëëë îáîëííîëëë ðîññëëë ïíçäðääëÿðò äëäáí îáî ääääëí à ðîññëëë Áäðëä Èççäðä ñ äí äí ðíæääí ëÿ!

Æäëäâí çáíðíáíÿ íà äíëäëä äíäí, ñ: äñòüÿ, öää: ë, ðäâíñòë è äíëäëäðöëÿ!

Í îñäðääëÿâí Óäëÿ Áäâí à è äñ ññ'ðäð Áëíëäðó ñ ðíæääí ëäí íäðäí öä Áäðäâí à Í äí äðäí à!

Æäëäâí í äëüóó ðäñòë çáíðíáíí è ñ: äñòëëäííí íà ðäâíñòü ññëí ðíæðäëÿÿí è Á-äñ!

Í îñäðääëÿâí ññí ùð ðäí í äëü ñ ðíæääí ëäí ääâí: ëë!

Æäëäâí í äëüóëä ðäñòë óí ííë è ëðäñëäíë äí 120-òë è Í äðäñ ðíæðäëÿÿí íò äñë äóóë.

Áíðäëä äðçáë! Áñë äí ðíòëðä ííçäðääëðü ññëó äðçáë, ðíáíóó è äëëçëëó ä ðäððëä «Í äçë Òíä», ññíáîëëðä íá ÿóíí ä ääääëëëð:

103055 Í îñëä, 2-ë Áúóäñëäðäâí íäð, 5ä

Òäëäðíí 218-00-01, óäëñ 219-97-07.

ЧАШИ ДОБРА И ЗЛА

Вопрос о роли местного населения в уничтожении евреев Восточной Европы – очень болезненная тема. До недавнего времени всякие попытки обсуждать этот вопрос немедленно пресекались, официальная точка зрения была такова: в уничтожении евреев, кроме нацистов, участвовали только единицы из числа местных жителей, пошедшие к ним на службу. В начале 90-х, когда на волне демократизации открылись архивы и начали публиковать воспоминания о событиях Второй мировой войны, понемногу становится известной истинная картина происходившего в те годы – картина ужасающая.

Выяснилось, что вылавливали и уничтожали евреев не столько немцы, сколько местное население. И делалось это не тайком, а организованно, порой почти торжественно – после молебна в церкви. Особенно неприглядно в этой связи выглядело руководство украинской греко-католической церкви (УГКЦ) во главе с митрополитом Андреем Шептицким.

Украинские националисты, получившие на Украине в последние годы большое влияние, стараются всячески затушевать эту неблагоприятную сторону деятельности своих земляков, представляя их в качестве мучеников и борцов с нацизмом.

Публикуемые ниже статьи отражают две точки зрения на деятельность УГКЦ и митрополита Шептицкого в годы Второй мировой войны – критическую и апологетическую. Какая из позиций ближе к истине – ответ за читателем.

«Блаженные» пособники нацистов

Наї аї хадїтїє

Одним из пунктов программы пребывания папы Иоанна Павла II на Украине в конце июня нынешнего года значится беатификация (причисление к лику блаженных. – С.Ч.) митрополита А. Шептицкого, возглавлявшего в 1900–1944 годах греко-католическую (униатскую) церковь на Западной Украине. Намерение беатифицировать Шептицкого, которого не без основания считают коллаборационистом (сотрудничавшим с фашистскими захватчиками в оккупированных странах. – С.Ч.), вызвало большой скандал еще и потому, что греко-католическая церковь настойчиво добивается его причисления к числу Праведников народов мира (надеясь приобрести таким образом дополнительные аргументы для объявления его блаженным). В рамках концепции так называемого третьего пути украинских националистов, то есть их борьбы и против нацизма, и против сталинизма во время второй мировой войны, раздаются заявления о том, что митрополит активно противостоял фашизму. Для чего проводится эта кампания,

поговорим позже, а пока попытаемся понять, кем же на самом деле был Андрей Шептицкий.

Митрополит

29 июля 1865 года в поместье Прилбичи Яворовского повета у польского графа Яна Шептицкого родился сын, нареченный в крещении Романом Александром Марией. Граф происходил из знатного галицкого рода, получившего боярское достоинство в конце XIII века от князя Льва Даниловича.

Весной 1888 года молодой граф Роман вместе с матерью побывал на аудиенции у папы Льва XIII, которому сказал о желании стать монахом-василианином (василиане, или монахи чина Василия Великого, – монашеский орден, основанный в IV веке Василием Великим. В XIX-XX веках главной ареной действия василиан, основных поставщиков кадров для униатского духовенства, стала Западная Украина – С.Ч.). И 28 мая того же года после защиты докторской диссертации в Ягеллонском университете его приняли в послушники Добромьельского монастыря Василианского чина. При пострижении он получил имя Андрей. В 1899 году монах получил место епископа города Станислава (Ивано-Франковск), а в 1901-м он стал митрополитом Галицким – главой униатской церкви. В этом качестве он всеми силами стремился к восстановлению былого влияния униатской церкви и ее дальнейшему распространению в пределах России. В 1908 году он даже получил от папы Пия X полномочия на тайное посвящение католических епископов для служения на территории России (тайное – поскольку царское правительство не признавало легитимности католической религии вне Польши и Литвы).

В августе 1914 года – в первые же дни первой мировой войны, митрополит Андрей Шептицкий написал секретный меморандум – «Записку» – австрийскому правительству о необходимости создания украинского государства – гетманства во главе с представителем династии Габсбургов под протекторатом Вены. Решение церковного вопроса он брал на себя. Как митрополит Галицкий и всея Украины (а затем, как надеялся, и патриарх) он планировал объявить о непризнании власти Святейшего Синода, сместить с кафедр епископов-москвофилов и назначить сторонников украинской ориентации. Шептицкий писал: «Рим согласился бы на эти распоряжения и назначения. Восточные патриархи, которые были бы оплачены властью, также бы одобрили их. Оставляя народу все, что могло бы быть ему дорого, с точки зрения обрядов и обычаев, повышая уровень клира (священнослужителей. – С.Ч.), избавляя его от тяжелого ярма синода (в 1721–1917 годах христианские церкви Российской империи находились под управлением Святейшего Синода. – С.Ч.), от которого он так много страдает, и обращая клир от полицейской и политической деятельности к чисто церковной и христианской сфере, можно быть уверенным в полном согласии. Таким образом, единство Украинской церкви будет сохранено или воссоздано, а ее отделение от Российской церкви будет решительно и фундаментально проведено. Канонические методы для такой процедуры приемлемы с католической точки зрения и с точки зрения восточного православия, они законны, логичны и не требуют выяснения». И далее: «Православие церкви не было бы уничтожено. Оно должно быть сохранено во всей его полноте. Было бы только необходимым очистить его радикальным способом от московских влияний».

Но планам митрополита не суждено было сбыться: Львов был занят русскими войсками, а Шептицкого выслали за антиправительственную агитацию подальше от границы – в Киев. После высылки митрополита в его архиве и была обнаружена «Записка», о чем из доклада министра внутренних дел Штюрмера узнал Николай II. Император, подумывавший, не вернуть ли опального митрополита, собственноручно

написал на докладе об авторе «эпистолы»: «Какой мерзавец!» Так судьба митрополита по сути была решена.

Освобожденный из-под стражи Временным правительством, Шептицкий вернулся во Львов и сразу же приступил к восстановлению унии в тех областях, где она была подавлена царским правительством. В 1918-м рассматривался даже проект создания украинского патриархата во главе с Шептицким – чтобы, по словам национального лидера Украины тех лет В. Винниченко, «отгородить Украину стеной унии от Москвы раз и навсегда».

После окончания Первой мировой и Гражданской войн митрополит Шептицкий, видимо, пытаясь реализовать свои мечты о патриархате в рамках независимого украинского государства, превратился в одного из вождей украинского националистического движения (это поссорило его с польскими властями). Поддержкой Шептицкого, в частности, пользовалось такое образование, как Украинская военная организация, позже ставшая печально знаменитой ОУН-УПА – Организация украинских националистов – Украинская повстанческая армия (как выяснилось, один из «вождей» ОУН А. Мельник являлся протеже митрополита), представлявшая собой украинскую разновидность агрессивного национализма и практически с самого начала своей деятельности находившаяся на содержании германских спецслужб. С конца 20-х годов украинские националисты установили с нацистами самые тесные контакты.

Кстати, сторонники признания Шептицкого Праведником народов мира говорят о его добром отношении к евреям уже в этот период, приводя в его пользу, в частности, тот аргумент, что он крайне осторожно относился к крещению иудеев. На наш взгляд, это вполне могло быть как раз проявлением антисемитизма, боязни, что «пронырливые» выкресты займут в церкви важные посты. Изучение иврита митрополитом тоже не является доказательством его благорасположения к евреям, как и дружба с главным раввином г. Пидгайцы (почти у всех антисемитов есть друзья-евреи, вспомнить хотя бы Йорга Хайдера, лидера националистической австрийской партии свободы).

В годы Второй мировой войны

Сразу же после вступления передовых немецких частей во Львов 30 июня 1941 года сформированный из украинцев батальон «Нахтигаль» пошел к Шептицкому за благословением. Благословение «на святую борьбу во имя правды Б-жьей» было без промедления дано. И в дальнейшем немецкие пособники из числа украинцев регулярно получали благословение митрополита. Он активно сотрудничал с немецкими оккупационными властями. 10 июля 1941 года на свет появился манифест благодарности и уважения к фюреру Адольфу Гитлеру и победоносной немецкой армии. А в 1943-м греко-католическое духовенство, финансируемое немцами, приняло самое активное участие в создании дивизии ваффен-СС «Галичина», капелланом которой стал униатский священник И. Гриньох, доверенное лицо митрополита.

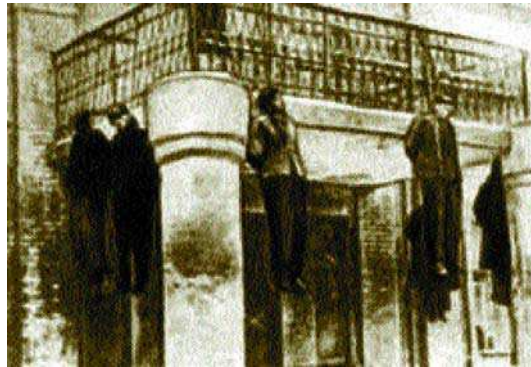
Сторонники беатификации, говоря о деятельности Шептицкого в этот период, заявляют, что он лично спасал евреев, в своих обращениях к вождям третьего рейха требовал прекратить их истребление, а также осудил христиан, участвовавших в этих зверствах. В пример приводится решение синода УГКЦ от 27 марта 1942 года с проклятием убийцам, а также письмо Гиммлеру и послание митрополита верующим. Однако надо заметить, что основная часть евреев к этому моменту уже была загнана в гетто или расстрельные ямы, и проклятие вероятнее всего распространялось не на убийц евреев, а на агрессивно соперничавшие фракции украинских националистов, чьи раздоры

беспокоили и раздражали Шептицкого. Этой же теме было посвящено и послание «Ты не должен убивать». Письмо же Гимmlеру посвящено не столько судьбе евреев, сколько просьбам отстранить украинскую полицию от «акций», поскольку «украинцы в результате этого становятся кровожадными убийцами и могут убивать кого угодно, включая и своих соплеменников». Так что и в этом случае Шептицкий больше всего желал предупредить разложение в украинских полицейских частях. То, что он никоим образом не протестовал против немецкого «нового порядка», доказывает и его личная судьба той поры. Он ни разу не был подвергнут аресту или каким-либо притеснениям. И не потому, что немцы опасались волнений (арестовали же они лидера ОУН Бандеру), а потому, что никаких реальных протестов со стороны митрополита не было. Единственный документ, в котором он прямо говорит об убийстве евреев, – письмо папе Пию XII от 31 августа 1942 года – по всей вероятности предназначался для опубликования на Западе, чтобы сформировать в глазах союзников благоприятный образ потенциального униатского патриарха.

Иван Гриньох.

Стоит также заметить, что митрополит ни единым словом не осудил резню евреев, поляков и украинской интеллигенции, устроенную националистами во Львове в первые дни немецкой оккупации. А когда жена одного из погибших обратилась к Шептицкому за помощью, митрополит ответил ей, что «не вмешивается в мирские дела». На просьбы главного раввина Львова И. Левина повлиять на украинцев, принимавших участие в погромах, митрополит ограничился обещанием написать по этому поводу послание. Молчал он и в дальнейшем во время проводимых немцами и украинской шуцманшафтполицией «акций» по истреблению евреев как во Львове, так и на всей территории Галиции. А 14 января 1942 года митрополит первым поставил свою подпись под письмом украинских националистов Гитлеру: «Мы заверяем Вас, Ваше Превосходительство, что руководящие круги на Украине стремятся к самому тесному сотрудничеству с Германией, чтобы объединенными силами немецкого и украинского народов завершить борьбу против общего врага и претворить в жизнь новый порядок на Украине и в Восточной Европе». Более того, в марте 1942-го Шептицкий направил в канцелярию Гитлера описание видения, якобы бывшего у монахини-вавиланки Авксентии: «Евреи чтобы... не жили среди христиан, ибо пренебрегли Б-жественным законом, и чтобы не состояли ни в каких учреждениях, а были бы самой низшей категорией работников». Разве это не признание нацистской расовой концепции? Далее говорится о том, что немецкая армия должна разрушить все в России до основания, «ибо Г-сподь не хочет, чтобы там что-нибудь осталось». Он писал Гитлеру и в дальнейшем, надеясь добиться аудиенции и воплощения своей мечты о Галицийском патриархате. А в 1942–1943 годах епископы УГКЦ с полного одобрения митрополита передали немцам списки евреев, крестившихся в надежде избежать гибели.

Погибшие во Львове.

Но вот теперь справедливости ради надо признать: да, было и спасение евреев – Шептицкий спрятал в своей резиденции сына львовского раввина И. Левина, раввина Д. Кахане, позже ставшего главным раввином Аргентины, и некоторых других. Даже в гитлеровской Германии имели место подобные факты. Как известно, осенью 1944 года сам Гиммлер приказал прекратить уничтожение в Аушвице. Предпринимали меры, приостанавливающие уничтожение евреев, и чиновники-антисемиты. Делали они это не из большого человеколюбия, а для того, чтобы иметь заложников, – козырь на переговорах с союзниками. Надо заметить, ни одного из них не признали Праведником народов мира – сделанное ими зло перевесило спасение евреев.

Шептицкого на подобный шаг могло толкнуть полное пренебрежение немцев к его проектам – создание украинского государства и Киевско-Галицкого патриархата. Встретиться с Гитлером или с кем-либо из нацистской верхушки митрополиту не удалось. Самым высокопоставленным из немецких чиновников, кто его принял, был адмирал Канарис, глава абвера (разведки). В отличие от митрополита Шептицкого три монахини монастыря студиток в Перемышлянах, спрятавшие нескольких евреев, в том числе беременную жену раввина Кахане и его шестилетнюю дочь, удостоились звания Праведника народов мира, и в их честь на Аллее Праведников посажена ель.

1 ноября 1944 года, вскоре после освобождения Львова советскими войсками, Андрей Шептицкий, митрополит Галицкий, умер, завещав вожакам УПА продолжать войну с СССР «до последнего». Его похороны состоялись в воскресенье 5 ноября, гроб был положен в крипте Собора Св. Юра. Между прочим, был венок и от советских властей.

Солдат дивизии «Галичина».

Судьба сподвижников Шептицкого сложилась практически одинаково: весной 1945-го все униатские епископы были арестованы и исчезли в советских лагерях. Исключением стал лишь Иосиф Слипый, в 1963 году по личной просьбе президента Кеннеди освобожденный и немедленно вывезенный в Рим. Там он получил звание кардинала и едва не воплотил мечту своего предшественника-митрополита – в 1971 году на соборе греко-католиков провозгласил себя патриархом, правда, его патриархат так и не признала ни одна церковь, даже католическая.

Солдаты дивизии «Галичина», о которой упоминалось выше, вместо того чтобы понести за свои преступления заслуженное наказание, были спасены католической церковью и вывезены в Великобританию и Канаду. А в 1946-м «инициативная группа» во главе со священником Г. Костельником (в 1948 году по официальной версии убит оуновцами), в свое время активно призывавшим молодежь вступать в дивизию «Галичина», провела во Львове «собор» (без епископов), принявший решение о расторжении унии и о вхождении бывших униатских приходов в состав Русской православной церкви (РПЦ) на правах автономии.

Андрей Мельник.

Кому выгодна канонизация?

Познакомившись с биографией Шептицкого, мы подходим к вопросу: кому выгодна его беатификация, а затем, возможно, и канонизация – причисление к лику святых? Ответ прост – после второй мировой войны УГКЦ оказалась очень сильно запятнанной сотрудничеством с нацистами. Единственной возможностью реабилитации в глазах мирового общественного мнения может быть существенное «облагораживание» ее облика. Так, в 1954–1955 годах в Ватикане был начат процесс беатификации Шептицкого, но вскоре его приостановили, по-видимому, из-за осознания «непроходимости» кандидата.

Специальная комиссия при Яд ва-Шем обычно выносит решение при первом же обсуждении ходатайства, полученного от спасенного еврея. Этой же комиссией около 20 раз рассматривались ходатайства о причислении Шептицкого к Праведникам народов мира, но всякий раз они отклонялись. Это беспрецедентный случай. Кстати, просьбы в отношении рядовых священников, монахинь и т.п. удовлетворялись сравнительно быстро.

В последние годы наблюдаются необъяснимые канонизации и беатификации людей, связанных с нацистами. Так, в 1998 году был причислен к лику блаженных кардинал Степинец, в свое время благословивший создание государства усташей в Хорватии, которое стало одним из государств-юденфрай (свободное от евреев). Это ободрило УГКЦ, которая к тому же сейчас «на коне» в Западной Украине. Кажется, для нее наконец забрезжила возможность предстать в облике церкви-мученицы. Кроме общего морального удовлетворения, это означает еще и возможность реабилитации украинских националистов из ОУН, которых поддерживал митрополит. Сейчас они предпочитают рассказывать о евреях, воевавших в составе отрядов УПА, а не вспоминать «славное боевое прошлое», отмеченное массовыми расправами с евреями и «москалями».

Вот и нынешний первоиерарх УГКЦ кардинал Любомир Гузар в интервью «Независимой газете» на вопрос о протестах, которые может вызвать со стороны евреев беатификация греко-католического духовенства, ответил: «До меня не доходили такие протесты... Да и сам факт ношения немецкой формы или формы Украинской повстанческой армии не доказывает, что человек был антисемитом. Мы, украинцы, не для того становились членами УПА, чтобы убивать евреев», – и привел старую легенду о том, что в УПА тоже, мол, были евреи. Всё надеется представить таким образом националистическую организацию интернациональной!

Доколе?!

Βεῖτᾱ Νουῖαι Ἰεῖε

Вопрос о признании митрополита Украинской греко-католической (униатской) церкви Андрея Шептицкого Праведником народов мира рассматривался специальной комиссией при Яд ва-Шем почти 20 раз. Это беспрецедентный случай. Обычно Комиссия выносит решение при первом же обсуждении ходатайства, полученного от спасенного еврея.

Автор возглавляет Общество израильско-украинской дружбы (Израиль), почти 20 лет занимается розыском украинцев, спасавших евреев в годы войны.

Митрополит Андрей Шептицкий.

Среди лиц, обязанных своим спасением митрополиту Андрею Шептицкому и ходатайствующих о присвоении ему этого звания, раввин Давид Кахане, два сына – Курт (Ицхок) и Натан – бывшего главного раввина города Львова Иехескиеля Левина, два сына – Цви и Леон – раввина Хамейдеса, семья аптекаря Подошина, другие люди, считающие А. Шептицкого своим прямым или косвенным спасителем. О личности А. Шептицкого и его роли в спасении евреев высказывались г-жа Илана Мейрон, отец которой был учителем митрополита, обучая его ивриту, семья Функа, личный шофер А. Шептицкого Иван Гирный и многие другие.

Ходатайства от Давида Кахане и других спасенных были представлены на семь человек: двух братьев Шептицких и пятерых других особо отличившихся в спасении евреев – священников, монахов, игуменью. Пятеро из семи были признаны без всяких проволочек на первом же заседании. А главные герои спасения – Андрей и Клементий Шептицкие, чьи воля и влияние воздействовали на других спасителей и не только в пределах монастырей, получили от ворот поворот. Причем, следует отметить, что Клементия не признавали долгое время только по единственной причине: за фамилию Шептицкий. Надо же! Как это он не учел, спасая евреев?!

Но справедливость все же восторжествовала: настоятель монастыря студитов архиепископ Клементий Шептицкий спустя 50 с лишним лет после его участия в спасении евреев все же был признан Праведником народов мира. Не довелось ему узнать об этом при жизни (он умер в советском лагере в 1951 году) – что ж, наверно, приятно и посмертное признание.

Да, советская власть не признала спасение Клементием евреев в качестве смягчающего вину обстоятельства. А вина его состояла в том, что он не отрекся от униатской церкви и не перешел в православную, подчиненную московскому патриарху, прислужнику КПСС и КГБ.

Но какова вина Андрея Шептицкого перед комиссией Яд ва-Шем, что она упорно отказывает ему в признании? Давайте посмотрим, что о нем говорят документы и евреи, особенно те, кому он спас жизнь.

Уважительное отношение Андрея Шептицкого к еврейскому народу и его чаяниям сложилось у него задолго до войны. Какой бы город или местечко Галиции ни посещал митрополит, его неизменно, наряду с местным священником, встречал раввин. А. Шептицкий посылал пожертвования еврейским общинам к праздникам, заботился о том, чтобы у всех бедных была маца на Пасху. Свои послания еврейским общинам он писал на иврите. Семинарских знаний иврита ему было недостаточно, и он держал учителя, некоего Нафтали Зигеля, дочь которого – Илана Мейрон – ныне жительница Хайфы, поделилась со мной воспоминаниями о митрополите. Ей, видевшей его в детстве, запомнилась его доброжелательная улыбка с оттенком зависти, когда он слушал беглую ивритскую речь молоденькой Иланы. Ее отец всегда с восхищением отзывался об Андрее Шептицком. Главный раввин г. Пидгайцы Пиленфельд долгие годы был дружен с семьей Шептицких.

Недавно в израильской прессе (газета «Новости Недели», 08.03.2001) было опубликовано интервью А. Шептицкого, данное им в 1939 году представителям сионистской организации Галиции. Интервьюера интересовало отношение митрополита к сионизму. А. Шептицкий рассматривал сионизм как национально-освободительное движение: «Сионизм – это реальная идея, которая основывается на предпосылках высшей человеческой нравственности и потому заслуживает полной поддержки, – сказал он. – Я всегда был сторонником идеи возрождения еврейского народа и восстановления еврейского государства в Палестине. Сионизм считаю народным движением – природным и здоровым». И далее он развивает эту мысль, говоря о тех удивительных результатах, которые дает реализация идеи сионизма.

Дай Б-г, чтобы каждый еврей усвоил взгляд Шептицкого на сионизм и служение сионизму сделалось его жизненной целью!

И спасение евреев во время немецкой оккупации явилось не случайным внезапным порывом, скоротечным побуждением души Андрея Шептицкого, а следствием ранее сложившихся убеждений и благородной гуманной природы. И он оставался верен себе весь период сурового испытания.

Вот и раввин д-р Давид Кахане, продолжительное время проведенный в обществе своего спасителя, задается вопросом: «Кто он, митрополит, человек, который оказал мне свою защиту? Кто этот человек, который относился к евреям с такой большой добротой, который так глубоко им сочувствовал и который призрел в своих монастырях так много еврейских детей?»

Милый Давид Кахане (да будет благословенна его память!), живя без малого целый век, вы не теряли надежды еще при жизни узнать о признании вашего спасителя Праведником мира. Не дождались...

В своей книге «Дневник Львовского гетто» Давид Кахане посвятил описанию добрых деяний митрополита немало страниц.

Кратко упоминая об ужасных страницах в истории еврейско-украинских отношений и переходя к современности, Давид Кахане особо выделяет руководство украинских священнослужителей. Он пишет: «Я свидетельствую свое почтение руководству украинского духовенства, многим монахам, которые подвергали себя невероятному риску, спасая еврейских детей». При этом Давид Кахане указывает, что они были скорее исключением, чем правилом.

Чтобы не быть голословным, назову некоторые имена священников и монахов: Габриэль Костельник, Киприан, Марко Стек, Теодосий, Лазар, Никанор, Титус Проостюк, Котив, Иванюк, Грицай, Герман Будзинский, Мартынюк, Бен, игуменья Йосефа (Елена Витер), шофер Иван Гирный.

Но самыми яркими маяками человечности, маяками надежды на спасение души в эту яростную бесчеловечную эпоху сверкали два брата Шептицких и особенно ярчайший из них – митрополит граф Андрей Шептицкий. Его отношение к страдающим евреям передавалось другим и вдохновляло их на самоотверженные поступки. Без указаний и поддержки митрополита и его брата подчиненные им священники и монахи не смогли бы так демонстративно проявить свое человеколюбие. Влияние митрополита сказалось и на польке Монике Полянкой, настоятельнице женских монастырей, и на немце Питерсе, и вне монастырских стен – на изумительном священнике из г. Перемышляны Ковче, поплатившемся жизнью за спасение евреев, но поныне еще не признанном Праведником мира. Я знаком с его детьми и видел его последние письма к семье из лагеря смерти Майданек. Влияние А. Шептицкого испытал на себе и промышленник Качмарский, признанный Праведником народов мира.

Вот один из примеров такого влияния. Настоятель одного монастыря, подведомственного А. Шептицкому, отец Никанор, уже два года проведенный в немецкой тюрьме, оповестил монахов о том, что в их монастыре находятся два еврея. Чтобы не подвергать опасности всех монахов и избежать ликвидации монастыря, надо, чтобы кто-нибудь один взял вину на себя в случае обнаружения этих евреев. Он попросил смельчака подойти к нему. Мгновенно рядом с ним оказались монахи Варлаам, Ерофей, Иосиф, Патрик, Лазар, Амброс, Модест... – все, включая и Теодосия, прятавшего две еврейские семьи на фабрике, где он работал.

Но «уважение», «сочувствие», «влияние» – все это понятия абстрактные. Читателя интересуют конкретные дела Андрея Шептицкого – человека и митрополита.

На восьмой день войны, 30 июня 1941 года, немцы уже заняли Львов. В тот же день фракция Организации украинских националистов (ОУН(р)) под руководством Степана Бандеры провозгласила Украину независимой, и было сформировано правительство во главе с Ярославом Стецько.

На эту акцию наряду с другими откликнулся и глава Украинской униатской церкви митрополит Андрей Шептицкий. Его приветствие однако отличалось от других одним существенным моментом: он ждал от правительства «мудрого, справедливого руководства и мероприятий, которые учли бы потребности и благо всех заселяющих наш край граждан, невзирая на то, к какому вероисповеданию, народности и социальной категории они относятся». В посланиях других высоких авторитетов вопрос справедливого правления по отношению ко всем не ставился вообще. А он в первую очередь касался евреев, затем поляков и других.

Во время своего господства в Западной Украине после сговора Сталина с Гитлером о разделе Польши в 1939 году и вплоть до начала войны с Германией 22 июня 1941 года советская власть искореняла дух украинского национализма (кстати, и сионизма), наполнив до отказа тюрьмы «освобожденных» областей. Молниеносное наступление немцев не оставило чекистам времени эвакуировать заключенных, и было решено их ликвидировать. Немцы, заняв Львов и другие области Западной Украины, не преминули воспользоваться таким подарком в пропагандистских целях и для разжигания ненависти населения к «жидовско-большевистским извергам», сделав всех евреев – от

мала до велика – ответственными за это злодеяние. Евреев хватали в домах и на улицах и заставляли раскапывать ямы и извлекать тела убитых. Местное население, находя трупы своих близких, распалило страсти толпы, жаждущей мщения. Объект – евреи – оказался под рукой, и 2 июля 1941 года разразился бешеный погром. В этот день Львов лишился трех тысяч своих еврейских граждан.

Узнав о погромных действиях толпы, митрополит послал на улицы находившихся при нем священников и монахов для успокоения народа. Сам он идти не мог, будучи прикованным к коляске. Уже в течение многие лет он был парализован.

А утром того дня к митрополиту обратился главный раввин Львова Йехескиель Левин с просьбой повлиять на украинцев, принимавших участие в погромных действиях и в других городах и местечках Галиции. Митрополит пообещал раввину тут же написать пасторальное письмо для предотвращения разбоя и грабежей и распространить по возможности, хотя заметил при этом, что его влияние ограничено, ибо действия немецких властей ему не подвластны, да и другие влияния сказываются на народе в пору анархии и безвластия. Самому же раввину Левину он предложил переждать в его резиденции буйство антисемитской черни. Но раввин отклонил его предложение, ушел и погиб в тот же день.

В течение второй половины 1941 года и всего 1942 года митрополит созывал несколько раз синод и ставил вопрос о насилии. 27 марта 1942 года правление митрополита постановило применять к убийцам наказание: проклятие церкви.

Возмущенный преследованиями и геноцидом евреев, а также участием украинцев в этом гнусном деле, Андрей Шептицкий отважно пишет два послания, каждое из которых могло стоить ему жизни, а церкви – ликвидации. Первое – письмо всемогущему Гимmlеру. В нем он призывал рейхсфюрера СС отстранить украинскую полицию от участия в истреблении евреев. Украинцы в результате этого становятся кровожадными убийцами и могут убивать кого угодно, включая и своих соплеменников. Второе – пасторальное письмо, озаглавленное «Ты не должен убивать!». В нем он обращается к народу. Он предостерегает украинцев, заявляя, что нарушение заповедей Б-га, в частности заповеди «не убий» «повлечет за собой возмездие – «страшное возмездие». «Совершил человек самое омерзительное преступление, если преступил пятую заповедь: “Не убий”, преступление, противоречащее основе основ христианской морали – любви к ближнему. Человек, убивший ближнего своего, исключает себя из общества человеческого и из среды детей Б-жьих. Грехом подобным лишает убийца себя права на блаженство вечное, и на земле проклятие клеймом ляжет на него».

В пору массового истребления людей по идеологическим, политическим, расовым и иным мотивам писать и открыто проповедовать такое: «Человек, убивший своего политического противника, такой же убийца, как и тот, кто убил ближнего своего из соображений личной выгоды, и заслуживает он такой же кары небесной и такого же проклятия церковного» – не значит ли это бросать смело вызов фашистскому режиму, несущему гибель и разорение? Не свидетельство ли это высокого гуманизма яркой личности?

Только двое из высоких духовных авторитетов – немецкий кардинал Фаульхабер и митрополит Шептицкий – смело выступили с осуждением нацизма в его позиции по еврейскому вопросу.

На послания Андрея Шептицкого последовала реакция: пасторальное письмо было изъято из обращения, Андрея Шептицкого Гиммлер приказал отправить в лагерь. Немецкий правитель Львова Лаш убедил Гиммлера не добиваться исполнения приказа с учетом популярности митрополита. Его арест мог бы спровоцировать восстание населения. Немцы рассматривали украинцев Галиции в качестве своих союзников (не потому ли именно в Галиции была создана в 1943 году дивизия СС «Галичина»?). И Гиммлер отступил.

Когда официальная делегация министерства иностранных дел Германии нанесла визит митрополиту летом 1942 года, А. Шептицкий открыто осудил жестокое отношение немцев к евреям. Он считал своей человеческой обязанностью решительно выступить против преследования евреев и расовой дискриминации. Он не терял своего достоинства перед оккупационной властью, порой даже вел себя вызывающе перед крупными фашистскими чинами, навещавшими его.

Однажды его посетил шеф абвера (разведывательного управления верховного командования вооруженных сил) адмирал Канарис. У самого входа А. Шептицкий встретил его возгласом: «Адмирал, что вы делаете на суше? Ваше место на море». Канарис не вынес такого оскорбления, развернулся и ушел. Предвидел бы митрополит дальнейшую судьбу Канариса (он принял участие в «заговоре 20 июля 1944 года» против Гитлера и был казнен в апреле 1945-го), возможно, он отнесся бы к нему помягче.

У А. Шептицкого было весьма ясное представление о фашизме (национал-социализме) и коммунизме (интернационал-социализме) и соответствующее отношение к ним. Когда 29 августа 1942 года было ликвидировано львовское гетто и остатки его обитателей (после массовой расстрельной акции и отправки многих евреев в лагерь уничтожения Бельжец) были переведены в Яновский лагерь, митрополит пишет гневное письмо папе Римскому Пию XII, в котором выразил свое отношение к фашизму.

Выдержки из письма Папе Римскому от 29-31 августа 1942 года:

«Вот уже не менее года нет дня, в котором не совершались бы самые отвратительные преступления: убийства, грабежи, воровство, конфискации и издевательства. Первые жертвы – евреи. Количество убитых евреев в нашем небольшом крае уже наверняка перевалило за двести тысяч. По мере продвижения армии на Восток число жертв увеличивалось. В Киеве в течение нескольких дней истреблено сто тридцать тысяч мужчин, женщин и детей. Все малые города Украины были свидетелями подобной резни, и длится это уже больше года».

Далее он описывает, каким издевательствам подвергаются и другие жители Украины, к какой деморализации общества приводит немецкая оккупация, особенно слабовольных людей: «Они учатся воровству и преступлению человекоубийства, утрачивают чувство справедливости и гуманности... Душегубы, привычные истреблять евреев, тысячи невинных людей, привыкают к виду крови и становятся кровожадными».

Он клеймит систему лжи, мошенничества, несправедливости, грабежей, которая выглядит карикатурой на понятия цивилизации и власти. Это система эгоизма, доведенного до абсурда. Это система сумасшедшего национального шовинизма немцев по отношению ко всему честному и красивому. «К чему эта система приведет несчастный немецкий народ? – вопрошает митрополит. – Только к озверению, какого история еще не знала».

Ни действием, ни даже словом папа не ответил на это письмо, хотя, говорят, втихую он тоже спас нескольких евреев. На большее духу не хватило.

Когда приостановить истребление евреев стало абсолютно невозможно, Андрей Шептицкий повелел своему близкому окружению спасать их, особенно детей. Он проинструктировал священников, к которым питал доверие, как спасать детей и куда привозить их из разных городов Галиции. Священник Котив старательно собирал по городам и весям Галиции еврейских детей. Шофер Иван Гирный развозил их по монастырям. При перевозке детей неизменно сидел в кабине архиепископ Клементий Шептицкий и своим высоким саном и соответствующим сану облачением избавлял шофера и пассажиров от досмотра и проверок.

Девочек было легче спасать и прятать. Ими весьма энергично и самоотверженно занимались по указанию митрополита Моника Полянска и игуменя Йосефа. С мужским полом было намного труднее. Немцы устраивали в монастырях частые проверки. Взрослых мужчин облакали в монашеское одеяние, меняли им имена (Курт Левин был под именем Роман Митка, Давид Кахане – отец Матеуш, Натан Левин – Богдан Левицкий). Женщинам изготавливали арийские документы.

Давид Кахане повествует: «Мою жену снабдили хорошими украинскими документами, и она работала вне монастыря, а ребенка поместили в детский дом». Давая обобщающую оценку деятельности митрополита Андрея Шептицкого в спасении евреев, Давид Кахане заявляет: «Не каждый возвысился до такой степени самопожертвования, чтобы рисковать жизнью для спасения евреев».

Свидетельствуют другие спасенные

Курт Левин долгие годы добивается признания митрополита А. Шептицкого Праведником народов мира. Он выступал на многих собраниях и конференциях, обращался в Яд ва-Шем, к премьер-министру Израиля. В одной из своих статей он писал: «У народа Израиля было мало друзей в час нужды. Местное население было либо безразличным к судьбе евреев, либо принимало активное участие в их уничтожении. Немногие проявили сочувствие и еще меньше пытались помочь. И все же в час нужды евреи нашли друга в лице Его Превосходительства митрополита Андрея Шептицкого».

В письме ко мне Леон Хамейдес, спасенный А. Шептицким, писал: «Мой брат и я были спасены в монастырях, подведомственных Митрополиту Шептицкому. Там были и другие дети, включая... некоего Д. Амаранта, и еще одного мальчика, фотокарточка которого у меня имеется, но его имени я не помню. Меня долгие годы удивляет, что Митрополит все еще не признан по заслугам. Я не допускаю, что его действия могут вызвать спор... Я, со своей стороны, чрезвычайно заинтересован помочь в деле признания этого нееврея Праведником».

Митрополит Андрей Шептицкий.

Я располагаю свидетельствами многих людей, которые характеризуют митрополита А. Шептицкого как высокогуманного человека, большого друга евреев, оказавшего многим евреям помощь, рискуя жизнью, в самое трудное время. В обобщенном виде их чувства, приводимые факты участия митрополита в спасении евреев и высказывания о нем можно выразить словами Курта Левина: «В те трагические времена великий и благородный человек жил на горе Святого Юра. У него было сердце, полное сочувствия к человеческому страданию. Он вполне заслуженно носил имя “друга евреев”, каковым он себя называл задолго до этих событий, и он доказал это в самое мрачное время, рискуя собственной жизнью. Его имя будет навеки вписано в анналы еврейской истории».

Мнения ученых

Профессор Беер-Шевского университета Шимон Редлих в статье «Шептицкий и евреи» указывает, что А. Шептицкий был обречен жить в суровое время, когда в Европе враждебность преобладала над толерантностью. Проф. Редлих говорит о многосторонних связях митрополита с евреями Галиции и о глубоком взаимном уважении.

Двухлетнее правление советской власти в Западной Украине, ее отношение к религии, к национально настроенным людям, ущемление прав и свобод граждан не могли породить враждебности к новому режиму. И приход немцев во Львов на восьмой день войны, 30 июня 1941 года, был воспринят украинцами как акт освобождения. Эту иллюзию в какой-то мере разделял и А. Шептицкий. Как писал поэт: «Но кто б тогда за всеми не повлекся?» Вскоре, однако, А. Шептицкий полностью избавился от этих иллюзий, увидев звериный облик нацизма, проявленный по отношению к евреям и другим народам.

Д-р Редлих приводит примеры и документы с резко выраженными протестами митрополита против фашистских зверств и вопиющей безнравственности оккупантов, растлевавшей и украинцев, особенно молодежь. Д-р Радлих подчеркивает, что именно А. Шептицкий был инициатором спасения не менее 150 евреев. При этом он заявляет, что у Шептицкого не было намерения обращать спасенных в христиан. Цитирую автора статьи: «Насколько нам известно, Шептицкий не делал попытки обратить (в христиан. – И.О.) евреев, спасение которых он организовал во время Второй мировой войны. И в отличие от

папы Пия XII, Шептицкий был одним из немногих церковных деятелей, кто заботился о евреях и предпринял действия в их пользу».

Делая вывод об этой сложной личности, проф. Редлих отмечает, что действовать Шептицкому приходилось в сложнейших обстоятельствах. «Тем не менее, его слова и деяния на благо евреям ставят его в ряды того гуманного и отважного меньшинства, в которое – во время испытания – евреи верили, что именно они были их спасителями».

Да, в условиях ожесточенной войны и беспрецедентной катастрофы А. Шептицкому приходилось умело лавировать. Меньше всего его, старого, немощного, парализованного человека, тревожила личная безопасность. Он чувствовал свою ответственность перед своим народом, паствой и судьбой церкви, им руководимой, наконец, перед многими евреями, скрывавшимися в его монастырях. Нацистам ничего не стоило одним росчерком пера ликвидировать униатскую церковь и отправить в концлагеря священников и монахов, как это сделала советская власть в 1946 году, в мирное время.

Эту ситуацию трезво учитывает другой ученый, так же, как и проф. Редлих, спасенный на Украине, – д-р Аарон Вайс. Выступая на конференции о еврейско-украинских отношениях в исторической перспективе, которая проходила в Мак-Мастерском университете в Гамильтоне в Канаде в октябре 1983 года, д-р Вайс указал на выдающуюся роль А. Шептицкого в спасении евреев и на те трудности, которые приходилось преодолевать спасителям на Украине. «Таким образом, – сказал он, – усилия украинских праведников можно считать выдающимися, если принять во внимание тот фон, ту общественную атмосферу и те меры, которые немцы предпринимали против того, кто пытался спасти евреев». Так несколько сот из 1541 украинца, казненных немцами за различные «преступления», заплатились жизнью за помощь или укрывательство евреев (Judenbegünstigung).

Высокую оценку деятельности митрополита А. Шептицкого по спасению евреев дает исследователь Катастрофы Филипп Фридман. Митрополит неоднократно бесстрашно выражал свое мнение о немцах, называя их власть поистине дьявольской, хуже большевистской. Помощь, оказанную евреям митрополитом Шептицким, признает и бывший директор мемориала Яд ва-Шем д-р Ицхак Арад.

Журналист Лео Гейман еще в 1962 году взял интервью у раввина Давида Кахане, в то время главного раввина военно-воздушных сил Израиля. Д. Кахане обосновал многочисленными примерами, почему он считает А. Шептицкого святым. После войны Д. Кахане удалось переправить в Палестину около 200 детей, спасенных в монастырях, подведомственных митрополиту. А список священников и монахов, участвовавших в спасении евреев, насчитывал 240 имен, хотя, по словам Д. Кахане, не был полным.

Мнение института Яд ва-Шем

В разное время я получал ответы, характеризующие личность Шептицкого, из Яд ва-Шем непосредственно либо через канцелярию премьер-министра. Цитирую: «Славная деятельность главы Украинской греко-католической церкви нам известна и действительно заслуживает высокой похвалы. Некоторые книги, особенно книга раввина Кахане “Дневник Львовского гетто”, которая была издана Яд ва-Шем в этом году, правдиво изображает гуманную деятельность митрополита Шептицкого, имя которого будет вечно упоминаться среди тех Праведников народов мира, которые во время

Катастрофы протестовали против уничтожения евреев и на деле содействовали их спасению. 6.6.1985».

«Шептицкий способствовал спасению многих евреев; некоторых спасал непосредственно, большинство – путем указаний, которые он давал духовенству своей церкви. 23.1.1986».

После этих «заздравных» оценок следуют «заупокойные», которые я в этой статье приводить не стану, ибо не хочу без принуждения позорить Комиссию по присвоению звания «Праведник мира» при Яд ва-Шем и сам мемориал, который высоко ценю.

Я выражаю надежду на то, что теперь, когда устранены некоторые препятствия, ранее мешавшие объективной оценке подвига митрополита А. Шептицкого и справедливому награждению, Комиссия в ближайшее время пересмотрит свое решение и примет новое, положительное.

2001 год объявлен на Украине годом Андрея Шептицкого. 100 лет назад, 17 января 1901 года, бывший граф Роман Шептицкий стал митрополитом Андреем Шептицким. Признание его «Праведником народов мира» в этом году достойно увенчало бы эту юбилейную дату и послужило бы улучшению отношений между двумя народами, но главное – явилось бы торжеством справедливости.

Мною получено для публикации в печати письмо мэра Львова г-на Василя Куйбиды, адресованное директору Мемориального института Яд ва-Шем г-ну Авнеру Шалеву. Вот это письмо в переводе на русский язык:

«Уважаемый господин директор!

100 лет назад блаженной памяти Андрей Шептицкий стал митрополитом Украинской Греко-Католической церкви. В связи с этим 2001 год объявлен в Украине годом Андрея Шептицкого.

На наш взгляд, знаком заслуженного уважения к митрополиту за пределами Украины было бы признание его в Израиле Праведником народов мира.

Митрополит Андрей Шептицкий был не только горячим сторонником восстановления еврейской государственности, но и сделал немало для спасения многих сотен евреев в годы Катастрофы. Достаточно напомнить, что более 15 евреев спаслось от нацистского геноцида в резиденции митрополита в Соборе Святого Юра во Львове, а сотни других – в греко-католических монастырях на территории Западной Украины.

Вопрос о признании Андрея Шептицкого Праведником народов мира не раз поднимался семьями спасенных митрополитом евреев: аптекаря Подошина, главного раввина Львова Иехескиеля Левина, раввина Хамейдеса и других.

Мы благодарны тем общественным деятелям Израиля, благодаря ходатайству которых семь духовных особ с Украины, включая брата Митрополита

Архимандрита Клементия, стали Праведниками народов мира, и искренне надеемся, что в год Андрея Шептицкого его имя пополнит этот почетный список Великих и Справедливых Людей XX столетия.

Ńóàæáí èàì , ì ýðÂ. Êóéáèÿà».

ЦАРЬ МЕЛЕХ

ĖāāĀīīēīñēē

Как бы вы ответили, уважаемые читатели, на такой провокационный вопрос: почему в корне названия старейшего казачьего поселения на Дону – Кагальницкого городка – присутствует иудейские слово «кагал»?

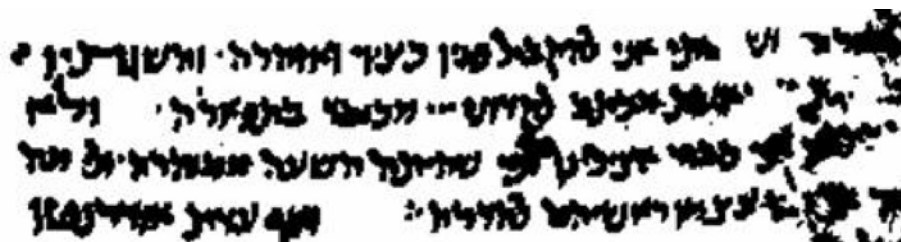
Этот вопрос был задан Михаилу Шолохову. Он ответил так:

– Пока есть противостояние иудаизма и православия, мы не будем знать всей правды.

Ни об истории казачества, ни об истории России.

И шутливо добавил, обращаясь к задавшему вопрос правдоискателю:

– Ищи! Может, найдешь правду.

Казачья повадка помогает автору «Тихого Дона» уйти от однозначного ответа (что свидетельствует о том, что великий летописец казачества, сам, как известно, по происхождению иногородний, действительно проникся вольным казачьим духом).

Однако вопрос, как говорится, интересный. Пока православие и иудаизм противостоят друг другу, простого ответа на него ждать не приходится. Как и ответа на вопрос, была ли в реальности Хазария, а если была, то какая. Вместо нее в российской историографии веками маячило что-то эфемерно-туманное, неразумное (прилипло пушкинское словцо!), непоправимо обрезанное (то есть отрезанное от отечественной истории: впали в иудаизм, значит, чужие). В новейшей историографии (от Гумилева до Кожина) Хазария как бы воскресает из псевдобытия (есть и роман А. Байгушева на эту тему) и именно – как непримиримый враг, фатальный геополитический оппонент Руси.

Эта оппозиция, я думаю, переносится в хазарские времена из времен позднейших, когда Русь действительно противостояла «востоку», – хазары оказываются как бы в роли прототатар. В реальности же ось напряжения проходила в доордынские времена не по линии Хазария – Русь, а по линии Хазария – Византия; Русь же, пластавшаяся между двумя этими силами, еще не была равновесным участником конфликта; она стала им позже – в результате борьбы с Ордой, но это произошло в эпоху, когда от Хазарского каганата остались одни воспоминания.

Опять-таки: если писать историю «верхов»: историю царств и религиозных доктрин, – тогда каганат, сопоставляемый с княжеством или ханством, может играть роль альтернативы, а иудаизм, в который вросла хазарская «верхушка» за 250 лет до крещения Руси, вполне может быть символически предьявлен Владимиру Красно Солнышко в качестве искуса при выборе веры.

Но если говорить об истории народов (а история народов кажется мне не менее интересной, чем история престолов и алтарей), так ведь кроме хазарской «верхушки», впавшей в иудаизм, были еще и пастухи, гонявшие стада от Дона до Арала, купцы, торговавшие по всему этому ареалу, ремесленники, чьи изделия по сей день археологи находят от Венгрии до Армении...

Оставляю в стороне поэтический вопрос о том, прикрыла или не прикрыла Хазария Западную Европу от азиатских кочевников, и если прикрыла, то лучше или хуже это вышло для истории, потому что в пору, когда этот вопрос был для Хазарии актуален, Русь еще только проектировалась, а когда Русь (опять-таки по Пушкину) действительно заслонила Запад от Востока, Хазарии уже не было.

Я думаю, что для истории России (именно – для истории народов, ее составивших) не менее существен другой вопрос: вот те самые хазары, неразумные, обрезанные, – куда они после исчезновения каганата реально делись?

Как куда? Рассеялись по евразийским просторам. Слились с тюрками, которым, по А. Кестлеру, приходились кровной родней. Слились со славянами, которым тоже были не чужды. Слились с еврейскими общинами Западной Европы.., но это – обрезанная верхушка. Что же касается масс, то в пестрой массе хазарского населения, жившего под крышей каганата, превалировали (по свидетельствам мусульманских историков) два типа: «кара-хазары» и «ак-хазары», то есть «черные» (похожие на тюрков, а еще, как тогда считали, на индусов) и «белые» (рыжеволосые, светлоглазые, долговязые... На кого они похожи, решите сами). В общем, как собрался каганат из двенадцати племен, так и рассыпался. Из кого собрался, пусть выясняют историки древности, а вот куда девался, это стоило бы выяснить историкам современности.

Вот один из ручейков, выбившийся на поверхность: казаки мещерские. Диалект – смесь славянизмов и тюркизмов. На воротах – мезуза. Предпоследняя историческая

затрещина получена от патриарха Филарета в 1619 году – за то, что в Смуту переметнулись к Лжедмитрию: за сей грех пришлось казакам из Мещеры передислоцироваться на Дон. Последняя затрещина – уже от советской власти, в ходе общего «расказачивания». Так что к середине XX века мало кто из этих казаков помнил, откуда они.

Один – помнил. Восемнадцатилетний кавалерист 247-го Уссурийского казачьего кавполка, в 1943 году по совету отца «попросившийся в кавалерию». По совету того же отца, о своем «мещерском» происхождении благоразумно помалкивал. Однако со слов своей бабки Федоры Давыдовны (хорошее сочетание) знал много тюркских выражений. И еще знал, что значит его фамилия: Подоксик (возьмите карту Мещеры и найдите реку Подоксу).

Участвовал казак в последней конной атаке XX века под Муданьцзяном. Служил в Советской Армии до 1954 года. Вышел в отставку в чине подполковника.

Он-то и спросил Шолохова о Кагальницком городке. На правах знакомого. Потому что и Шолохов, в военные годы посетивший их полк, спросил, какие тот парень знает фамилии дореестровых казаков. Фамилии оказались такие: Алимов, Баскаков, Малкин, Бирюков, Бердников, Чурхин, Мелехов...

Оставляя любителям ономастики распознавание тюркских и славянских антропонимов в этом списке, раскрою один, для почитателей Шолохова особенно любопытный: Мелех – это царь. На иврите.

СВЕТЛАЯ ЛЕГЕНДА ВЕКА

Î àòâé Áâéçâð

Заметки о М.А. Светлове

Популярность Светлова в пору моей юности и молодости – в конце 50-х – начале 60-х – была фантастической. Однако она имела совершенно иной характер, чем эстрадно-стадионная громкая слава, которая сопровождала тогда наших молодых поэтов – Рождественского, Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулину, но была не менее прочной и долговечной. Как утверждали древние, «настоящая слава в том, чтобы писать достойное быть прочитанным».

О неиссякаемом юморе Светлова, о юморе, исполненном блеска, иронии и доброты, ходили легенды. Его экспромты, «хохмы», эпиграммы цитировали, передавали «из уст в уста». Как было не подхватить такое, например, «приветствие» на юбилее поэта А. Кручёных:

Вàáíòâé êðîëüüî è. Áâüüüòîî -

Êââééòééâöëü îîüòâ..

Светловские шутки становились фольклором. Поэта даже считали автором такого диссидентского явления 50 – 60-х годов, как армянское радио. Сам Светлов, правда, отрицал это и утверждал (еще одна блестящая и подхваченная «хохма!»), что он сочинил лишь три вопроса-ответа для армянского радио, а остальные – парикмахер Центрального дома литераторов Моргулис.

В тихом провинциальном городе, где я учился, Белгороде-Днестровском (Аккермане), что неподалеку от Одессы, Михаила Светлова знали и любили многие (во всяком случае из тех, с кем я общался). Это было как поветрие. Может быть, его «занесли» киношники, приехавшие к нам на съемки – надо сказать, город был очень популярен у кинематографистов. Я мечтал когда-нибудь увидеть Светлова, познакомиться с ним. Пока же, подружившись с московским актером, приехавшим сюда сниматься в каком-то фильме, ходил с ним в «Метро», винный погребок в центре города, и взахлеб слушал его рассказы о Светлове. Попивая дивное бессарабское вино с этим златоустом, я воображал, что пью с самим Светловым. А когда актер уезжал в Москву, я попросил его передать Михаилу Аркадьевичу бутылку аккерманского вина. Дошло ли оно до адресата, не знаю. Но с тех пор всякий раз, как мне доводится пить хорошее вино, я мысленно поднимаю рюмку за Светлова, как если бы он был мой добрый друг, почему-то всегда при этом вспоминая изречение Августа Аврелия: «Поэзия – дьявольское вино». Мне кажется, эти слова могут относиться к лучшим стихотворениям Светлова и, быть может, прежде всего – к его вдохновенной «Гренаде».

МАРИНА ЦВЕТАЕВА: МОЙ ЛЮБИМЫЙ СТИХ ЗА ВСЕ ЭТИ ГОДЫ

«Гренаде» Светлова уже за 75. Далеко не всем поэтическим творениям суждено такое долголетие в памяти почитателей. Марина Цветаева в своем письме Борису Пастернаку писала: «Передай Светлову, что его “Гренада” – мой любимый, чуть не сказала мой лучший стих за все эти годы. У Есенина ни одного такого не было. Этого, впрочем, не говори, пусть Есенину мирно спится». Эти мысли Цветаевой меня буквально поразили. Письмо датировано последним днем 1926 года, а «Гренада» была написана всего за 4 месяца до того – 29 августа. Из огромного потока стихов молодых поэтов Цветаева обратила внимание только на это. И не просто обратила внимание...

Можно предположить, что «Гренаду» Цветаева прочла незадолго до написания упомянутого письма, которое в значительной мере посвящено смерти любимейшего ее поэта Рильке («Умер Райнер Мария Рильке. Числа точно не знаю, дня три назад»). Вскоре – 9 февраля 1927 года – она снова вспомнила о «Гренаде» в письме Пастернаку: «...Живу в страшной тесноте, две семьи в одной квартире, общая кухня, вдвоем в комнате, никогда не бываю одна, страдаю». Далее в этом грустном, трагическом письме речь идет о смерти Рильке и вдруг по какой-то неуловимой ассоциации – слова о полюбившемся ей стихотворении и даже цитата из него: «Передал ли мой привет автору “Гренады” (имя забыла).

Àà, í îâîá í áñ è

È í îâÿ æ è ç ü

Í á í àâî, ðááÿ ò à

Î í áñ á ò ó æ è ò ü...»

Цитата неточная: у Светлова – «Новые песни придумала жизнь». Но для нас всего важнее, что Цветаева не просто прочла «Гренаду» Светлова, а полюбила ее. И в этом уже редкая счастливая судьба стихотворения. Оно зажило собственной жизнью.

И тут хочется сделать небольшое отступление, провести некоторые параллели. В приводимом выше письме Цветаева с горечью вопрошает Пастернака о Рильке: «Кто из русских поэтов пожалел о нем?..» Такой же вопрос можно было бы задать после кончины Светлова, читая в дневнике одного из его близких друзей Ю.М. Нагибина (запись от 29 сентября 1964 года): «Странно, что смерть этого лета я ощущаю несомненно острее и печальнее, чем смерть Михаила Светлова, приключившуюся вчера. А ведь я знал его, пил с ним, принимал у себя дома, любил его как безвредного, милого, остроумного. И мы оба не виноваты в том, что его смерть воспринимается мной почти условно, как некое клубное мероприятие. А засыпание лета, полей, сада – с великой и глубокой печалью». Это тоже читать грустно. Но Юрий Нагибин неожиданно оказался прав в одном: смерть Светлова – понятие условное. Автору «Гренады» суждено если не бессмертие, то очень длинная жизнь.

«Гренада» оказалась стихотворением пророческим. «Я хату покинул, – / Пошел воевать, / Чтоб землю в Гренаде / Крестьянам отдать» – говорит украинский хлопец. Мог ли Светлов предполагать, что десятилетие спустя тысячи мечтателей (русских, украинцев, евреев, армян...) покинут родные места, семьи и уедут в Испанию воевать за светлое будущее Гренады, Кастилии, Андалузии, Севильи?.. Мог ли он предполагать, что через 10 лет напишет об Испании совсем другую «песню»:

Í àä èçðáí áí íé ì àñî ò íé
Ñíëí òá ì äëëáí íî ì ëúâáò,
Í àä ì íäëéíé Áíí-Èëõî ò à
Ñáðíñë áí ì áóñì ì éáò.
È á äú ì ó ãí áí íé áóðë,
È ó ñ äòò è í à èðàð
Õíäëò ñ ì áñí áé Èááððððë -
Õíäëò æáí ùèí à á áíð.
В õí ò äë áú ñ í áð àì áñò á
Í á ðéé, èäáíí ú á èäáíí ú
Ó ì úëàð ùèò ì ðááí áñò èé
Áñò ðáò èò ú ì íëí í ÷ è í äí ú -
× ò í á í ò ðÿáú ð èè è ääëí í é,
× ò í áú ì äëè í à õí áé
Áñí ÷ ò í ì äë à Óëðäëí à
Á 19 ì äáé

xòíá íî öèöàì Òíéáîí
Ñyòíé íáîí áé íðíðààòòü
Òäíëüì áîçáóòì ííááü
Ó:àùáí íî çàüùðàòüí..
Í ää çàì äáé áîáí íîíëáí íé,
Í ää Ñáèëüíé äáðéèò íòòü
Áöé, í àðàðüèé áîéáí íé
Òòíì éáí íé îðáíóíòü

За эти 10 лет многое изменилось и в жизни Светлова, и в стране. «Гренаду» писал молодой поэт, свято веривший и в будущее, за которое воевал, и в личную свободу. Однако времена становились не те. По словам Евтушенко, во второй половине 20-х годов Светлов сочинял стихи для подпольных троцкистских листовок, встав тем самым в оппозицию к власти. Быть может, в связи с этим, а может, независимо от того его вызвали в ГПУ и предложили сотрудничать с ними ради «спасения революции от врагов». Перспектива стать «стукачом» ужаснула поэта, и он (со свойственной ему быстрой сообразительностью) «признается» в том, что является тяжелым алкоголиком и спьяну выбалтывает любую тайну. После такого заявления ему ничего не оставалось, как отправиться прямиком в ресторан «Арагви» и напиться до бесчувствия. С той поры он вынужден был постоянно поддерживать эту репутацию, сделавшись по чрезвычайно меткому выражению Евтушенко (которое он относил не только к Светлову) «не арестованным арестантом эпохи».

«Гренада» же продолжала завоевывать мир.

Пройдет еще несколько лет, и уже в годы другой войны – мировой, и не в России, а в Германии, и не где-нибудь, а в концлагере Маутхаузен «Гренада» станет гимном узников. Вплоть до освобождения лагеря там действовал антифашистский отряд, одним из руководителей которого был легендарный советский разведчик Лев Израилевич Маневич. Рассказывают, что Маневич перевел эту песню на немецкий язык, и именно по его предложению она стала интернациональным гимном антифашистов. Так ли это было? Вот отрывок из книги «Незванные гости» французской писательницы Эльзы Триоле, рассказывающей о Сопротивлении и его героях: «...В лагере после того, как их освободили, у них вошло в обыкновение перед расставанием, или отправляясь на опасное дело, после тяжелого потрясения или после чьей-нибудь смерти, а также в заключение споров и ссор и непременно перед тем, как разойтись, – читать хором хотя бы одну строфу из стихотворения, которое они сделали своим гимном. Они выучили его в лагере. Это был перевод с русского, сделанный сообща двумя заключенными – русским и французом. Француз был поэтом. Оба погибли в лагере. Это удивительное стихотворение было написано в 1926 году, в нем русский поэт рассказывает, как молодой украинский парень умер в степи за то, чтобы в фантастической стране по имени Гренада крестьянам отдали землю. Каждая строфа заканчивается словами: “Гренада, Гренада, Гренада моя...” и, как это делается с “Марсельезой”, Патрис, Альберто и Серж обычно брали из своего гимна несколько строк:

Í íáíá í áñ è
Í ðèäóí àèà æèçí ü..
Í á í ääí, ðáíýòà
Í í áñ á ò áæ è ò ü
Í á í ääí, í á í ääí,
Í á í ääí, äðçíýü..
Áðáí ááà, Áðáí ááà,
Áðáí ááà í íý!»

Да, жизнь придумала новые песни – много песен, но светловская «Гренада» и сегодня занимает свое, особое место в русской и мировой поэзии.

Светлов написал «Гренаду» в 23 года. До этого он учился в хедере, в русской школе, четыре класса которой закончил незадолго до революции. В 1919 году он был не просто комсомольцем, а заведующим отделом печати Екатеринославского губкома комсомола. А в 1922 году и вовсе – главным редактором первого на Украине советского молодежного журнала «Юный пролетарий». Впрочем, к литературному труду он приступил уже давно. «Моя культурная жизнь началась с того дня, когда мой отец приволок в дом огромный мешок с разрозненными томами сочинений наших классиков... Отец вовсе не собирался создавать публичную библиотеку. Дело в том, что моя мать славилась на весь Екатеринослав производством жареных семечек. Книги предназначались на кульки. Я добился условия – книги пойдут на кульки только после того, как я их прочту. Тотчас же по прочтении всех книг я засел за собственный роман... Я и сейчас помню название – “Ольга Мифузорина”. К счастью, героиня не долго мучилась, она умерла на третьей странице».

В 1917 году в газете «Голос солдата» было опубликовано первое стихотворение Светлова. Спустя три года после этой публикации семнадцатилетний редактор молодежной газеты ушел добровольцем в Красную Армию. О гражданской войне Светлов написал немало стихов, но лучшим оказалась «Гренада».

История публикации этого стихотворения занятна и поучительна. Самому автору произведение очень понравилось, и он сразу же побежал его «пристраивать». Разумеется, главной причиной ускоренной «пристройки» было абсолютное безденежье, в котором пребывал комсомольский поэт, до этого уже опубликовавший «Пирушку», «Рабфакровке» и прочие замечательные стихи и даже выпустивший сборник «Рельсы».

Восторг Светлова по поводу «Гренады» разделили далеко не все. Безразлично отнесся к ней Багрицкий, почти так же Вронский, главный редактор «Красной нови». «Гренада» понравилась Ступникову, главному редактору журнала «Октябрь», но в редакции не было ни копейки денег. В силу этого отдать творение Ступникову Светлов, разумеется, не мог. И молодой поэт продолжил бег по редакциям. «Добежал» до «Комсомольской правды». Иосиф Уткин, заведовавший в газете отделом поэзии, напечатал стихотворение, однако заплатил только по 40 копеек за строку при обещанных 55-ти, объяснив это тем, что «Светлов может писать лучше».

«Гренаде» суждено было стать не только лучшим стихотворением Светлова, но одним из примечательных стихотворений XX века.

«Вот уже много лет ко мне приходит эхо “Гренады”. Оно возвращается из Китая, из Франции, из Польши, из других стран. В этом, конечно, заключается большое счастье, но есть и ощущение горечи. Неужели же я – автор только одного стихотворения? Хочется думать, что это не так» – писал Светлов в своих записках.

В чем пленительность, обаяние этого стихотворения? Может быть, в неповторимо-романтическом восприятии земного бытия?

*... Èðàñèáñá èì ý,
Áùñéàÿ ÷áñòü-
Ãðáí àáñéàÿ áñéñòü
Á Èñáí èè áñòü!
Í ðñàéòá, ðñáí ùá!
Í ðñàéòá ñáí üÿ!
«Ãðáí àáà, Ãðáí àáà,
Ãðáí àáà ì ïÿ!»*

Впрочем, попытка разгадать и объяснить «Гренаду» бессмысленна, ибо сама по себе поэзия – это тайна, и истоки ее не столько в действительности, сколько во вдохновенном ее домысливании, в мечтах, а иногда в предчувствиях... Вот как Светлов описывает историю создания «Гренады».

«В 26-м году я проходил однажды днем по Тверской мимо кино “Арс” (там теперь помещается театр имени Станиславского). В глубине двора я увидел вывеску: Гостиница “Гренада”. И у меня появилась шальная мысль – дай-ка я напишу какую-нибудь серенаду!

Но в трамвае по дороге домой я пожалел истратить такое редкое слово на пустяки, подходя к дому, я начал напевать: “Гренада, Гренада...” Кто может так напевать? Не испанец же? Это было бы слишком примитивно. Тогда кто же? Когда я открыл дверь, я уже знал, кто так будет петь. Да, конечно же, мой родной украинский хлопец. Стихотворение уже было фактически готово, его оставалось только написать, что я и сделал».

Как видим, стихотворение написано в порыве, сразу, никак не по В. Маяковскому, сравнившему работу над стихом с «той же добычей радия». Что до самого Маяковского, то Светлов вспоминал: «...Состоялся его вечер в Политехническом музее. Зал был переполнен. Я долго стоял, очень устал и отправился домой, не дождавшись конца. А вернувшийся позже сосед сказал мне:

– Чего ж ты ушел? Маяковский читал наизусть твою “Гренаду”!

А потом он читал ее во многих городах».

Некоторые литературоведы в разные времена продолжали доискиваться до корней светловской «Гренады», не доверяя, что ли, самому поэту. Так, известный литературовед Р. Тименчик в статье «Чужое слово: атрибуция и интерпретация» допускает связь «Гренады» с творчеством Иегуды Галеви, у которого есть такая строфа:

Ī īēēī ó Āđāī āāó

Ī īēēī ó ēđāē ī ēēūé,

Ñēīīā ŷ āīēēāī

Óāēāāōūī īāēū.

(Ī āđāāīā Ī.Ī. Ī ēīñēīā)

Кроме того, уважаемый Р.Д. Тименчик находит, что строфа Светлова «Я хату покинул, – / Пошел воевать,/ Чтoб землю в Гренаде/ Крестьянам отдать» является воплощением мечты Л.Д. Троцкого о всемирной революции. Это тема, как утверждает литературовед, не могла «миновать М.А. Шейнкмана-Светлова в екатеринославском детстве».

Конечно же, М. Светлов, как и все его сверстники, комсомольские поэты 20-х годов, не только мечтал, но и верил в победу мировой социалистической революции. И все же с уходом главного «экспортера» этой революции с политической арены их вера поуменилась, а вскоре исчезла совсем. Но в пору написания «Гренады», то есть в 1927 году, вера в мировую революцию крепко сидела в душе Светлова. В стихотворении «Боевая октябрьская» он писал:

Āōāē ī āā āāō āēūīīīī,

Çī āēīī āŷ ī āēūāā,

Ōđōāē ī āā āāō āēūīīīī,

Āāŷō āŷ ōđōāā

Ī īŷōūī āđāāī ī īīþ

Ī āīūē ēñēīāō,

Āāŷīī ēđ īđāāī ī īīþ,

Ēāē çēī īēē āāīđāō...

Āđāī ŷñāīđōāāō

Āāŷō ŷē īīēāō, –

Ê áðè ò áí ñéí î ó óéí ò ó

«Ááñ ðà» î èü ááò.

Стихотворение «Гренада» оказалось столь впечатляющим, что, быть может, самое лучшее стихотворение Светлова «Пирушка» осталось незаслуженно незамеченным. С бабелевской силой показана в нем эпоха гражданской войны, роль ЧК в становлении советской власти.

Í áé, ò í ááð è ù Í ðéí á

Í ðáññáá ò áéü × áéà

Í áñ ò ü í ááí ò ðé èí ññ í ááí,

Ò ðáññáá ò áý, -

Ý ò è çáçáü ðáçáé ò ú

Ó ááðí î ò ò ú éà,

Ý ò à í í ÷ ü ááññ í ù ááí à

Ê áé î í áí èññ ò áñý...

...Ðáññé ááé è î í á í í áé à è ó éí ò à,

Í í é áñ ðí á é,

Í í é çáñ ò áí ÷ è áñ é á ðáá

Ðáññé ááé è î í á í ò ò î,

Ê áé î ú é á é à Í í é ò á á á,

Ê áé ò ðýññý Á áé áí é í é,

Ê áé Ñ á ð á ò í á é ð áñ ò è èññý

Í í ñé á á í è ò é ð áñ ò ò í.

Почему «Пирушка» не получила такого признания, как «Гренада», ведь афористичность этого стихотворения, поэтика его не только не уступают «Гренаде», а скорее превосходят ее? Но одно дело, когда украинский парень в шевченковской папахе, поверив в то, что революция даст землю ему, мечтает о том, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать», а совсем иное дело – когда боец Красной Армии просит своего командира рассказать, а по сути рассказывает сам, «как без хлеба сидел,/ Как страдал без воды/ Разоруженный/ Полк юнкеров...» И после такого – задранный лозунг:

Áñññññ, ÷ ò í è è, á ð á çññý,

Çà ñiî í àäöàòúé äã

Çà íðæèá í àσá

Çà í àøèõ èíí áé!..

Такие песни участников гражданской войны, признаюсь, хочется забыть, так хочется, чтобы жизнь придумала совсем другие, новые песни – не те, что звучали на пирушках, о которых поведал нам Светлов.

Иногда я задаюсь вопросом: были ли у Светлова учителя? И вот что думается: на мой взгляд, в «Гренаде» весьма заметно влияние «Птицелова» раннего Багрицкого.

Òàé è ääò äññèúé Äèäññü

Ñí àèéíé, í òèöáé è èíòíí èíé

× äðáç Áäðð, í íðññèé è äññí,

Äññü í í Ðáéíñèè àäðäñí.

Í í Òððéí äè äóáí äíé,

Í í Ñàèñí èè ññí í äíé,

Í í Äññò óàèèè äóçéí í é,

Í í Ääðððè è òí äèññí é.

Хотя скорее в этих строках, наверное, ощутимо влияние Гейне — и на Багрицкого, и на Светлова. Не случайно М.А. Светлова называли «Красным Гейне». Архангельский даже написал такую пародию на «Гренаду»:

В àèááè ñññ äí ý

Èèðè: äññèé ñí!..

Ääððä ääññü í ò äí ðèè äññü

È Äáéí á äññèäè.

Òàèáí òèè äíé í äèúé

Í äí äèèéé í í ýò.

Äíñèè è ñèàçèè í í:

- Ñññò èí áó í ðè äññò!..

Äèýæó ý í à äññò ý, -

*Í í ááè, èàè ñòáíà,
 È ñóæàñí òáí:òò:
 - Ñíàñèáí íáíà..
 Áà - Ááéíá àññèèèéí óé, -
 Òíáàðèù Ñáíòéíá!
 Í á í ááí, í á í ááí,
 Í á í ááí ñòèòíá!*

Здесь напрашивается еще одно отступление, дабы подчеркнуть поистине невероятную популярность светловского стихотворения. Об этом рассказал Евтушенко: «В стихах заключенного Вадима Попова мне попались такие строки:

*Ñí òññèé áñ ííáò: “Ñéáæé, íà òðáí à
 Ñáàèàñí òáíá, èàè áá ÿòà.. Áðáí à...?”
 Í íáííáèè óáíù ñðáííéàòíðæííé í áñù,
 È í áðòáíá áñáíù óáííóèè: “Èíéù...”»*

Какой диапазон от веселой пародии Архангельского до стиха заключенного Попова!..

Отважусь отметить: Гейне и Светлова объединяет романтическое восприятие жизни («Романтика, ты душой Светлова была...»). Только истинный мечтатель, несмотря ни на что сумевший сблечь по-юношески свежее восприятие жизни, мог в 50 с лишним лет написать такие стихи:

*Í ù ñáááíÿ áñòðáòèè ññ ñòíáíé
 Òáí, áá í ááí ññíáèòíÿ ñçáí èáé..
 В ááññ Áæáí èáí áíéí.
 Áíðèçíí ò íòòíáèò. В - çà í èí ...
 Áíðèçíí ò í íé! Òù ííÿòùááèáé?
 Í ó, áíá, áíá, áíá òñíáíé!
 Èàè í ðáñòóííéè ñðáíèé ááèà áíÿ,
 Áíðèçíí ò óñíáèò íò í áíÿ..
 È í óñéáé í íáíÿèèñííí íáæèñèèè*

Í àä ëpääü è, í íãäáøèì è á í óòè, -

Áíä ääëäéíá ò ú ííäëäé äëèçèèì,

× ò í á íí ýòü è ääëäéíì ó è äòè!

Эти стихи написаны более 30 лет спустя после «Гренады», но в них все тот же неподражаемый светловский романтизм. И даже незадолго до конца жизни его, тяжело больного и уже обреченного, не покидало все то же мироощущение.

Áóüü ýòí äñì, áóüü ýòí ò è èèé ò àí äü,

Í àñ óäí ëí: èè äñé çàì èè çí áóò.

È í á í èä: äò äñäñä í í ò í áí ú é ð àí äü,

È ñ è í äñè çà í äçóíé æ è äóò.

И лишь за несколько дней до смерти он написал, быть может, самые горькие свои слова:

Í í é í èèúé, äñøäë ò ú äí ðó: èè!

Áäñäëpääì í í äè äñ è äæ è,

× ò í ääçäè ò àì è í í ú è í ëp: èè,

× ò í í äñ ñò è ð à ò ú í è ð äæ è...

Снова припоминается цветаевское: «Кто теперь вспомнит о Рильке?» Нет, Светлов не забыт, и молодое поколение отнюдь не все погрязло в безверии и цинизме; всегда лучшие будут нести в душе некий романтизм: он как необходимое условие дальновидения, перспективы. Но кто сегодня вспомнит о Светлове без ассоциации этого имени с «Гренадой»?..

В истории русской литературы не однажды случалось, что поэты входили в нее одним своим произведением, и другие их творения оставались как бы на обочине, если не забытыми вовсе. Достаточно вспомнить «Как хороши, как свежи были розы» Мерзлякова, «Балладу о прокуренном вагоне» («С любимыми не расставайтесь»...)

В. Кочеткова... Но не то у Светлова: на памяти множество его стихов, среди которых, конечно, и «Письмо», сборники «Горизонт», «Охотничий домик»... Не говоря уже о десятилетиями распеваемых всей страной его «Маленьком барабанщике» и, разумеется, «Песне о Каховке» из кинофильма «Три товарища».

Я ВСЕГО ЛИШЬ СКРОМНЫЙ СЫН БЕРДИЧЕВА

Кто не помнит самоироничное пушкинское:

В í á èäéá-éó: äñ, í á äñ äññ ð,

- Êîã - ÷ãã...

- Êîî ó - ÷àî á..

- Î êîî, î ÷àî ...

Âîò òù áóî ááóî ÷òî ÿ ÷óóàé:

Âúë ñáðüçáí,

À êîí ÷àð óóòêé.

×òî îíááéàòü'

Âñá ááðáé ò àé -

Î áñéäÿò í à î áñò á

Î è î èíóòéé...

«Сыном Бердичева» Светлов называет себя в этом стихотворении, по-видимому, только ради рифмы. Как известно, он родился в другом городе черты оседлости – Екатеринославе. «Город, город. Родиться в тебе /И в тебе умереть, если надо...» – писал он в стихотворении «Екатеринослав» в 1922 году. В то время – в

19 лет – он был воистину комсомольским поэтом-интернационалистом, всей душой принявшим советскую власть и отдавшим все силы на ее становление. И между тем так бережно и откровенно хранил память о своем еврейском детстве!.. В отличие от многих, кто решительно отрицал свое прошлое, безжалостно отворачивался от него, сын бедного торговца Арье Шейнкмана никогда не предавал своего «гнезда», откуда он вылетел в большую жизнь. Строя вместе со всеми «прекрасное будущее», Светлов не убивает свое прошлое, он понимает и любит его, чувствует генетическую связь с ним:

Çíàð ÿ - îò áó óñáðüí î î èéòü'

Çàî î èé áñüí í áí è á áñáé,

Î í á æ ñáðéàðü è á éðééé

êîî ñü î èüò á

Î áðáééòü á ñéí óí áñá ñò èðé.

В первом издании Большой советской энциклопедии (Т. 50, 1944) сообщается: «Оригинальная поэтическая манера Светлова впервые выразилась в сборнике “Корни” (1925), где показаны картины тяжелой жизни еврейского народа при царизме (“Песня отца”), постепенное изживание после Великой Октябрьской социалистической революции религиозных предрассудков (“Стихи о ребенке”) и т.д.». Автор этой статьи в БСЭ не заметил (может быть, сознательно), каким сочувствием и печалью полны светловские «Стихи о ребенке», какое родство ощущает поэт с уходящей жизнью. Вот несколько фрагментов из этого произведения.

Î ïá ü á éó: è èèñòüÿ ïí áéðááò

È éðáæèò, éðáæèò ïî ïáíî ï á..

Î ïî ïá, î ÷èñòèèèüá è ðáá

Áíáíðèè ï í á áíðááò ðèè ðáèí óá

Ñò áðüé ðááá áíáíðèè î ï èðá

Î ðí òèèüñò áð: áíèè è áí áíèè áüè

çí áèíî ...

À ò áí áðü ï î é ðááá ïí áéóèèðááò

Î á áàçàðá ï ðáèüî ò áááèíî.

Ñò áðüé ðááá í á óéááò èç ððáí á..

Î á òðááíæíî ïí áíááíî ï ïñòó

Î í á áíáí áòü òÿæáèüî è ïòèðáí è

Î ïá èííáíáí ïçèíáèáí í ïó òó:.

Óáðèíáí èðááò ï ïáíÿèà áèÿ çàíèèòü,

Ñéíáãã ðÿáúøéíî ïðææéãîï

È ñòíÿò ííè áíáííé ï íèèòáá

Ó íáááíáúî àèèáÿ ææéíñòü

И позже, в пору, когда отречение от своих корней, от близких стало нравственной нормой, Светлов с удивительной независимостью, откровенной любовью возвращался к ним. Псевдоним же «Светлов» никак не связан с национальной мимикрией. В середине 20-х годов он, как и многие другие, поверил, что у евреев СССР есть выбор – ассимилироваться или оставаться евреями, и свой выбор сделал. В поэме «Хлеб», написанной в 1929 году, глубоко философской по своему содержанию, более всего выражен взгляд Светлова на национальную проблему.

Собственно, не ассимиляция привлекает его, не поглощение одной культуры другой, — он отрицает воинствующую обособленность каждой нации, ратует за естественное взаимопроникновение, взаимообогащение культур.

Í ðíáááÿ éáíà è ñòáíè,

áíðã ï á:áòíÿ ïí Ðóñè.

×áéíáá:áíèèè òáíéúé éáíáò,

áíðã, áíðã, íáííáíè!

×òíáú ïíáçá áííááó íáóáÿç,

íðíááè ïí íóòÿì áááíú.

×òíáú ïáíÿ ï íÿ íáéáíí

íò Í íæáááà è Èéááðçíó

×òíáú ïáíÿ ï íÿ æéááÿ,

÷òíáú ïáíÿ ï íÿ íðíñòáÿ

Áðí èí íæà áú, áúðáñòáÿ,

è áúáèà á, íñèááááÿ.

В том же ключе можно рассматривать одно из лирических стихотворений Светлова «Под вечер».

Áááøéà ï íáá íáðá:üÿ

Í í:áá:áðí áí óòèðà è ñí óéè,

íðèðíáèèà èí ï íáííá áá:áð,

áúòüëþáèì íé - íá ì íãä
È äëàçà ää, òäì íúá-òäì íúá
Áðäí äé äüñòüþ òäëè, òäëè...
B æ ëþáëþ, ÷òíáú èèè á èèõí ì íá
íñàò èúõ äëàç äëóáíé ì ðèèèá
Òäé äíäãä. Í îñä ì äðäíé äñò ðä-è,
íí ëþáèì íé çàò îñéíáãä
é ääáóóéá ÷óæèõ í äðä-èé
òÿí óòñÿ ì íè ñéíáä..
Áãä ì íé ì á-áòñÿ íò ñòíéèè é íáí ó
è íò íáí à é ñòíééá í àçää
Í áí í à äëàæííá äíí ñò äéáí à
óðíí èè ñäèðäü äþ ùéé äçäÿä
È ÿ äèæó á ëþáèì ìí äçäÿää
æáí ñèèõ äëàç, äëóáäé ñò äí äé,
èäé äñò äáò èõ ðäçáíéí úé ì ðäããä
è - ääñéíé çäããäí ðääè -
ðäíò è ùèíéàò ääñíáñéèé ì äéñ..
È ì ðè ì äðäíé ñëó-äéííé äñò ðä-á
òäé èäñéí ì íá ì äñäí çäúòü
òäé èäñéí ì íá íá ì íëþáèòü
ääáóóéó ì íáñ í äðä-üÿ.

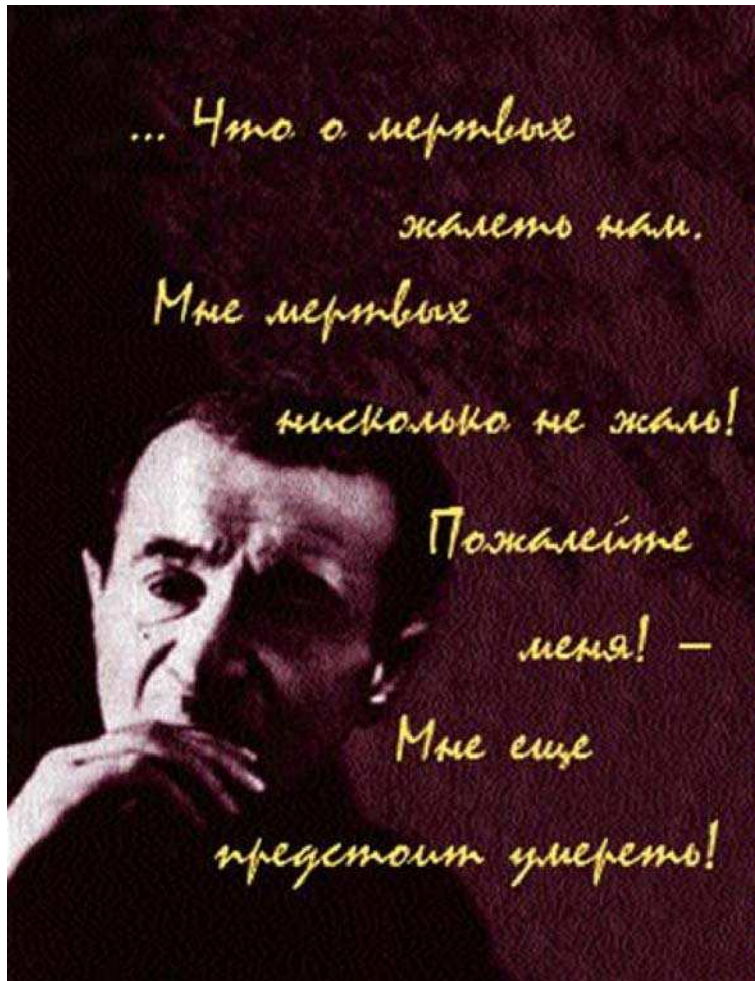
Как оказалось, забыть девушку «моего наречья» проще, чем язык детства. Люди, хорошо знавшие Светлова, рассказывали мне, что он не раз обращался к идишу, вплетая слова этого языка в свои меткие, преисполненные иронией эпиграммы. Вот пример такой эпиграммы — в адрес композитора Компанейца.

Ýòíò ì äðäíü èíí ì áí äéñéèé

Ī īēīī ī ōīēē āāāēīēīē.

Āāāēā ēāē ī èò çàéī ōēāē

Īī çà ī āōō āīāīī ūē āīāāē.

Идиш для него был не только памятью о детстве – им сделаны замечательные переводы стихов Ицика Фефера, Арона Вергелиса, Льва Квитко. Кому из детей не знакомы такие замечательные стихи Льва Моисеевича Квитко, как «Скрипка», «Когда я вырасту»? Благодаря Светлову они уже давно стали достоянием русской поэзии для детей. В то же время в его большой работе переводчика поэты, пишущие на идише, безусловно, занимали далеко не самое главное место.

И все же стихи Светлова на еврейскую тему, о евреях могли бы составить целый сборник. Многие из них при жизни поэта публиковались крайне редко, в основном в 20-х годах. Одно из них такое:

В ī÷āī ū āīāīēāī! В ðāā

÷ ðāçāī÷āéīī!

Āīīōēāp āīçī īāéīīñōū ÷ōī īīāñī

- īēó÷āéīīñōū

÷òí ãñî óáèè ì îèõ
ãñ÷ãñáé,
÷òí ãñ - ìî í àò óñá ìî÷-òè
ãñáé.
Çí ààò á í í ãñ ò ù ì î ãñ á
ì î é ññí!
Ñèæó ãñ:ãñáì è í ãèí, í ãèí!
Ãèóñî ñòó:èò í ãèí í èèé
ì àÿò í èé..
Èñ àò èé Í àò ðí ãé÷,
ãñ ì áíÿ ì î ì èì ààò á?
Ì í á áú ãñ àò ÷ ãñ-òí æ àèü,
Èáé æ àèá ðò í ÷ ãñ -òí ãñ ò è.
Ããá ò ù ñèð ù è ãññ ì ìÿ
ì á: àèü?
Ããá æ è ãñ ò ù ò ãñ ãññ
ì á ññ ò á?
Ñãñ ò è ù é ãñ ò ãñ ð ãñ ãññ
óí ãñ
È ð ãñ ãñ è ò ãñ ì î ì ñò ù í á -
È ì ð ãñ ì ì ñ è ãñ ù ó ñ è ãñ
В í á ãñ ò ð ãñ:ó ò ãñ ì î ì ñ í á

Будучи поэтом воистину русским, советским («Без России не прожил и дня»), Светлов всегда «содержал» в себе «еврейскую тему». Вот и в пьесе «Сказка» есть «Песнь Моисея», а в ней фрагмент:

Èáòèò àò àì áí çà ãñ ãñ í î é ãñ áú ÷ áé,
Çáì èÿ ì î è ù ð ãñ ò è ð ãñ ì,

Í í m'èò Àèòíì èð, è m'èò Á

àðäè:áá

È m'ÿò ì áñòá:èè èðááì.

Ñòíèò ñèí àááá, ñéáíçí ñòí ðàé

òáì í äÿ,

Ñòíèò, èàé Í í áá èíá:áá

Í à ááèùá áíðíáù ñò áðíó ááðááá

Í ááááò ááèùé ñí áá

Ñáñò ðà! Ðàçáóáè óòíì èáí í íáá áðáò à

Ñíáðáò úÿ á í íðíá í ñí íäè...

Í á:èí í äÿ øáì èá, ðó:í äÿ áðáí àò à

Í íðíáí úá ñáí íäè...

Èáó í à ðáííáò á í í m'áéí í é í íðíó á

Ñááðéááò øòúèá ñò ðéá..

В ñáì óþ ñèèí óþ ì íéíèþ áðíóó

Á í ðíèèÿò í á ááò ñò áí ì í á..

«Песнь Моисея» перекликается со «Стихами о ребе». А между этими творениями 16 лет! Срок большой, но настрой поэта во многом остается тем же.

...Однако вернемся к году 29-му — к тому страшному году, когда в ГПУ убили, нет, не Светлова, но Поэта Светлова. Предвижу возражения: в последующие годы были написаны целые сборники!.. Семен Липкин, хорошо знавший Михаила Аркадьевича, написал: «Его опустошил разгром оппозиции. Он сочувствовал троцкизму, был подготовлен к имперской жестокости. Все комсомольские поэты первого поколения были обворожены Троцким. Светлову пришлось печатно отречься от символа молодежи. Его простили, не тронули, но с тех пор он надел на себя маску гаера».

Почти 30 лет понадобится, чтобы Светлов вернулся в поэзию. В 1959 году вышел сборник «Горизонт», в 1964-м — «Охотничий домик», даже удостоенный Ленинской премии (посмертно). Но замечательные стихи, вошедшие в эти сборники, были написаны уже в период хрущевской оттепели. А тогда, в 1929 году, «гэпзушникам» в значительной мере удалось «сломать» Светлова, «погасить» в нем Поэта. Он стал писать такие стихи, как «Смерть»:

Èáæáúé áá è óááò áò,

È îòôâîòââò î èíââëü..

Î èëëëâðâü êðââé

Í à îëâíâò á üñîâë èñòëâòü..

×òí î î âðòâîò æâëâòü í âì ?

Î í â î âðòâîò í èñëíëüëí í â æâëü!

Î î æâëâò â î âíü! -

Î í â âü â î ðââñòíèò òí âðâòü!

Правда, в том же году он пишет стихотворение «Призрак бродит по Европе»: «По Европе бродит призрак,/ Что-то в бороду ворчит,/ Он к романтикам капризным, / Как хозяйственник, стучит...». Или: «Соучастник, соглядатай – / Ночь безумеет сама, / Он при Энгельсе когда-то, / Он давно сошел с ума...» – это почти невольно ассоциируется сегодня с четверостишием Игоря Губермана, написанным в 1991 году: «Получив в Москве по ж../ Полный пессимизма, / Призрак бродит по Европе, / Призрак коммунизма». В чем-то Светлов оставался верным себе всегда.

Последние его годы, судя по воспоминаниям о нем и по его стихам, были для Светлова более счастливыми, хотя умирал он от тяжелой болезни. В 1957 году он написал стихотворение «Бессмертие»:

Èâé î âëü-èëè, î á:òâü î í íâââââ,

Òí ÷âëèñü â í âèçâñò í ùâ èðâü

Äââ âí âëâ í â ââòò ââëíëí âââò -

Èðâíâü î îü è î íëíâíñòü î îü.

Èâó î î ñëââá Òðâññò èçó:âð.

Çââñü øèí â âíâíðëâñü, â çââñü

í ðíëíë,

À çââñü í íâñâí - çââñü ðííñòü

èçëó:ââò

Äâí ü î íâñ âñò òí èâí üü â èí î ñî î ë...

È âñ î î èíâü î íëíâíñòü áüëóð,

В î íëèââð âíëæíñòü ñò âðèèâ,

È ðííñòè ðòí üíâü ùâèâ

Гіуоїгааі і ііе әеу ііоәеу.

Ушел Светлов, сохраняя в душе свет. И след по себе оставил светлый, чистый, прекрасный.

БЫЛИ МЫ С ВОЙНОЙ НА «ТЫ»...

Àëààèì èð Èíðìééîá

Ахматова не раз при мне повторяла, что XX век – век женщин и евреев, и вовсе не случайно статью об Александре Межирове я предваряю ее словами.

Межировым я знаком почти шестьдесят лет, но только начав писать эти заметки, я вдруг, неожиданно обнаружил, что почти все лучшие поэты, рожденные войной, – Слуцкий, Межиров, Левитанский, Самойлов, Гудзенко, – евреи.

Раньше об этом я как-то не думал, то есть думал об этих поэтах лишь как о поэтах. Тем более что все они писали по-русски и, стало быть, были русскими поэтами, пусть им в этом и отказывали ревнителю чистоты расы.

Сразу оговорюсь: самыми любимыми и читаемыми поэтами военной поры были Симонов и Твардовский. Но эти двое сформировались как поэты еще в довоенные годы. А вот Межирова, Слуцкого и остальных сделала поэтами война.

Теперь мне кажется не случайным, что все они евреи. Поражение в войне с фашизмом, с Гитлером, всему населению России грозило рабством, евреям же – Освенцимом и Майданеком, полным уничтожением. Видимо поэтому восприятие войны у еврейских юношей было особенно острым и их стихи такими пронзительными.

Печататься Межиров начал еще во время войны, раньше всех остальных, кроме разве что Семена Гудзенко, прославившегося несколькими сильными фронтовыми стихами, в одном из которых он предсказал свою скорую смерть:

Î û íá îò ñò àðññò è òí ðáí ,

Î ò ñò àðññ ðáí òí ðáí .

И действительно, он прожил всего тридцать лет.

Межиров попал на войну сразу после десятилетки, и она его потрясла. Баловень московской семьи среднего достатка, жившей в самом центре столицы – между Кремлем и Храмом Христа Спасителя, он, провоевав три года, еще тридцать лет не смог перебороть фронтовых впечатлений. Хотя Межиров зачастую бодрился, его хрупкая натура была потрясена:

Áúèè áè ò áú è áéí ò ú ,

Áúèè ì ú ñ áñéí íé í á «ò ú» , -

Áññèè á è ä ä è è á è á ú .

В ì ðñ ò ä è ì í ò í é áñéí á

È í á ì ðñ ò ä è ì í ì í á -

Ò ä è ÷ ò í ì ú ñ áñéí í ð è á è ò ú .

Борис Слуцкий, тоже контуженый и тоже тяжело раненный, был старше Межирова всего на четыре года. Но он вырос в бедной еврейской семье, на большом базаре в Харькове; с детства привык к разного рода лишениям и неудобствам (земляной пол в их комнате был ниже базарной мостовой). Войну Слуцкий принял такой, какая она была, и ничего в своих военных воспоминаниях улучшать или хотя бы редактировать не желал.

Межиров же хотел и писать о войне, и одновременно пытался ее изменить, потому что помнить ее такой, какой она ему открылась, было не в состоянии.

Вот отчего почти у каждого межировского стиха есть антипод, и не всегда поймешь, какой из этих стихов соответствует событию, в действительности случившемуся с Межировым на фронте, а какой рожден вымыслом.

Так в «Балладе о цирке» сказано:

Í í , áñ ç á ð à ò ÿ ñ ñ áñéí ú áñ ì í é

È í ò á ù ò á á ò è ñ ñ á è á è á

Î í ò ä è ð ä ò è è :

«Áñéí ó áñéí é ,

Èç-çà Èääĩæ mēí òá äàèæàòĩÿ

Í ðèäĩðĩæí úá èóí èè ñòèòü

Äëóáíêí

á yòí óòðĩ äüèèòĩÿ.

Õĩðĩøí

á yòí óòðĩ æèòü

Çàóääòääò ííèáðĩ àøèàí è,

Èó íá èíñèò íèèòí,

íá ðääò.

Í ää íáí:èííé

ääòò òíðĩ àøèàí è

Íæèè ííðĩðĩæí èüüääò.

À äĩ ñèääòþùää áíÿ

Ñòèèè öæüá æèòü è æèòü

À íää èóçĩäí ñèóáíá

Í ááí è íáðääĩäí è áæèè.

Ä äæüèðĩ àøíðþ

ííðĩðĩáþ,

×áðç ñòäí è, èóää, èää,

Í á äðäí ÿùðþ íáðääĩáþ

Áðüçæóò ÷èñòúá íáááñ..

Í è:ää í íá íá íääí èó:øää,

Èðĩ á yòíää - ÷äí æèää,

Èðĩ á mēí òá

á çáí èòá

èíèþ:ää,

В çàì áùàþ çàæë ò ÷ àñò ùþ.

(Прочитав эти стихи, язвительный Давид Самойлов усмехнулся: «Межиров полез на стенку». Но ведь, как сказал Маяковский, если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно... Что-то толкало Межирова в этот выдуманный цирк, и это что-то было загадкой).

Даты Межиров под стихами не ставит, и когда эта баллада была написана, сказать можно весьма приблизительно – не раньше 1957 года и не позже 1960-го.

Что же в эти годы заставило Межирова отворачиваться от реальности?

Впрочем, подобные попытки он предпринимал и раньше, в первых, еще фронтовых или госпитальных стихах:

Ì àëü:èé æëë í à íêðàèí á ãðíää

Êíëíèíí.

Òàí òàçàð è ì á:ò àò àëü

Áã í àçúâæë è äñí è øêé.

Ï í íí:àì àì óñí è èñü-

ãðíää ãðàì è ò è ì ùéè òñü

È çà èíí íéöæ ãí è òñü ðíæää í èàì ý

ãñ ðæè.

À í áóò ðí ãñáóí ùâèë íí í ááúéèöü -

Ï ðñòí ò àé.

È äñ í áæéí ýèè ãñ èæè.

Ì àëü:èé ðñí è ì óææë

í à ò ðáñæí í é í ááñ áðí é í èàì á ò á

È èíää à ãðí é í áðñí ãáó çèí í é,

Áúë óæè ò íí,

á äñ í ò è ö á ðñéí ì í èàì ø á ò á

В í à ø æ í ááí è ù ø í á í èñüñ í äñí í é.

Ì áá í áðñí è á ò æ è ðñí í áí ú á

áæüá ò ó: è

Áäîëüíîñëääí ää ñ äðííä ðóáæà

Í ðäüí ì í í é òí è ðäë òáí òàçáð

í ääçó: è é,

Í à ø è í äëü

éó: äðÿáð äëíáó í í ëí æ à

À ä í è ñü á áü è è ò á æ á ì äëü: è ø á: ü è

í ääü è è öü.

Òíëüêí ÿ öëüáí óòüñÿ í á ì í ä..

Óä è ñäð é, è ñ è ñ ä í í é í ë í ò í í

ñò ðäí è öü

Êðíáð í àí í è.

... Ç à ñ è í í é í à ä ä ð ó í í ë ü ð á ð ù è é

Êí ë í è í.

Áí ð è ç í ò á í ä ä ñ è ü í è ü ñ í ä ü í á

Ç ä ä ü í í æ è è.

Ì í í ä ð ä ç í ü ö è ñ ò í ð è é í æ í í è á í í

Áü ê í è í.

В í í ä ä è è ä í á

То есть эта жажда прописать выдумку в реальной жизни, видимо, владела Межировым с детства. Сначала его влекла только иная жизнь, а вовсе не берег дальний. Но теперь мне кажется, что именно жажда иной биографии увела его от нас так далеко...

И добро бы он был увечным, калечным, кормящимся вымыслом неудачником. Ничего подобного. Он рано стал звонко и хорошо писать, его любили женщины, а его стихи любили поэты. Да и в жизни он, как говорится, был не промах – далеко не бедствовал: рано стал переводить хороших грузинских поэтов, за что в те времена платили приличные гонорары.

Казалось бы, что еще человеку надо?

В межировской подмене жизни выдумкой было что-то позапрошлое, байроническое.

Но все, что Байрон выдумывал, он мог проверить. Ему ничего не мешало оставить Британию, путешествовать по Ближнему Востоку, жить в Швейцарии, Италии и умереть в Греции.

А вот Межиров проверить свои фантазии мог далеко не всегда. Вот почему мое восприятие его стихов было далеко не линейным. Стихи меня восхищали, а межировская попытка убежать от жизни озадачивала. Я пытался понять, в чем же его загадка и написал о нем:

ÑÎËBÍÊÀ

Ïÿòèääñÿòúõéííáö.

Øáñòèääñÿòúõíà:àéí.

Ïáæèðíáàíáèà:àéí -

Ïíçàòáíðèëñÿ, ãðááö.

Áæáèèíááííáñòó

Ñòáíáò, ïíéáóñííçàðáíéó

ÊÏáæèðíáóíàÑíëÿíéó

Êííëííÿíúíðí:òá

Øáí, íàØáñòííÿòáæá

Ñíðíñèòíáíÿ: «Áääæá:óáí?»

Ñíñðèòññÿ, ñííðèòúíááóáó

Ïíáèðáçííñííáóøá

Ïáçàááóñííèèñòèðíí

Êè:íúí, ñáíèí - íàèçáñòíí.

Áèèçéí, áñíáíéóííáíáçááö

Êáòÿòàèääááòòúæéááí.

Áíéæáääááòòúñáíá

Øááíñòíííáíèèèòóñ,

Ïáíáááíááíáðóááðóáá

È í á ÷ è ò à à ì ñ ò è ò í á
Í í í í ÷ à ì ó ñ ì ç à ð à ì é á
À æ à è ì á à ì í ã ò ó
È Ì à æ è ð í á ó í à Ñ ì è ý í é ó
Ñ ù ç í à à í à ì ÿ ò ù à à à ó ?
× ò í æ á ñ ò ð à ì è þ ñ ì è à è í ñ ì á æ á í ú é,
À ñ à æ í ú é ì ð à à ó ð à ì í é é à ù ì ?
È è è ñ ò è è ì á ì ý Ì à æ è ð í á
Á à æ á ú ì ð è ò ì ñ ì ñ à ì è ì ?
À ù à à ð í ó à æ è ñ ì í à è ç í à ì é á
Ñ æ à á í é è ì ó è í é á à ð à à è,
Ñ í í à à á ð à à ó í à Ñ ì è ý í é á
Ñ è í á í á ú à ñ ì á ì á ð à à è ...

1988

Но вскоре Межиров снова меня озадачил. Замечательный поэт, проживший шестьдесят с лишним лет в России, воевавший за нее и прославивший ее своими стихами, вдруг перебрался за океан. Конечно, словом вдруг мало что объяснишь. Несомненно, были причины внутреннего характера, но были и внешние причины, о них Межиров писал в поэме «Поземка».

Его оскорбил поднявший голову антисемитизм. Не государственный – с ним Межиров не то чтобы мирился, но при нем он прожил долгие десятилетия, а – другой, более глубинного толка. За свою уже долгую жизнь Межиров многое успел понять, многим увлечься и многое отринуть. Его любимым писателем был Василий Розанов. Его интересовали поздние славянофилы. Он напряженно думал о путях и судьбах России.

Но в годы перестройки многое из того, что таилось под спудом, вышло наружу. И, среди всего прочего, появились стихи Николая Тряпкина, поэта ярко талантливого, искреннего и сильного. В них утверждалось, что во всех несчастьях России виновны одни евреи.

Именно то, что поэт столь мощного дарования, который, казалось, должен исповедовать идеи братства, выступил с человеконенавистническими стихами, более всего потрясло и испугало Межирова. В этих стихах Межиров почувствовал угрозу: они ему показались подземными толчками, предвестием землетрясения. И межировская поэма «Поземка» проникнута ужасом перед, как ему представлялось, неминуемым, неостановимым будущим.

Когда тебе под семьдесят, трудно менять жизнь. Тем более если ты моноглот и, кроме русского, других языков не знаешь, трудно очутиться в чужой стране, пусть даже по-своему прекрасной. В итоге вышло, что Межиров живет в портлендском доме престарелых на берегу Тихого океана, его жена – в Нью-Йорке, его дочь – в одном из центральных штатов, а внука – в другом. Вот такое воссоединение семей...

Впрочем, поэзия – понятие в самую последнюю очередь географическое. В этом я убеждаюсь раза два-три в месяц где-то около полуночи, когда раздается телефонный звонок, и Межиров, чуть заикаясь, уже не звонким, а глуховатым голосом заводит разговор о русской поэзии. И такие телефонные беседы длятся час-полтора, а когда я напоминаю ему о центах и долларах, он отмахивается, мол, какое это имеет значение...

Я рад, что американский пенсионер российского розлива может позволить себе такие долгие разговоры. Его звонки меня окрыляют: в наше практичное время мало кто так долго и подробно говорит о стихах, причем не через океан, а даже просто при встрече или по городскому телефону.

Но когда после долгих прощаний я остаюсь наедине с умолкнувшим аппаратом, некоторое время мне все вокруг кажется потусторонним, и на память приходят блоковские строки, уверен, близкие Межирову:

Ôú, çí àp ù àÿ ääëüü äé öäëè

Í óò ääî äè ò äëüü úé ì àÿé,

Í ðîñò è òüü èè ì í á ì î è ì á ò äëè,

Ì î é á ò ää, ì îÿçèp è ì ðäé?

Èëü ì î æ ä òü è ó: ó á í á ì ðî ù àÿ,

Áóäè òü äî äîñ è î è î è î ä,

× ò í á ú ðäîñ ò è ò ä ì í ÷ í àÿ

Í ò ðî ä è í ú í á ó ä è ä?

Увела... Межиров уехал десять лет назад, но это мало что значит, поскольку поэзия – понятие не только не географическое, но и не временное.

Когда Межиров жил в России, его музу из-за неприятия повседневности тянуло то к цирку, то к бильярду, то к бегам, то к чему-нибудь еще... Сегодня американское бытие бесповоротно повернуло ее к России.

ЛЕЖАИМ ИЮЛЬ 2001 ТАМУЗ 5761 – 7 (111)

НЕ ТОРОПИТЕСЬ НИ СОГЛАШАТЬСЯ, НИ ОТВЕРГАТЬ

Øèì ìí Ì àðèèø

Едва ли надо напоминать о том, какие поразительные перемены принесло минувшее десятилетие. Всему миру, но в первую очередь – развалившемуся «лагерю социализма». Что однако же стоит напомнить – так это фразу, которую приписывали одному неутомимому еврейскому «активисту», подвизавшемуся в прошлом веке в Санкт-Петербурге... О чем бы ни шел разговор, – скажем, о тушении пожаров или о помощниках присяжных поверенных, или о последнем решении правительствующего сената, все равно о чем! – наш «активист» неизменно заключал: «Все это прекрасно, но что это значит для евреев? Чем обернется для них?»

Ответа на этот вопрос в сколь-нибудь отдаленной перспективе нет, мне кажется, ни у кого... Разумеется, мне хочется принести какую-то пользу, посильную помощь тем, к кому я принадлежу по рождению, по судьбе не только навязанной, но и сознательно выбранной. И вот, глядя извне на тревоги евреев, я думаю о том, сколь многое в сегодняшней ситуации повторяет прошлое. Не только и не столько великое и грозное прошлое, записанное в Библии и в памятниках древней и средневековой истории, но наше особое, русско-еврейское прошлое, сравнительно недавнее и недолгое: ведь все-то нашему пребыванию под властью российских монархов и их преемников – каких-нибудь двести лет!.. Читаешь кровавожадные откровения антисемитов в прекрасно известных современных изданиях – и говоришь себе: Б-г ты мой, да ведь у них ни одной, ни одной новой мысли нет против того, что печаталось век назад в «Новом времени» у Суворина, в «Гражданине» у князя Мещерского, в «Киевлянине» у профессора Пижно и так далее и тому подобное. Это всего лишь пример – можно бы вспомнить и об эмиграционном движении, и о русском патриотизме значительной части еврейской интеллигенции и о многом еще. И не только «можно бы», а пожалуй, нужно: взгляд в прошлое не всегда способен утешить (помните знаменитое салтыково-щедринское: «утешает ли история?»), но всегда обостряет зрение, способность судить и выбирать.

Вот почему я буду время от времени обращаться к минувшему, которое остается актуальным.

Сегодня я расскажу о документах, которые еще никогда и нигде не печатались. Я имел случай рассказать о них Натану Эйдельману, когда он побывал в Женеве в ноябре 1988 года. Натан Яковлевич сказал, что их надо непременно опубликовать и непременно в России. Пусть же эта публикация будет посвящена его памяти.

В архиве Женевской еврейской общины хранятся бумаги Исаака Адольфовича Найдича. Едва ли это имя скажет вам что-либо, а между тем Найдич принадлежит к числу самых видных в русском еврействе фигур. Он родился в Пинске в 1868 году, смолodu примкнул к палестинофильскому движению (Хиббат Цион), а позже – к политическому сионизму, был близким другом Хайма Вейцмана. Он был одним из инициаторов и первых руководителей «Керен а-есод» (буквально: фонд основания) – особого фонда,

способствующего иммиграции в Палестину и устройству новоприбывших. Он был щедрым филантропом, поддерживавшим многих авторов, писавших на иврите, и сам писал немало на этом языке. После революции в России Найдич эмигрировал во Францию; годы второй мировой войны провел в Соединенных Штатах. Умер он в Париже в 1949 году. Каким образом часть его архива попала в Женеву, мне не удалось установить.

Среди деловых бумаг Найдича, касающихся, главным образом, фонда «Керен а-есод», я нашел его переписку с Оскаром Осиповичем Грузенбергом, точнее – более тридцати писем Грузенберга к Найдичу, охватывающих период с 1920-го по 1938 год (из того, что Найдич писал Грузенбергу, не сохранилось ничего, кроме одного черновика).

Если имя Найдича едва ли вам известно, то у Оскара Грузенберга шансов, как мне представляется, много больше. Это он был центральной фигурой в защите Менделя Бейлиса в 1913 году. Это он был близок с Максимом Горьким, защищал его в суде, переписывался с ним. Он был адвокатом и Милюкова, и Троцкого, и целой группы депутатов Первой думы от конституционно-демократической партии, которые были отданы под суд за так называемое Выборгское воззвание – протест против разгона Первой думы. Коротко говоря, с именем Грузенберга многие, если не все, должны быть знакомы.

Февральская революция, давшая российскому еврейству гражданское равноправие (помните: февральская, а не октябрьская!), возвысила знаменитого адвоката Грузенберга: сделала его сенатором. Этим своим званием и рангом он очень гордился и долго еще, уже в эмиграции, подписывал свои письма: «сенатор Грузенберг». Он был избран делегатом Учредительного собрания и – примечательно – не от конституционных демократов, которым он всегда сочувствовал, а долгое время и принадлежал организационно, но от еврейских организаций Юга России. Я пропущу его активное участие в еврейских делах в период гражданской войны и перейду сразу к эмиграции. Сперва, как и почти все прочие, он оказался в Константинополе, затем попал в Берлин, где провел пять лет – до 1926-го. В первой половине 30-х годов (но не позже 1934-го) он поселился в Ницце, где и скончался 27 декабря 1940 года семидесяти четырех лет от роду, во Франции, уже поделенной между германскими национал-социалистами, итальянскими фашистами и родным, «почвенным» Петеном.

В эмиграции Грузенберг продолжал свою адвокатскую практику, вел дела, но уже, понятно, не политические, а коммерческие. Дела шли не блестяще, но подлинной нужды Грузенберг, по-видимому, не знал.

На родине Грузенберг часто печатался в русско-еврейских периодических изданиях (прежде всего – в «Восходе»), теперь русско-еврейская журналистика становится воспоминанием, но писать он не бросает и в частности пишет воспоминания, которые вышли в 1938 году в Париже под заглавием «Вчера» благодаря материальной, да и моральной поддержке Исаака Найдича. Мемуары примечательнейшие, но не о них сейчас речь.

Найдич всячески помогал Грузенбергу все 20 лет его жизни вне России, и, можно думать, влиянием Найдича, хотя бы отчасти, объясняется то, что ассимиляционист Грузенберг приблизился к еврейской национальной идее, к сионизму. Живя в Берлине, он одно время возглавлял тамошний комитет «Керен а-есод»; он участвовал в работе сионистского конгресса, учредившего Еврейское агентство (Сохнут) и вошел в Совет агентства. Одним словом, не помышляя о возвращении на древнюю родину, он живейшим образом интересовался всем, что делалось в подмандатной Палестине.

Пора мне, однако, перейти к письмам Грузенберга. Я выберу из них несколько отрывков, не просто имеющих общий интерес, но звучащих современно, почти злободневно. Судите сами.

Из самого первого письма, помеченного: «Константинополь, 15 января 1920-го».

«Многоуважаемый Исаак Адольфович, – с того далекого дня, когда Вы были вынуждены покинуть Одессу, даже не попрощавшись со мною, пережито, пережито, пережито и передумано так много, что бесполезна была бы попытка дать обо всем этом на письме краткий отчет... Я набросаю лишь несколько деловых замечаний.

1) Я убежден, что в России все, в сущности, большевики; одни – слева, другие – справа;

2) Как бы глубоко еврей ни был предан России, – никто из русских этому не поверит, т. к. в глубине души они сознают, что такая собачья преданность после всего пережитого русским еврейством является аномалией, а потому – неестественна. К несчастью, такую аномалию являюсь, как Вам ведомо, я – и я с болью отрываюсь от России; неблагодарность – не из моих пороков; а я благодарен России за то, что русский язык, русская книга дали мне как судебному и политическому оратору столько счастливых дней, что память о них я не утрачу до могилы..;

3) Это чувство любви к России никогда не мешало мне быть преданным своему народу и биться за его счастье, поскольку это было в моих слабых силах; если судьбе угодно будет дать мне возможность поработать в Палестине, но без зависимости от кармана еврейских капиталистов, я готов немедленно приехать...».

Еще о сионизме (из двух писем: от 1 апреля и 11 сентября 1938 года, оба – из Ниццы):

«...Я не только в публичных выступлениях, но и печатно проявлял самое восторженное отношение к палестинской молодежи. Я печатно заявлял, что молодежь эта разбила свое личное счастье, пошла, бросив университет, на изнурительную черную работу только для того, чтобы из осколков своей разбитой жизни склеить народное счастье!.. Я всегда писал и говорил, что стал горячим приверженцем сионизма потому, что на родной земле, вдали от враждебного гнета, мы создадим новое поколение евреев, в которых возродится дух Маккавеев!.. Передайте Усышкину (Менахем Усышкин был виднейшим сионистским лидером. – Ш.М.) мой поклон и скажите ему, что, относясь отрицательно к его политическому максимализму, я ценю его за то, что он один из тех немногих сионистских деятелей, которые живут в Палестине и работают там изо дня в день при самых неблагоприятных условиях».

Еще из письма от 1 апреля 1938 года:

«...Вы враждебно отнеслись к моему указанию, что в русской трагедии немало виноваты евреи. Вы отлично знаете, что развал России произвели Троцкий (верховный главнокомандующий!), Зиновьев, Каменев с их максималистическими требованиями о ВСЕМИРНОЙ революции, которая должна быть совершена при помощи русской армии... Конечно, Россию разрушили сами же русские, – но не мы, а русские создали ценою величайших жертв (гибель миллионов, татарское иго) самое большое в мире государство

(1/6 часть всего света) – и, если им пришла вдруг охота его разрушить, – это их дело! Но зачем помогали им евреи – да и как усердно помогали!..

Вы совершенно правильно указываете, что Ягоды, Троцкие, Зиновьевы, Каменевы... и другие, порождение векового еврейского бесправия. Но ведь и мой несчастный Юрий (сын Грузенберга. – Ш. М.) не повинен в своей болезни (он не пьянствовал, не развратничал), а несчастная жертва своих родителей, которые будучи нервно-больными, не имели права рожать детей. Однако эти родители из страха, чтобы он в приступе болезни не причинил зла чужим людям, не остановились перед тем, чтобы запереть его в сумасшедший дом, – т.е. окончательно его погубить... Это была с нашей стороны страшная жертва, но совесть нам подсказала, что за наше несчастье не должны расплачиваться чужие люди. Пусть еврейские герои русской трагедии – порождение векового бесправия, но разве от этого меняется наша ответственность, и разве не ясно, что, как только падет большевистское властвование, несчастные еврейские массы, а не мы с Вами, будут истреблены, замучены жестокими пытками».

Скажу еще раз: судите сами, судите здраво и хладнокровно, не торопитесь ни соглашаться, ни отвергать.

ПИК И ТУПИК

ИНОЯЗЫЧНОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Èñàé Áàáàéü è Èàðíé Í àì

Èàéèì ì èñàò àéàì òò àé àù Èñàé Áàáàéü àñé è àù á àá àéçì ü í á àì áò àéèñü ò áù ò èý 1917 ãàà? Ñü ì ò àáéàì è á àá ì èñàò àéüñé è ò áù ò ò áù ò è áù àáðéíá ì èñàò àéý Èàðíý Í àì à (òí àé áù ò í àò à èç ááðáéñò áá) ì èððíàò í á ò í èñéí ò ò áù ò àáì í ú á ò ò áé è à ÷ áð ò ù è ò ò áù ò ÷ áù ò áá, ì ì ì çáí è è ò ì è á ç à ò ù ò ò ò è ì í ó ÷ è ò à ò à é ò ò áù ò àáðáéñé è è ì ò à é è áù ò è è á Ááì á è è ÷ áð ç ò ò áù ò áá è ì á ò ò áù ò áá ò ò è ò ò ì ò è è ò ò ò è è ò è ì á ááðý.

Писательский путь Бабеля с 1913 года до конца тридцатых годов общеизвестен. Если бы не переворот 1917 года, то, может быть, Бабелю удалось бы умереть иной смертью, но Бабель без 1917 года не стал бы Бабелем. Без опасного эксперимента, поставленного на одной шестой части земли и окончившегося трагически, он не мог бы показать, чем чреват уход от еврейства и как он происходит. «“Одесские рассказы” продолжают (и, пожалуй, завершают) бытописательскую традицию этой (русско-еврейской – Ж.Х.) литературы дореволюционного периода, тогда как “Конармия” открывает новый период и закладывает новую традицию.»^[1]

Чтобы проследить путь «Конармии» и судить об умонастроении Бабеля, обратимся к дневнику, который он вел летом 1920 года, когда участвовал в походе Первой Конной Армии. Если судить по этим записям, Бабель не относится к тем, кто хотя бы на короткое время поверил в новую идеологию. Не раз отмечалось в исторических и социологических анализах^[2], что революция и социализм казались евреям таким вариантом ассимиляции, при помощи которого они сразу могли вырваться из душливой атмосферы гетто и присоединиться к более широкому обществу, создаваемому не по национальному («расовому», то есть раз и навсегда заданному) принципу, а по свободному выбору мировоззрения, по убеждению. Некоторые элементы этой новой идеологии напоминали религию и предполагали веру, то есть поведение и привязанность, которые в чем-то напоминали ту религию, которую евреи оставили, но оставляли нелегко. В каком-то смысле осталось и чувство избранности – в этот раз не национальной, а классовой. Советская страна действительно во многом была «первой» в двадцатые годы, и

только позже стала себя называть «единственной» и «самой». По мнению М. Леви, борьба угнетенных за власть неимущих могла восприниматься ассимилирующимися евреями как нечто похожее на традиционную еврейскую солидарность с бедными. Таким образом, социализм предлагал такой отход от еврейства, который требовал менее резкого разрыва с еврейской моралью, чем стандартные варианты «капиталистической» ассимиляции: разбогатеть (и тем самым умножить расовую ненависть на классовую) и/или креститься. Вероятно, антихристианство социализма тоже сыграло свою роль.

Илья, герой рассказа Бабеля «Сын рабби», по всей видимости переносит свои мессианские чаяния, воспитанные в нем хасидизмом, на свою новую веру. Мессианизм часто и в самых разных формах играл роль в революционных настроениях средневропейской еврейской интеллигенции. Прошли через такой период и Георг Дьердь Лукач, и Вальтер Беньямин, и Эрнст Блох, и Гершом Шолем. Г. Шолем указывает, что еврейское представление о спасении как о земном (утопическом, но не мистическом) событии – в отличие от весьма трансцендентно понимаемого спасения в христианстве – создает условие для мессианского восприятия революции^[3]. Эта живая параллель лежит в основе каталога (в эпическом смысле этого термина) Ильи, сына рабби, героя Бабеля: «Здесь все было свалено вместе – мандаты агитатора и памятки еврейского поэта. Портреты Маймонида и Ленина лежали рядом. Узловатое железо ленинского черепа и тусклый шелк портретов Маймонида. <...> на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов. Печальным и скупым дождем падали они на меня – страницы “Песни песней” и револьверные патроны»^[4]. И когда Илья говорит: «... и пришла моя буква Б, и организация услала меня на фронт» (там же), то кажется, будто само имя великой хасидской династии определяет юношу на бессмысленную гибель во имя революции.

Такого рода мысли выражены с удивительной конкретностью в мемуарах польского еврейского писателя Юлиана Стройковского^[5]. Он заявляет, что Советский Союз в 20–30-е годы был для него «раем на земле», в который он верил верой, потому что он казался выходом, решением как национальных, так и социальных проблем еврейства. Фактически это было «реализацией мифа о приходе мессии» (там же). Стройковский еще подростком был пламенным членом сионистской молодежной организации А-шомер-ацаир. Он вспоминает, что когда он во время войны ехал в поезде вместе с заключенными, один из них признал в нем бывшего шомера и сказал: именно бывшие шомеры становятся легче всего коммунистами. (Общеизвестно, что в основе теории и практики кибуцев тоже лежали идеи коммуны, коммунизма, к тому же с российскими корнями.)

Начинающий отходить от еврейства интеллигент уже в самом начале оказался вне своего общества, в пустом пространстве. Поиски новой принадлежности привели многих – еще до 1917 года – в рабочее движение, а позднее – в этический социализм. Ради тепла в стаде Стройковский был готов не верить своим глазам, не верить фактам, приведенным в львовских газетах, и добровольно, как он выражается, «носил шоры, которые <его> защищали»^[6].

Бабель, судя по горько-зоркому взгляду своего дневника, таких шор не носил и не относился ни к философам, ни к мечтателям, которые создавали для самообмана и самооправдания системы идей. Выходец из многокультурного, своеобразного мира Одессы, он хотел найти свое место в новом обществе, не желая полностью порвать свои корни. Это «ни здесь, ни там», «и здесь, и там» сделало его уникальным. «Несмотря на отстраненность он все-таки свой в обеих стихиях: и в старой, и в новой, и в еврейской, и в советской. <...> Эта удивительная гармоничность в раздвоенности делает “Конармию” уникальной книгой как в советской, так и в русско-еврейской литературе»^[7].

Красноречиво свидетельствует о его двойственности непоследовательное употребление слов «мы» и «наш» в дневнике. «Ночью наши грабили, в синагоге выбросили свитки Торы»^[8], – записывает, не чувствуя, может быть, абсурдности того, что «нашими» называет не ограбленных евреев, а варваров-казаков. Он нередко скрывает, что он еврей, не желая открыть секрет своего русского псевдонима, под которым он прятался в Конармии. Но разговор на идише трогает его до слез, он утешает евреев, похваливая сказочные достижения московского коммунизма, сознавая, что обманывает их. А как бы сложилась его судьба, если бы история не предложила этой другой, второй опоры для «гармонии в раздвоенности»?

Для Кароя Папа история тоже на миг блеснула надеждой в 1919 году, но быстро отняла ее: так называемая венгерская советская республика продержалась всего 133 дня. Пап был моложе Бабеля на три года и прожил всего на год дольше, чем Бабель, погиб на четыре года позже безымянной жертвой другого тоталитарного режима. 2 ноября 1944 года он попал в Бухенвальд, получил номер 72713, отказался от побега, 31 января 1945 года еще был живым, потом исчез без следа.

В центрально-восточной Европе венгерское еврейство было самым аккультурированным, и это является важнейшей причиной различия между писательскими судьбами Бабеля и Папа. Хотя сам Пап, сын известного просвещенного раввина Микши Поллака (который посвятил ряд работ исследованию библейских мотивов в венгерской литературе), по рождению и воспитанию был глубже укоренен в еврействе, чем Бабель, его унесло от еврейства и от семьи не только его бунтарским характером, но, в первую очередь, желанием стать поэтом. В Венгрии это означало исключительно выход в венгерскую литературу. Не существовала венгерско-еврейская литература в том смысле, в каком русско-еврейская литература развивалась, начиная с 1860 года.

Был один поэт, «принятый» в венгерскую литературу в качестве еврейского поэта, – Йозеф Киш (1843 – 1921). Насколько зыбки критерии и терминологические разграничения для определения принадлежности к той или иной литературе, можно судить по статье «Венгерская литература» в первом томе русскоязычной Краткой еврейской энциклопедии. В статье речь идет о «писателях-евреях, писавших на венгерском языке»^[9]. Перечисление авторов начинается с переводчика Библии «Морица Баллаги (Блох), центральной фигуры кальвинистской церкви в Венгрии» и заканчивается «писателем-коммунистом» Бэлой Иллешем... А среди прочих перечисленных немало обратившихся в католицизм, правда, например Миклош Радноти был убит фашистами за еврейское происхождение. В период между двумя мировыми войнами названы популярные писатели, о еврействе которых ни один рядовой венгр (если только он не пламенный анти- или филосемит) не имеет представления (например Ференц Мольнар). Творчество Шандора Броди, Эрне Ошвата и других является частью так называемого круга западников (сложившегося вокруг важнейшего журнала «Nyugat», то есть «Запад») или так называемой, городской/урбанистской литературы. Сам Карой Пап тоже печатается в «Nyugat» – это было мечтой и честью для каждого литератора. Редакторами «Nyugat» были «poeta doctus», любитель классических форм и образов поэт Михай Бабич и прозаик-реалист Жигмонд Мориц, разоблачитель венгерского провинциализма. «Nyugat» выпустил серию сборников, «декамеронов» разных литератур, в том числе декамерон русской литературы (1936), где были опубликованы произведения Пильняка, Бабеля, Вс. Иванова и других. Таким образом, нет сомнений, что Пап читал Бабеля, но это с точки зрения их сравнения нерелевантно.

В Краткой еврейской энциклопедии Карою Папу отведено одно предложение: «Он посвятил свое творчество исключительно еврейской тематике». Следовало бы писать:

для венгерского читателя из перечисленных писателей Пап казался самым еврейским. А посвятил он свою жизнь (если эта формулировка вообще уместна) тому же, что и Бабель, – борьбе с самим собою в усилиях примирить еврейство, удаление от еврейства и поиски новой принадлежности, нового дома.

Перед нами, с одной стороны, Бабель, который с восхищением говорит о силе и красоте казаков, который добровольно участвовал в походах Первой Конной Армии и показал потом в своем героическом повествователе, что желанное слияние с массой невозможно; и перед нами, с другой стороны, Карой Пап, который, ненавидя стереотип слабого и трусливого еврея, добровольно ушел на фронт в 18 лет (в 1915 году), имея белый билет. Мемуаристы пишут, что поводом к окончательному разрыву с родителями и уходу из дома, куда он больше никогда не вернулся, послужила пьяная ночь с другими офицерами, когда – якобы – все вместе на улице распевали антисемитские песни.

После войны Пап (тоже) попал под влияние коммунистических идей и принял активное участие в революции 1919 года, вступил в Красную Армию и даже был назначен комендантом города Муракерестур. (Вспомним, что Бабель служил в ЧК и участвовал в «продовольственных экспедициях».) Стремление Папа не покровительствовать «своим» доходило до того, что, когда он, будучи комендантом города, решил взять 10 заложников, то выбрал их из самых богатых евреев города. Пап полностью, всем существом предан идеям революции: хотел организовать боевые отряды, перейти с ними австрийскую границу и приступить к осуществлению мировой революции. За свои мечты он заплатил полутора годами заключения. В тюрьме, со слов своего товарища по камере, католического священника и революционера, он ближе познакомился с марксизмом и учением Христа, и последнее оказало на него решающее влияние.

Когда Пап появился в Будапеште в 1923 году, он казался литераторам лохматым пророком, похожим на сумасшедшего. Лайош Микеш – известный покровитель начинающих писателей, советовал ему бросить поэзию. Он же сказал ему мимоходом, услышав, что Пап напевает какой-то мотив, что Пап мог бы попробовать себя на сцене. И Пап тут же исчез на четыре года, поступил в бродячую труппу. И в этом можно увидеть некоторое совпадение с важным эпизодом из жизни Бабея. Горький, прочитав его ранние рассказы, посоветовал ему «пойти в люди», после чего Бабель семь лет посвятил странствованиям и участвовал в походах Конной Армии.

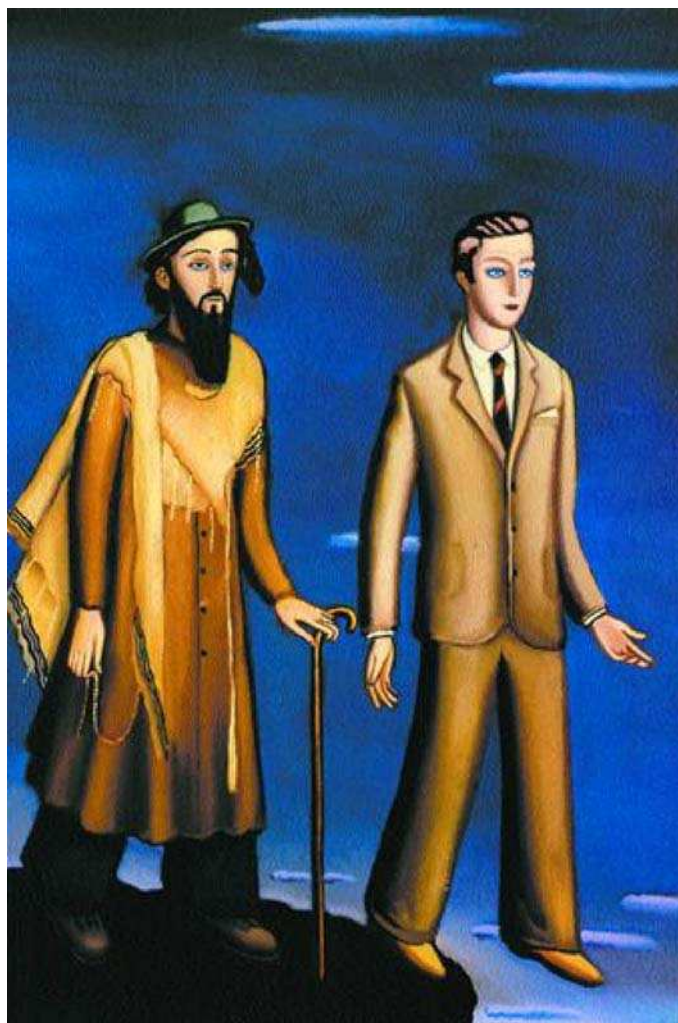
В основе параллели можно увидеть психологический фактор стремления ассимилирующегося еврея к «полноценной» жизни, к приключениям, какой-то азарт испробовать себя в крайних обстоятельствах, в физической незащищенности, в нищете, быть как все – в поисках новых привязанностей.

В апреле 1927 года Пап вернулся в Будапешт, стал сотрудником «Nyugat», женился и навсегда расстался с бродячей жизнью и нищетой. Он написал за свою жизнь три романа, около 125 рассказов, четыре пьесы (одна из них незаконченная) и два эссе («Раны и грехи евреев», «Еврей-антисемиты»). Среди его произведений очень четко можно выделить рассказы чисто еврейские, в противоположность сочинениям общей тематики, ибо, за редкими исключениями, первые публиковались в еврейских изданиях, а вторые – в «общих» будапештских журналах и газетах. Восемь рассказов вошли и в еврейские и в нееврейские издания.

Сопоставление направленности этих печатных органов и их идеологической позиции дает интересную возможность не только для анализа настроений венгерской интеллигенции между двумя войнами, но и для понимания писательской судьбы Папа.

Пап начал печататься в 1923 году, но только в 1934-м он появился на страницах еврейских журналов. А с 1939 года его рассказы выходят в газетах, ежегодниках и календарях (!), которые издает еврейская община и читает только городское еврейство. Даты говорят сами за себя – в 1934 году угроза фашизма стала реальной, а в 1939-м закрылись дороги, ведущие за пределы еврейства. Инстинктивный бунт Папа, его уход от еврейства были прерваны все более мрачными событиями истории, наступлением такой эпохи, где оттенков между «да» и «нет» не существовало. Папа как будто всосала обратно еврейская судьба, чтобы проглотить его вместе с другими как равного, как будто он никогда и ничем не отличался.

Бабель начинал печатать рассказы с еврейской тематикой в маленьких журналах, в том числе и еврейских^[10]. Его писательский путь идет в противоположном по сравнению с Папом направлении: от маленьких журналов к более крупным и важным, как «Красная Новь», «ЛеФ» и «Новый мир». Параллельно с этим выходили его сборники. Бабель достиг своей вершины в циклах рассказов («Одесские рассказы», «Конармия»). Он добился всего: популярности, славы, высокого «ранга» среди писателей, многократных переизданий. Он получил много и в социальном плане – был признанным, привилегированным, вхожим к сильным мира сего. Этот советский вариант благополучия был насквозь проникнут страхом и ложью. Специфически еврейское содержание этой общей фальши состояло в том, что страна, в которой евреи были защищены от фашизма и которая официально провозглашала борьбу с антисемитизмом, сделала евреев жертвами сначала общего террора (в 30-е годы), потом специально антисемитского (после второй мировой войны). Бабеля проглотил общий террор, волна арестов писателей. Но он достиг своего литературного пика, показав что-то существенное, еще не выстраданное в 1920 году (судя по дневнику), но уже не невозможное в 30-е годы (судя по неудаче его поздних произведений), а родившееся именно в 20-е годы и именно в советской стране. Он показал этот исторический момент так, что подтекстом было: восточно-европейскому еврейству никакой особый путь развития не предстоит (в противоположность утопическим надеждам писателей русско-еврейской литературы XIX века), будущего у него нет.

Карю Папу не удалось осуществить своего заветного замысла. Не только не успел (как невольно думается в случае, если писатель убит), но и не смог бы создать роман, над которым думал всю жизнь. Он задумал роман об Иисусе, первом коммунисте, завершителе еврейской судьбы, который погиб, чтобы превратиться в идею.

«Конармию» Бабеля нельзя понять без осмысления новозаветных мотивов, явно и скрыто присутствующих в цикле. Рассказ «Начальник конзапаса» является своеобразной парафразой евангельского «встань и ходи» (Мф 9, 4-7). Биография Сашки Христа представлена как апокриф евангелия: отчим Сашки – плотник, он сам – пастух, утешитель людей. Пан Аполек «производит» в святых самых убогих жителей деревни, «приписывая» их лица библейским фигурам на своих фресках. И даже описание тела умирающего сына рабби напоминает снятие Христа с креста. Новозаветные мотивы органически входят в метод создания нового мифа о «Конармии»^[11].

Самый сильный и удачный роман Папа, «Азарел» (1937) рисует судьбу мальчика-бунтаря в еврейской семье, параболой изображая историю еврейства в онтогенетическом развитии. Действие этого мрачного психологического и философского романа было выстрадано собственным опытом писателя – в отличие от полных трагизма, но не лишенных и своеобразного юмора автобиографических рассказов Бабеля, где почти все является продуктом творческой фантазии. Тревожные произведения Папа не были приняты прежде всего еврейством: в среде либеральных законов, аккультурации высокой степени, отчасти благодаря смене языка уже в XIX веке нелегко было найти ракурс, при котором можно было видеть распад восточно-европейского еврейства. Но нельзя было показать и сочных, сильных евреев мира одесских бандитов – они не появились на

венгерской почве. Венгерско-еврейской литературы – в отличие от русско-еврейской – не было. Пап остался одиноким до конца своей жизни, и только своей смертью присоединился к утонувшему поколению венгерских писателей, гуманистов-идеалистов, ассимилированных и даже крещенных по убежденности, убитых евреев (Миклош Радноти, Дьердь Шаркези, Антал Серб, Андор Геллери, Дьердь Балинт, Габор Халас). Неудача Папа показательна: он забыт, а в истории литературы причислен к третьему эшелону венгерской литературы.

Каприз истории, забросивший Бабеля в более чем сомнительную советскую систему, заставил его раздвоиться и сделал возможным удвоиться, отметить своим творчеством вершину, вступить в мировую литературу. Он взошел на пик, в то время как Пап зашел в тупик. В обоих случаях это означало конец. Не только в личном плане, в смысле насильственной смерти, но, главным образом, в том, что еврейская литература даже там, где она сформировалась, с середины XX века не могла продолжаться органически.

^[1] *Î adèèø Ñ. Ðùññîí-áàðàéñéàÿ èèò àðàòòððà è Èññàè Áàààèÿ. È. Áàààèÿ Áàòñòàí è àððèè á ðàññéàçù. Áéàéèíòàéè-Àéèÿ, Èàðññéèè, 1979. Ñ.338*

^[2] *B èññîíæó èç òàçèññà Ì. Èáàè. Lowy M. Messianisme, juif et utopies libertaires en Europe centrale (1905–1923). Archives des sciences sociales des religions, 26e année, vol. 51/1, janvier-mars 1981.*

^[3] *Scholem G. Zum Verständnis der Messianischen Idee im Judentum. Judaica I. Suhrkamp, Frankfurt-am Main, 1987.*

^[4] *Áàààèÿ È. Ññ-èíáí èÿ Ì., 1990. Ò. 2. Ñ. 129*

^[5] *Strykowski Julian. Okalony na Wschodzie = Le Salut était r l'Est. Entretiens avec Julian Strykowski recueillis par Piotr Szewc. Les Editions Noir sur Blanc, 1992. Ñ. 92*

^[6] *Òàí æá*

^[7] *Î adèèø Ñ. Ðùññîí-áàðàéñéàÿ èèò àðàòòððà è Èññàè Áàààèÿ Ñ. 336, 337.*

^[8] *Áàààèÿ È. Áí ááí èè 1920 á Áàààèÿ È. Ññ-èíáí èÿ. Ì., 1990. Ò. 1. Ñ. 424*

^[9] *Èðàò èàÿ áàðàéñéàÿ ÿí òèèèíí áéÿ. Èàðññéèè, 1976. Ò. 1.*

^[10] *Ñòàððé Øèíè á 1913; Èèÿ Èññàéíàè- è Ì àðàðèòà Ì ðèíòóññá à 1916; Øàáñ Ì àðàí á 1918*

^[11] *Ñí. íá ÿòíí áíéáá í Ìàðíáí í: Óàòáí è Á. Áéàééñééá í Ìòèáí á «Èííàðè èè» È. Áàààèÿ. Studia Slavica Hung. 27 (1981). Ñ. 229-240*

«ИЗУМЛЕННЫЙ» КАПИТАН ВОЗНИЦЫН И БОРУХ ЛЕЙБОВ: СМЕРТЬ НА КОСТРЕ

Ádîí x'ádîyê

Несколько веков подряд в католических странах Европы, особенно в Испании и Португалии и в их обширных заморских владениях, пылали костры инквизиции. Это католическая церковь и светские власти расправлялись с еретиками «без пролития крови», как гласила официальная лицемерная формулировка. Значительная часть жертв инквизиции приходилась на долю евреев, в первую очередь «анусим» – тех, кто формально перейдя в христианскую веру, продолжал тайно исповедовать иудаизм. Таких было немало. Инквизиция распространилась по католическому миру подобно пожару в сухом лесу. По приблизительным данным, только в Испании и ее колониях с начала инквизиции (XIII век) и до ее упразднения в 1834 году различным наказаниям подвергнуто триста пятьдесят тысяч человек, причем около тридцати двух тысяч из них сожжено на кострах.

России массовой инквизиции не было. Но сожжения на костре, вызванные принадлежностью жертв к иудаизму, все же имели место... Перенесемся мысленно в 30-е годы XVIII века, предшествовавшие «эпохе Просвещения». В семье капитан-поручика достоправного российского флота Александра Возницына с некоторых пор стали происходить какие-то странные, необъяснимые на первый взгляд события. Они были явно несовместимы с происхождением капитана и его положением в обществе. Глава семьи принадлежал к старинному дворянскому роду, предки его играли заметную роль еще в Великом Новгороде. Много позднее заслуженной известностью пользовался дядя Александра Прокофий Богданович Возницын, занимавший высокий пост в боярской Думе. Он прославился заключением Бахчисарайского мирного договора с крымским ханом в 1681 году, а за год до исхода столетия П. Возницын подписал перемирие с Османской империей, принесшее России изрядную пользу. Его сестра, тетка Александра Возницына, была супругой адмирала И.А. Синявина. Сам Александр Возницын, человек образованный, также занимал хотя и не высокое, но далеко не последнее место в офицерском корпусе российского флота, ни в чем предосудительном никогда замечен не был. Но вот супруга его стала замечать, что муж молится, повернувшись лицом к стене, а не к иконам, как это принято у православных. Подобное поведение оказалось не случайным, превратилось в норму, а потом обнаружилось кое-что и «похуже»: глава семьи во время трапезы за общим столом ест не все блюда. Наконец, к изумлению и ужасу супруги, он вошел в домашнюю церковь, собрал все иконы и выбросил их в реку. Это было невиданно... Обо все этом супруга, не мешкая, сообщила – в древнем жанре доноса – в «соответствующее учреждение» – тайную канцелярию розыскных дел. Ее начальник А.И. Ушаков имел репутацию страшного человека. К полученному доносу он отнесся со всей серьезностью и распорядился начать следствие. Так возникло ставшее печально знаменитым «Дело о сожжении отставного морского флота капитан-поручика Александра Возницына за отпадение в еврейскую веру и Боруха Лейбова за совращение его».

Российские евреи. Гравюра начала XIX века.

В этом акте перехода в еврейство правительство и особенно императрица Анна Иоанновна, воинствующая юдофобка, увидели опасное религиозно-политическое преступление, угрозу безопасности страны и общества. «Жидовская ересь» издавна привлекала к себе пристальное внимание государственной власти России и православной церкви. Ересь эта не была уникальным, единичным явлением. Ее основоположником явился еврей Схария, который прибыл в Москву из Литвы в конце XV века. Так, в Москве, возникло довольно широкое движение, в котором принимали участие образованные представители светской и духовной знати. Одним из главных руководителей движения был думный дьяк Федор Курицын, дипломат, глава московского кружка церковных реформаторов, приближенный Ивана Третьего. Сам великий князь Иван Третий водил знакомство с еретиками и оказывал сопротивление их преследованиям. Великий князь был знаком и с некоторыми евреями, переписывался с еврейским князем из Кафы (Феодосии), сватал своего сына за его дочь. Однако Иван Третий вынужден был уступить давлению высшего духовенства: руководителей движения «жидовствующих» сожгли в декабре 1504 года. Но ересь не была истреблена и искоренена, она давала всходы. В XVIII веке крупная секта субботников, которые «иже по-жидовски субботу празднуют», отвергла иконопочтение и проявила тенденцию к сближению с еврейством, к слиянию с ним. Это насторожило власти, и история Возницына и его «совратителя» Боруха Лейбова не могла остаться незамеченной.

Борух Лейбов, крупный купец-откупщик, проживал в Смоленской губернии. Его конфликт с православным населением имел застарелый характер: в селе Зверовичи, где жило немало евреев, он построил синагогу. Православные обратились в Святейший синод с челобитной. Они жаловались на то, что Борух соорудил «жидовскую школу» (то есть синагогу), в которой «бусурманскую свою веру отправляет», что он, Борух, ругает христианскую веру и даже избил до смерти священника Авраамия, который «чинил ему, жиду, всяческие противности в строении школы». Кроме того, жалобщики писали, что евреи, поселившиеся в Смоленской губернии, совращают православных «в жидовскую веру». Решение Святейшего синода было весьма радикальным: синагогу разорить до основания, священные книги, которые там находятся, сжечь огнем. Что же до прочих обвинений в адрес Боруха, то вышел приказ: провести строгое расследование. Евреев из этих мест решено было выселить, расследование же по неясным причинам так и не было доведено до конца. Как бы там ни было, Борух Лейбов к началу событий, связанных с Возницыным, имел уже солидный стаж общения с судебными властями. Теперь ему было предъявлено новое, куда более тяжкое обвинение: совращение православного человека в иудейскую веру. Следователи установили, что в начале 30-х годов Борух часто

наведывался в Москву по своим торговым делам. Там он и познакомился с Возницыным, жившим в древней столице после отставки от военно-морской службы. Знакомство вскоре перешло в тесную дружбу. Новые друзья довольно часто путешествовали; однажды они отправились в Польшу. Там Возницыну сделали обрезание, и он тайно принял иудаизм.

Вслед за тем Лейбова и Возницына арестовали и отправили в Санкт-Петербург. Доложили императрице, она повелела провести следствие с пристрастием – иными словами, обвиняемых подвергнуть пыткам. По прямому указанию Анны Иоанновны следственные материалы были переданы в Сенат – в те времена высшую судебную инстанцию государства. Императрица опасалась, что пример Возницына может оказаться заразительным и пагубным для государства и церкви. В наставлении следователям предписывалось: «Ими, жидом Борухом Лейбовым и Возницыным, для изыскания истины, надлежит произвести указанные розыски, для того не покажется ли оный Борух и с ним кого сообщников в превращении еще и других кого из благочестивой, греческого исповедания веры в жидовский закон». (Цитируется по изданию: Дудаков С. «Парадоксы и причины филосемитизма и антисемитизма в России». М., 2000. С.23.) Круг следственных розысков значительно расширился: допросили крестьян из имения Возницына, кучеров, владельцев постоянных дворов, где останавливались Борух и Возницын. Тем не менее, основу обвинения составляли, как было заведено, собственные признания «преступников», вырванные под пыткой.

Императрица Анна Иоанновна.

Но тут произошло нечто неожиданное: юстиц-коллегия сочла следствие незавершенным и потребовала, по нынешним определениям, «пересмотра дела». Из этой затеи ничего не вышло по той причине, что разгневанная императрица приказала в ударном порядке завершить процесс и вынести суровый приговор. Начальник тайной канцелярии А. Ушаков заявил в заседании Сената: «Хотя он, Борух, и подлежит, но чтоб из переменных речей что-либо может последовать, от нетерпимости жестоких розысков, не произошло в Возницыне дело дальнего продолжения и чтоб учинить о нем решение, чему он за оное его, Возницына, превращение, по правам достоин, не разыскивая им, Борухом».

Даже по нормам того жестокого и бесправного времени это было серьезным юридическим нарушением. Однако юстиц-коллегии ничего не оставалось, как отказаться

от своего законного требования. Сенат, не мешкая, вынес решение, продиктованное желанием Анны Иоанновны и указанием Ушакова: Александра Возницына, совращенного в «жидовскую веру», и совратителя Боруха Лейбова «казнить смертью и сжечь, чтобы, смотря на то, невежды и богопротивники христианского закона отступать не могли и иные прелестники, как оный жид Борух, прельщать и в свои веры превращать не дерзали».

Этот устрашающий приговор, как видим, преследовал как охранительные, так и назидательные цели. Разумеется, императрица приговор Сената утвердила. Резолюция ее от 3 июля 1738 года гласила: «Понеже оные, Возницын в принятии жидовской веры, а жид Борух Лейбов в превращении его через приметные свои увещания в жидовство сами повинились; и для того больше ими не разыскивать ни в чем, дабы далее сие богопротивное дело не продолжалось и такие богохульник Возницын и превратитель в жидовство жид Борух других прельщать не дерзали: того ради за такие их богопротивные вины ... обоих казнить смертью, сжечь». (С. Дудаков, там же.) Вскоре на Адмиралтейском острове, близ нового Гостиного двора, при стечении народа состоялось публичное сожжение на костре Александра Возницына и Боруха Лейбова – в «лучших традициях» католической инквизиции. Возницын держался с большим достоинством и ободрял своего наставника. Имение Возницына перешло к его жене – то была награда за донос (Бейзер М. «Евреи Петербурга». Иерусалим, 1990. С. 58).

Прошло полтора столетия, и великий русский философ Владимир Соловьев – правда, не совсем точно – отметил этот акт жестокости и несправедливости словами: «Последнее религиозное сожжение было у нас в Петербурге». Соловьев не первым откликнулся на эту зверскую казнь. Современник события, известный дипломат и поэт князь Антиох Дмитриевич Кантемир откликнулся довольно-таки своеобразной сатирой:

... âîí ðëùøèì íîâé
Î ò íâñ òââðä äîéòì áí ò, óæá ã ò íâùé.
Êâé Áèáëèþ í á ãâïóíí ÷è ò à ò è,
× ò í îí à âñ ãâðæ è ò ñ ÿ í à æ è äîâéîé
ñ ò à ò è?
Âîí ää çà ò î íâí îâ è ñæãè è í äüââí î,
× ò í çà ÷ è ò àâø è ññ ò à ï, ñ ò à è
Õðè ñ ò à òèè è ò ü ÿâí î.
Î é í à ò, í àâñ Áèáëè è óââñ ò ü
èâ è ï íæ í î.
Âî çà ÷ è ò àâø è ññ á í á é ï òñ ï àââø ü
áâ çâ íæ í î.

Хотя смысл этого стихотворения особой ясностью и не отличается, все же последние две строки окрашены в иронические тона. «Шутит» Кантемир и в другой своей

сатире: «В Санкт-Петербурге 1738 года месяца Июля в средних числах сожжен по уложениям блаженные памяти Российских Государей бывший морского флота капитан за то, что принял жидовскую веру и так крепко на ней утвердился, что, несмотря на правды, упрямством своим и страшном на Спасителя нашего Христа хулении погиб; который случай безмозглым невежам немалую причину подал сомневаться Библиею, когда они слышат, что жидаы Ветхого закона держатся. О как безумии и дерзкий невежды! Причина ли Библия святая диавольского того орудия погибели?» Автор далек от осуждения страшной казни, хотя этого можно было бы ожидать от известного поэта и дипломата. Он защищает Библию, предостерегает от опасности «неправильного» толкования ее текстов.

«Дело Возницына и Лейбова» оставило след в российской печати. В 1910 году еврейский русскоязычный сборник «Пережитое» поместил документы, связанные с этим событием. В 1936 году русский писатель Л. Раковский (1895–1979) опубликовал роман «Измученный капитан». Перу автора принадлежал ряд произведений из еврейской жизни, отличавшихся чрезвычайно теплым отношением к еврейству. Эта черта проявилась и в романе об «измученном» – иными словами, не вполне уравновешенном – капитане Возницыне. А С. Дудаков приводит любопытный факт из воспоминаний вдовы маршала В. Блюхера, опубликованных в «Военно-историческом журнале» в 1990 году. Незадолго до ареста Блюхер читал книгу Раковского и сказал жене: «Прочитай... Со мною то же будет».

Такова печальная и страшная история о пострадавших за иудейскую веру российском дворянине из старинного рода Александре Возницыне и его «совратителе» еврейском купце Борухе Лейбове.

В ТИТУЛОВАННОМ КРУГУ ТАЛАНТОВ

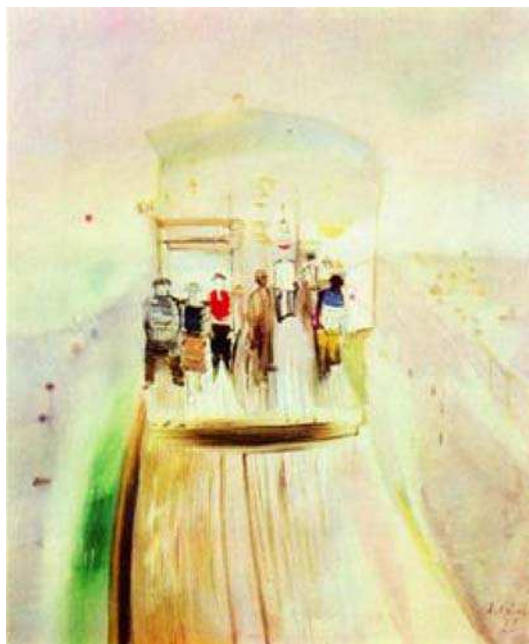
Àðèãðèé Áí èñèí íá

Àëàèñááð Èáááñ ðíàèèñý á íðíàèíòèèèííì Ñì íèáíñé, ãðíàèèéá áííèíá çàòòàòíí, íáíàèí æá Ñì íèáíñé áíé ñòíèèöáé èíýæáñòáá è íà íðíòýæáíèè ñòà èáò áðíàèé á ñòáá Èèòáíèíá ãíááðíòáá è Ðá: è Íííèèèòé.

Художник А. Лабас в мастерской.

Лабасу до всего этого дела не было, ему суждено было выразить себя в живописи, ибо он родился художником. От природы он наделен был удивительным, неповторимым даром. Признаться, мне в жизни не пришлось общаться с коронованными особами, да и титулованных я видел мало – потомков князей Голицыных и Шереметевых, нескольких баронесс и одного барона – Мишеля де Серевия, отличного парня, воевавшего в летном полку «Нормандия-Неман». Но всемирно известных художников я, к счастью, повидал. Хотя Александр Лабас пока не относится к их числу, но у него в запасе вечность. И своего часа он непременно дождетя. В этом он сам был крепко уверен. В том же уверен и я. А почему – об этом я скажу в этой статье. Несколько запоздалой, хотя я знал художника несколько десятилетий, дружил с ним, постоянно общался, писал небольшие заметки, которые, правда, Александр Аркадьевич очень ценил. Он вообще был человеком добрым, приветливым и дружелюбным. Не зря говорят: чем больше у человека таланта – тем больше в нем доброты.

Едут. 1928 год.

Лабас был художником большой формы и богатого содержания. Содержание в искусстве – это идея, облеченная в острую форму. Лабасу были присущи чувство скорости, высоты, необычность взгляда на мир с верхней точки, с высоты птичьего полета. Совсем недавно я разглядывал работы Александра Лабаса в Третьяковской галерее и в Музее личных коллекций и еще раз убедился в их неповторимости, новизне и поразительной необычности.

В моем представлении Лабас – настоящий классик, к которому всегда будут обращаться художники будущих поколений, как они обращаются к Босху, Рембрандту, Пикассо и Шагалу, каждый раз находя у них какие-то темы и образы, которые не живут на земле, а витают в облаках. Ведь классика – это не отжившее и устаревшее, как черепа первых христиан, а вечно живое, питающее, одухотворенное. Это особое представление о красоте, без которой жизнь теряет свой первоначальный смысл.

Итак, мы видим юного Лабаса в Смоленске, древнем городе с зелеными берегами Днепра, старинными постройками, Кремлем XII века. Отец его, невысокий худощавый человек с бравыми закрученными усами. Он работает в типографии, любит книгу, издатель и печатник. В 1912 году Лабас становится учеником Строгановского училища.

Ему всего двенадцать лет. Он изучает резьбу по дереву, роспись по эмали и фарфору. Впоследствии все это пригодится ему для работы. В 1916 году Лабас попадает в студию Ильи Машкова. Упоение жизнью и живописью пронизывает все существо юноши. Он восторжен, трудолюбив, уверен в себе. Художнику чуждо мелочное прозябание на белом свете. Двадцатью годами раньше родившийся Илья Машков рассказывает своему ученику Лабасу, как он искал свое место в русле классики.

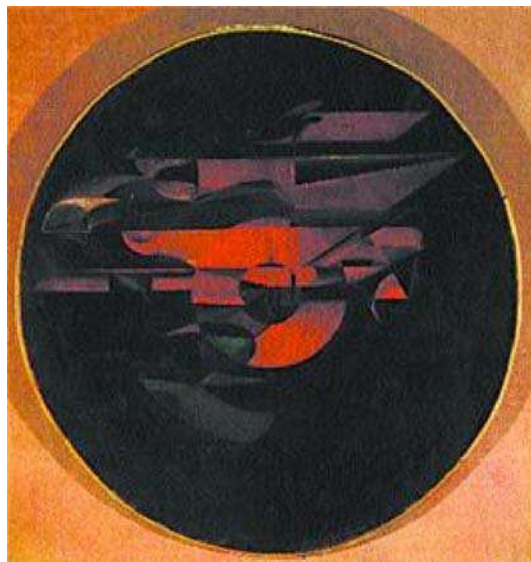
– Ты знаешь, Александр, – говорил он Лабасу, – искусство живописи так низко пало, а я всегда мечтал о возрождении его былого величия. Кто мне помог, кто надоумил и научил? Сезанн, Ван Гог и Гоген! ВОТ Освободители! Они открыли мне и моему другу Кончаловскому новые пути, горизонты, дороги. Они научили нас, дурней, что главное в искусстве – свежесть взгляда, искренность, мастерство. Все нужно брать на вооружение –

вывеску, лубок, примитив, все сойдется, все пойдет в дело. Главное – открыть все богатство возможностей живописи. Это сделал еще Джотто – первый живописец. Он показал всем, как нужно пользоваться цветом, линией, объемом.

Лабас слушал своего учителя, внимал его наставлениям, а после на практике претворял в свою живопись его уроки. И, вероятно, вполне успешно. Потому что его дела в искусстве шли хорошо.

Остроту видения, искренность и мастерство – все лучшее, чем обладал Машков, – он передал одному из своих учеников Александру Лабасу.

Лабас – художник движения. Многие отмечали, что у него даже названия картин «подвижны» – «Едут», «В полете», «На пути к Москве», «На паровозе», «Поезд идет», «Из машины». Самолеты летят, машины едут, поезда мчатся, парят дирижабли. Лабас уносится мечтой в далекие дали – он рисует города будущего и очень похожие на правду – станции космического вращения, скафандр, кругом деловые люди со сложными приборами. Когда-то Лев Николаевич Толстой высказался в том смысле, что художник – это человек, который видит то, что не видит никто, но что насущно и важно знать всем. На мой взгляд, универсальное определение – и такое простое! Не уверен, знал ли Александр Лабас эти слова Толстого. Мы редко говорили с ним о литературе, но человек он был начитанный. Одно для меня бесспорно: Александр Аркадьевич под такое определение Толстого подходил идеально. В книге отзывов на одной из выставок А. Лабаса я нашел такую запись: «Замечательный художник! Художник-мыслитель, художник-новатор, художник-поэт! Какая неиссякаемая молодость души! Как неистощимы поиски средств выражения чувств и мыслей. Можно говорить о высшем: о мире лабасовской живописи».

Цветовая композиция. 1920-1921 годы.

Чем же привлекателен этот мир, который открывают нам картины Лабаса?

Многие художники увлекались изображением города. Сутолока, теснота, улочки, дома, куда-то спешащие люди. Кусочки природы, взятой общесхематично. Сколько таких городских пейзажей прошло перед нами в советской и зарубежной живописи... Совсем иную картину представляет город у Лабаса. Вот он перед нами. Картина называется «Город на Западной Двине». 1928 год. Феерия легкого тумана

затягивает пространство, которое разворачивает перед нами художник. В этом городе щедрость художника диктует ему особое настроение для передачи своих переживаний. Город ему по душе. Он им открыто любит, он дышит в нем легко и свободно. Это его город. Он словно спускается с холма вниз, а дальше разворачивается обширная панорама реки, на дальнем плане маячат едва видимые домишки, резко взмывает над ними розовое и синее небо. Несколько человеческих фигур создают настроение обжитости города. В картине Лабаса прослеживается путь от абстрактного, беспредметного к изобразительному. Цвета и ритмы у Лабаса удивительно свежие, неожиданные, острые. Он властно берет зрителя в плен, и тот невольно начинает смотреть на мир глазами Лабаса. И поражается, как радостен и печален одновременно мир, который предстает его глазу, его воображению, его чувственному восприятию. Я не раз ловил себя на том, что восприятие художника становится моим собственным. Особенно остро почувствовал я силу художественного воздействия Лабаса, когда он показывал мне работы, сделанные в моем родном Батуми. Я с детства помнил неповторимые запахи города, его магнолий, камышей, акаций, оливковых деревьев, запахи накаленных пузатых кораблей, барж, смол, канатов, рыбы, сейнеров, ловающих хамсу – такие запахи есть только в Батуми. Одесса пахнет по-другому, Ялта – на свой лад, Поти, Гагра, Евпатория – нигде запахи не повторяются. И глядя на батумские работы Лабаса, я вдруг почувствовал знакомый с детства запах города. Я сказал об этом Александру Аркадьевичу. Художника тронуло мое отношение к его работам.

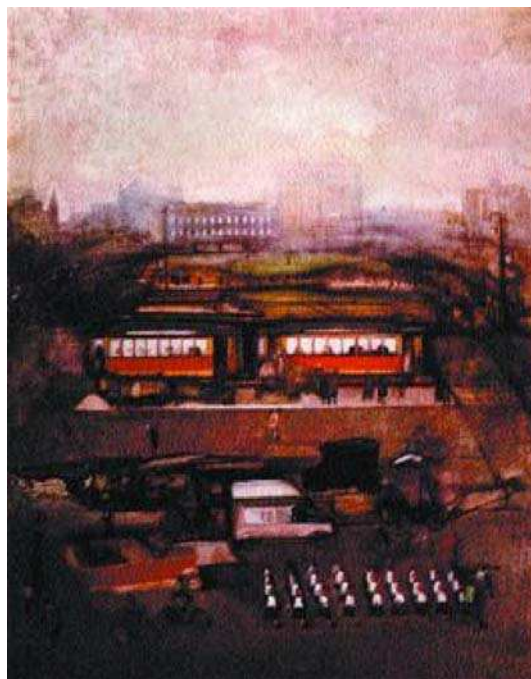
– Я вам обязательно подарю одну батумскую акварель! – сказал Лабас. В моем представлении этот глубокий и тонкий художник-романтик творил и создавал свой мир необыкновенно живописно. Его работы подтверждали, что основой в живописи должен быть цвет, как в музыке звук. Но откуда же на меня повеяло еще и духом? Это уже был один из секретов художника, который не может раскрыть даже самый проницательный искусствовед.

Как-то Лабас сделал в дневнике запись, которая много говорит о нем как о художнике: «Сегодня я смотрел на небо и думал о том, что мало кому из художников разных веков удалось передать эту удивительную нежность голубизны и легкости и тончайшие переливы медленно плывущих облаков».

Чувство композиционного равновесия, свойственное Лабасу, особенно наглядно проявляется во многих картинах, в которых непременным компонентом является изображение неба. В серии сочинских пейзажей небо то легкое и невесомое, то тяжелое и тревожное над горами – это 1924 год. В картине «Едут» 1928 года небо бесконечное, серо-розовое, воздушная крыша земли. «Первый паровоз на Турксибе» 1931 года – небо раскаленное, желтое, как пленка в кипящем молоке. Картина «В полете» 1935 года. Небо высокое, безоблачное, легкомысленное, веселое – в нем гудят аэропланы, скользят к круглой земле парашютисты. Пейзаж «Вечером». Это Батуми 1936 года. На дальнем плане в бирюзовое небо упирается яркий огонь маяка. Выше парит самолет, на берегу вечером гуляют беспечные люди, они дышат свежим морским воздухом, небо их совершенно не интересует, оно просто есть, а позже, когда в нем вспыхнут яркие и крупные звезды, им можно будет всласть полюбоваться. В каждом конкретном случае художник Лабас добивается гармонического единства. Это чувствовали многие люди, которых восхищала волшебная кисть большого художника. Я только назову десяток фамилий авторов, которые так или иначе воздавали должное крупному таланту Александра Аркадьевича Лабаса, одного из создателей Общества станковистов, куда входили лучшие мастера живописи 30-х годов. О Лабасе писали Луначарский, Грабарь, Фаворский, Пименов, Тугенхольд, Эфрос, Жан-Ришар Блок, Леон Муссиак, Эренбург, Лучишкин, Комиссаржевский, Слуцкий. И писали все эти уважаемые и авторитетные люди, тонко

разбирающиеся в искусстве, что у Лабаса абсолютный слух на цвет, что он редкостный и замечательный своей пластикой художник, что он владеет мастерством с таким совершенством, что можно только диву даваться,

Власти, которые были всегда строги к формалистам, а Лабас был формалистом убежденным, твердым и непреклонным, охотно посылали его картины на всевозможные выставки, чтобы доказать, что в СССР искусство цветет пышным цветом, художники благоденствуют, а культура поднята выше небес. Лабас работал самозабвенно, все время его жизни было отдано любимому делу, в котором он находил все новые и новые возможности.

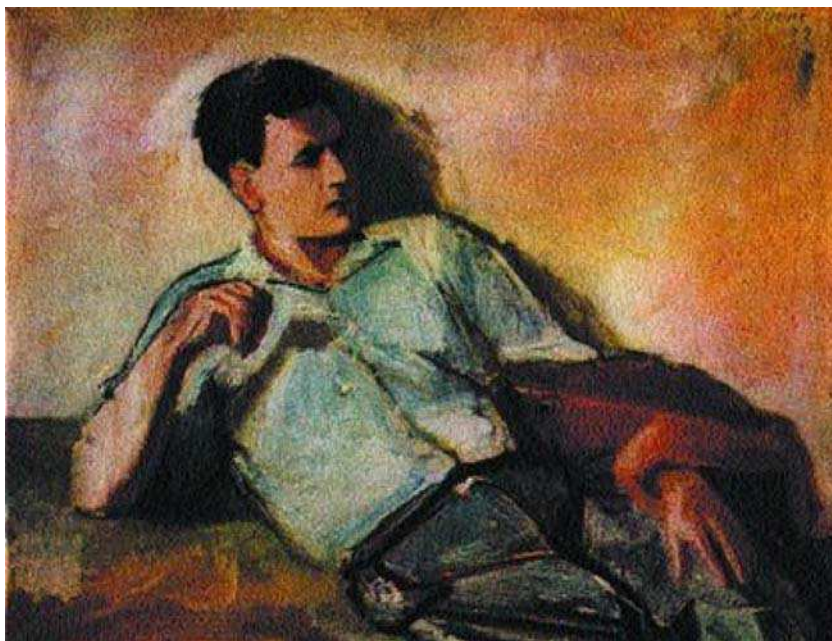

Городская площадь. 1926 год.

Вот как выглядела его выставочная деятельность, дающая возможность составить творческую характеристику мастера. Александр Аркадьевич начал выставляться в 1921 году, впервые показал свои работы на выставке молодых художников в Екатеринбурге. В 1923-1924 годах его произведения экспонируются в Голландии и Германии, в 1927 году – на выставке «Итоги и достижения Советской власти за 10 лет». Эту выставку представляют в Берлине, Вене, Праге, Стокгольме, Осло, Копенгагене. После возвращения из Европы выставка показывается и в Москве. К этому времени художник создает такие, ставшие музейными картины как, «Девушка 20-х годов», «Городская площадь», «Поезд идет», «В кабине аэроплана», «Едут», «Город на Западной Двине», серию «Октябрь».

Что же хочет сказать художник своими работами, чего добивается, за что его ценят зрители – на родине и за рубежом? Дадим слово самому мастеру. «В чем хочется разобраться и что имеет важное и даже важнейшее значение в искусстве? Мне кажется, что прежде всего нужно разобраться и почувствовать предметы как бы изнутри. В этом нам крепко помогли импрессионисты, потом кубисты, за ними сюрреалисты. Эти проблемы решало искусство XX века. Вот я разбирался – что снаружи, а что внутри. В природе, в философии, в искусстве. Не такое это простое дело. На это жизни мало порой. Ну, скажу, с грехом пополам разобрался. Потом мне нужно было проникнуть внутрь психологии, состояния, характера человека. Я много писал в своей жизни портретов.

Писал людей выдающихся, как гениальные поэты Борис Пастернак и Перец Маркиш, режиссеры Мейерхольд и Муссинак, композитор Дмитрий Шостакович и актер Михоэлс, мой учитель Петр Кончаловский позировал мне и поэт Назым Хикмет, художники Павел Кузнецов и Фонвизин. Менялись темы, менялись лица, положения и обстоятельства.

Портрет Переца Маркиша. 1937 год.

Но задачи, которые мне нужно было решать в той или иной работе, не менялись. Задумывая то или иное произведение, я представлял себе целостный живописный образ, создавал на холсте слепок своего внутреннего видения. Это для меня обычный способ работы. Тут все дело в том, сколько художнику отпущено от природы, от Б-га.

Я умею добиться своего, у меня все средства рассчитаны, продуманы заранее, поэтому мне легко импровизировать уже непосредственно на холсте. Я знаю свою цель, знаю, к чему мне следует идти в работе. Для многих это неразрешимая загадка, они идут на ощупь, наугад, пользуются тем случайным, что под руку попадет. Вот и получается так называемое искусство социалистического реализма. Там нет ничего социалистического, тем более реализма в его высоком смысле, как его понимали наши великие художники Серов, Репин, Левитан, Врубель.

Страница из дневника А. Лабаса.

Портрет В. Мейерхольда.

Меня всегда поражало небо, причудливые очертания облаков, игра света и цвета, цветы и деревья с их особенным, неповторимым рисунком, полет птиц. Какое разнообразие красок, переливов, сколько причудливой игры теней и света. Я с удовольствием работал с натуры, очень увлекался всем этим, испытывая невообразимый интерес ко всему, что видел. Мог работать и без натуры, на память или просто сочинял от себя. Мне важно было сосредоточиться на своих чувствах, ощущениях, впечатлениях, наблюдениях. Во мне всегда что-то происходило, это был сложный внутренний процесс. Что-то откладывалось из того, что я видел вокруг, что-то возникало при помощи так называемого внутреннего зрения, что удивительно для меня самого – творческий процесс продолжался и днем и ночью, когда я видел самые захватывающие, самые неожиданные, самые фантастические сны.

К этому следует добавить, что для художника очень важны впечатления детства. Скажем, мой родной Смоленск я воспринимал в детстве как чудесный сказочный город. Вероятно, я не смог бы создать многих своих картин, если бы у меня не было ярких детских впечатлений. Образная память для художника – та плодородная почва, на которой взрастают самые диковинные цветы.

Испытывая с детства сильное влечение к рисованию, я чувствовал, что потребность эта растет с годами, становится все больше. И с детства я остро отзывался на все, что меня окружало. Я стремился создавать новое, не повторять других и самого себя. Процесс развития художника может быть ускорен содействием других людей, в частности искусствоведов, художественных критиков. Они делают достижения художника достоянием многих людей. Я очень ценю их труд. Вообще-то, должен заметить в скобках, труд художника, его путь необычно тернист, труд художника опасен. Художник должен быть тверд и непоколебим. А у нас художников особенно “ласкали”, Малевич дважды сидел в тюрьме, другие томились в лагерях годами и десятилетиями, как Шухаев и Антощенко-Оленев, а многих расстреливали, как Древина, профессора ВХУТЕМАСа и Семашкевича. Такое жуткое время было: художников душили, все новое в искусстве воспринималось в штыки. 20-е годы были временем невиданного взлета в искусстве, нигде в мире, ни в одной стране не было столько мощных талантов, как у нас. Поэтому так властно во всем мире утверждался авангард, истоки которого пошли из России».

Вечером в Батуми. 1936 год.

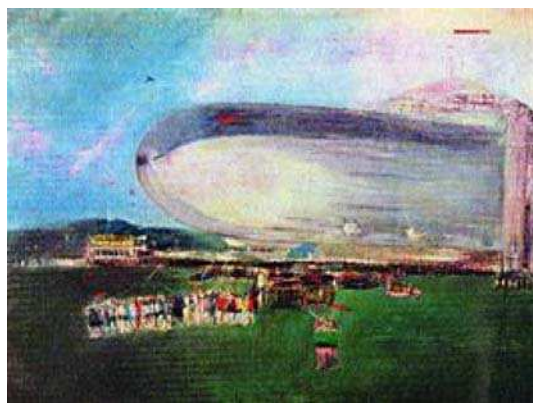
Этими и похожими мыслями Александр Лабас охотно делился с близкими ему людьми. Много записывая для себя, я часто просил его написать воспоминания, издать отдельной книгой, но у него на это не было времени.

Работы Александра Лабаса обладают редким свойством – они со временем не стареют, будто ничто не властно над ними. Каждая встреча с его произведениями вызывает неожиданную радость открытия. Это закон большого искусства. Можно ли сказать, что Рембрандт устарел или Рафаэль, что поблек от времени Джотто? Я беру вершины мирового искусства для сравнения, чтобы еще раз подчеркнуть ясность и чистоту, свежесть и новизну художественных образов Александра Лабаса. Его высоко ценили современники, я уверен, что будут ценить и будущие поколения. Ведь достижения отдельных мастеров искусства принадлежат всем – это общечеловеческое достояние. Украинец Гоголь писал в Риме, а еврей Шагал работал в Париже, русские художники Фешин и Коненков большую часть жизни прожили в Америке и ничуть не стали менее русскими, Бунин и Набоков были разлучены с родиной, но их знают во всем мире так же, как Кандинского, который жил в Германии, или Пикассо, всю жизнь прожившего во Франции.

Убежден, что такой мастер, как Лабас, мог бы принести всемирную славу любой европейской стране, а у нас о нем вышла тощая монография, притом единственная и весьма скромная. А по совокупности сделанного он достоин самых почетных лавров, не меньше Осипа Цадкина или Хаима Сутина. Думал ли Александр Аркадьевич об этом? Зная его на протяжении многих лет, могу предположить, что наверняка думал, но сделать ничего не мог. Картины его побывали во многих странах мира, но автор мог передвигаться не дальше Крыма или Прибалтики, путь дальше был ему заказан. Работал он себе на Верхней Масловке до самой смерти в своей мастерской, радовался, когда ему удавалось добиться осуществления того, что задумал, и не очень огорчался, если что-то получалось не так, как хотелось бы. Часто приглашал к себе, чтобы услышать мнение о своих работах со стороны, был общителен, приветлив, корректен.

Одно время Лабас был увлечен темами революции и гражданской войны. «Октябрь в Петрограде», «Утро после боя», «Октябрь» – это картины, пронизанные трагизмом разрушения старого мира, братоубийственной войны, воцарением красных знамен, революционных матросов, красногвардейцев. Такие темы всегда поощрялись властями, картины приобретались в музеи, показывались на выставках. Эти полотна

Лабаса побывали на XVIII биеннале в Венеции и на третьей международной выставке современной живописи в США, в Питсбурге.

Первый советский дирижабль. Эскиз. 1931 год.

Много сил и энергии, творческого пыла и энтузиазма отдал мастер теме авиации. Проблема движения, воздушная стихия, покоренная человеком, волновала художника постоянно. Пожалуй, в советском искусстве не было другого художника, который так ловко, блистательно и мастерски воплотил бы эту тему в искусстве. Он подымался в воздух и однажды попал в катастрофу, остался жив и написал об этом событии рассказ «Мой первый полет» и картину «В авиационной катастрофе» (1928 год). Ореол романтики сопутствовал первым успехам воздухоплавания. Работы Лабаса нравились летчикам, впоследствии их с удовольствием разглядывали космонавты. Аэростаты, дирижабли, небо, обжитое людьми, – все это в картинах Лабаса оживало в цвете, динамике, движении, стремительном ракурсе.

Его картина «В кабине аэроплана», кажется, объехала весь мир. Люди, сидящие в креслах, парят в безвоздушном пространстве, как будто их ввергло в состояние невесомости. Космичность всегда сопровождала живопись Александра Лабаса, была не только ее спутницей, но и неотъемлемой составной частью.

Отдельную страницу творчества художника представляет его работа в театре. В театре имени В.Ф. Комиссаржевской Лабас осуществил как декоратор постановки пьес Сухово-Кобылина «Дело» и «Свадьбу Кречинского». Потом Лабас работал в Государственном еврейском театре, где шла пьеса Э. Лабиша «Миллионер, дантист и бедняк». Режиссером спектакля был Леон Муссиак. Сначала зритель видел занавес – дома с окнами, балконы с людьми. В центре помещалась длинная лента, которая заканчивалась коляской с лошадью. Лошадь двигала ногами, лента вращалась, казалось, что лошадь бежит во весь опор. Условность была художественно убедительна. Жан-Ришар Блок писал об этом спектакле: «В лице Лабаса советская страна имеет художника молодого, талантливого, отличного. Декорации и костюмы живописны, полны выдумки и вкуса. Их оценили бы высоко и в Нью-Йорке, и в Париже. Для каждого французского зрителя постановка одного из лучших водевилей Лабиша на советской сцене – счастливая неожиданность». Такой высокий отзыв был неожиданностью и для самого художника. Этот год его работы с Муссиаком, Михоэлсом и Зускиным навсегда запомнился художнику как один из самых интересных в его творческой жизни.

Осенью 1966 года в Москве состоялась групповая выставка пяти московских художников – А. Лабаса, М. Аксельрода, М. Горшмана, А. Тенеты и А. Шульца. Представленные на выставке живопись и акварели Лабаса вновь подтвердили

высочайший европейский уровень его таланта. Художественный критик Александр Каменский употребил по отношению к живописи Лабаса термин, на мой взгляд, очень удачный: созерцательное самозабвение.

На пристани. Одесса. 1936 год.

Действительно, созерцательность вместе с редкой наблюдательностью составляли одну из сильных сторон творческой личности Лабаса. А самозабвение – черта, присущая поэтам. Ее Александр Лабас пронес через всю свою жизнь. В его душе всегда жил натиск восторга, удивление перед видимым красочным миром – почти детское. Непосредственность лирического переживания была воспринята им с молодых лет от учителей бубнововалетца Аристарха Лентулова и сезанниста Петра Кончаловского. А уроки Лабас усваивал быстро, талантливо, прибавляя к ним свою душу, свое понимание. Ничто не может предать забвению имя подлинного большого художника, каким является Лабас. Ранний Лабас просто прекрасен – это отзыв о работах мастера, написанный Андреем Тарковским.

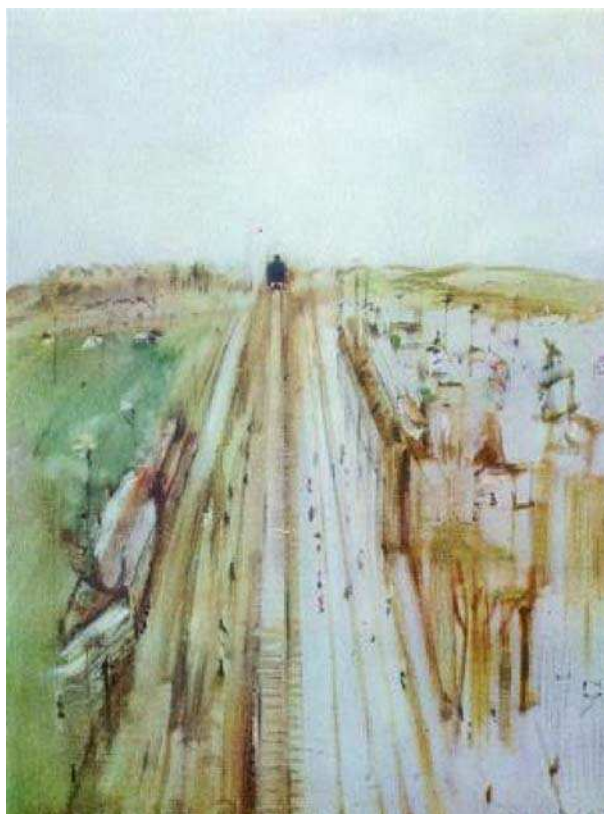
Когда в 1976 году была открыта персональная выставка Александра Лабаса в Москве, ее посещали больше тысячи зрителей в день. Люди шли на выставку как на праздник живописи, и автор их не обманул. Оказалось, что многие знали его по картинам, которые по одной-две попадались на выставках. А теперь перед ними открывался целый мир, представал притягивающий глаз художник со своим голосом, языком. Открывался мир природы, почувствованный тонким мастером, природы нежной, таинственной, полной поэзии. Было ясно, что так почувствовать и передать, воплотить в картине состояние времени года, местности, пейзажа способен только он, Александр Лабас, зоркое око и отзывчивое сердце которого полно чуткости.

«Вы мыслите цветом, а не закрашиваете пространство между контурами, как это подчас водится у нас, Вы умеете делать все. Сказка, быт, портрет, движение, восторг, боль, проникновение через видимое в мир невидимого, скрытого от беглого взгляда – все Вам подвластно. За Вашими работами стоит богатый и сложный душевный мир современника. Взгляд ребенка и мудреца – это взгляд истинного художника. Надо обладать большой нравственной силой, чтобы сохранить этот взгляд, чтобы не расплескать ничего из богатств природы, заложенных природой.

Движение мира изображать трудно, трудней, чем расположившийся для позирования мир натюрмортов и витрин. Ваш поезд летит на меня, раздвигая пространство. Самолет Ваш режет воздух, оставляя в нем ледяную струю. Миновала опасность воздушной тревоги, и дома как бы очнулись, глядят из-под опущенных век-оков в полутьму... Ваша поэтика динамична. Это передано естественно и убедительно. У

Вас очень живо передан мир городских окраин, машины, асфальт, дома. Ваша фантазия ненасытна. Она диктует вам цвета и сочетания. Долгие годы Ваше искусство было в полутьме запасников, для него не хватало стен. Но Вас нынче приветствуют и чествуют. Вам воздается по заслугам. Я думаю: «Сколько же надо было иметь терпения, любви к искусству, веры в людей, жизнестойкости, чтобы работать и не сдаваться!»». Такое письмо получил художник Лабас от поэта Льва Озерова. В нем выражено главное. Сказано о самом существенном.

Общаясь с Александром Аркадьевичем, я часто думал о его мужестве и вере в себя, в свое призвание. Слава Б-гу, что его не взяли в 37-м, тогда он работал для павильона Всемирной выставки в Париже над панно «Советская авиация». Его не взяли на фронт по состоянию здоровью и он имел бронь, потому что работал над диорамами для Главного павильона ВДНХ.

Поезд.

Лабас любил общение, его высказывания я никогда не записывал, память сохраняла кое-что. Однажды в журнале «Дружба народов» я написал об акварелях Александра Лабаса, кто-то сказал ему об этом, он немедленно позвонил, пригласил меня в гости, был очень тронут, благодарил. Тогда же он говорил о том, что талантливых художников очень мало, а бездарных – сколько угодно, и они очень радуются, когда им удастся схватить за горло людей одаренных, помешать им, попортить нервы. «Чтобы выдержать это, нужно иметь волю и силы. Не идти ни на какие компромиссы, не уступать. Каким-то чудом мне удавалось делать свое дело...» Так говорил Александр Аркадьевич в тот раз, то был, кажется, 1983-й – последний год его жизни. Помнится, он добавил еще, что от бездарей ничего не останется, а от настоящего искусства людям будет прибыток. «От меня останется молодым многое, пойдет на пользу молодым, одно только плохо, что мне за восемьдесят, а условия для работы остаются все такими же трудными даже для молодого начинающего художника, а за плечами столько всего переделанного...»

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН: РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

יְגִלְעֵל פֶּן הָאָמֶלֶן

יְאֵרֶי א' 103 – 111.

VIII

Примерно в то же время в Гамбурге случилось ужасное событие.

В Альтоне жил некий Авроом Мец, жена которого приходилась мне родственницей. Ее звали Сара, она была дочерью Элиаса Коэна. До переезда в Гамбург Мец жил в Герфорде, там и женился на дочери Лоеба Герфорда. Спустя два года после женитьбы супруга его умерла, он переехал в Гамбург и женился на вышеупомянутой Саре.

У Меца был порядочный капиталец – около 3 000 рейхсталеров, если не больше. Но, будучи чужим в Гамбурге и не зная, как там принято вести дела, он все время терпел неудачи и через несколько лет почти разорился. Тогда он переехал в Альтону и стал менялой.

Прошло три года. Про Меца много сплетничали. Некоторые говорили о нем очень дурно – пусть Г-сподь Б-г воздаст за его кровь, а я ради невинного мученика не хочу даже повторять такие вещи. Но, увы, язык наш часто говорит то, чего глаза никогда не видели. Такова человеческая натура!

Однажды утром жена Меца приезжает в Гамбург и начинает ходить из дома в дом, спрашивая, не ночевал ли там ее муж. Но сколько она ни искала его, он как в воду канул. Женщина была в отчаянье. Многие, сказала она, имели на него зуб, и он, видно, счел за лучшее бежать.

Более трех лет наша Сара прожила как вдова, а дети ее – без отцовского пригляда. Между тем люди толковали о ее муже вкривь и вкось.

В то время в Гамбурге жил некий Аарон бен Мойше, тоже меняла, честный человек и отнюдь не богатый, однако обеспечивавший жене и детям приличный уровень жизни.

Менялам приходится день-деньской бегать по городу в поисках клиентов, но к дневной молитве они обычно возвращаются домой или идут в синагогу. Бывает, что они изучают Талмуд в своей «хевре» (община, общество. – Прим. ред.), а оттуда уже идут домой.

Однажды жена реб Аарона до самых сумерек ждала возвращения мужа, чтобы вместе поужинать. Но он все не шел! Тут она побежала разыскивать его по знакомым и друзьям, но его нигде не было. Аарон пропал.

На следующий день об этом только и говорили. Один утверждал, что видел его здесь, другой – что там...

Наступил полдень. Люди собрались у здания биржи и только об этом и толковали. Шмуэл, сын Меира Гекшера, рассказал: «Вчера ко мне приходила женщина и спрашивала, есть ли у меня деньги. Нужно было 600 – 700 талеров – дома у нее, как сказала она, сидел иностранец, который хотел продать золото и драгоценности. Но у меня таких денег не оказалось, поэтому я и не пошел с ней все это смотреть».

Когда он рассказал эту историю, некий Липман, стоявший рядом, спросил, что это была за женщина и как она была одета. Шмуэл Гекшер сообщил то, что запомнил, и тогда реб Липман сказал: «Я знаю эту женщину, знаю, где она работает, и о ее хозяине ничего хорошего сказать не могу».

Посудили – порядили, да и разошлись по домам.

Реб Липман, придя домой, посоветовался с женой: «Скажи мне, что ты думаешь об этой истории: девушка, которая работает служанкой у сына хозяина таверны для моряков, приходила к Шмуэлу Гекшеру и предлагала ему, если у него найдется 600 – 700 талеров, пойти с ней к ее хозяину. Боюсь, что пропавший Аарон бен Мойше польстился на заработок, и это стоило ему жизни».

Жена его, шлепнув себя по лбу, сказала: «Ой, грех-то какой! Теперь вспоминаю, что однажды эта девушка приходила и ко мне и убеждала пойти с ней. Ты ведь знаешь, сын хозяина таверны нехороший человек. Должно быть, они убили Аарона!»

Жена реб Липмана была женщиной энергичной и поклялась, что не успокоится, пока не распутает эту загадочную историю. Но муж сказал ей: «Глупая, даже если это правда, что можно сделать? Это Гамбург: смотри, ни словом не обмолвись о своих подозрениях».

Прошло несколько дней. Городской совет все же был вынужден послать глашатая с барабаном, который кричал: «Если кто-то знает что-нибудь о пропавшем еврее, жив он или мертв, пусть сообщит властям, что ему известно, и получит за это сто дукатов в награду. Имя же его не будет оглашено».

Никто, однако, ничего не сообщил.

Время шло, и дело было почти забыто, — так всегда бывает на белом свете. Любое важное происшествие, если оно ничем не заканчивается, вскоре забывается. Не утихла лишь боль соломенной вдовы и детей, лишившихся отца.

Гамбург.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

IX

Однажды утром в Шабос жена реб Липмана сказала, что сон к ней нейдет. Так же случилось однажды и с королем Испании, который спросил ученого еврея, что значат следующие еврейские слова: «ине ло ёнум ве ло ишон шоймер Исроэл»? Еврейский ученый перевел ему эти слова следующим образом: «Тот, кто печется об Израиле, не задремлет, не заснет». Но король сказал: «Нет, тут другое значение! Мне кажется, это означает: “Б-г, хранитель Израиля, никому не позволяет ни дремать, ни спать”. Ибо если бы я сегодня спал как обычно, то клевета, обрушившаяся на евреев, привела бы их к гибели. Однако Б-г, который хранит их, не позволил мне спать: я встал и увидел, как в дом еврея подбросили убитого ребенка. Если бы я собственными глазами не видел этого, все евреи заплатились бы жизнью».

Вот и жена реб Липмана лишилась сна. Она вставала рано утром и сидела у окна, а жила она на верхнем этаже дома на Альтер Штайнвег, на дороге, ведущей в Альтону, и все, кто ехал в Альтону или из нее, проезжали мимо этого дома.

В пятницу бедная женщина вообще не сомкнула глаз, и все в доме на нее сердились. Муж стонал: «Что это за жизнь! Она доведет себя до сумасшествия!» Но жена отвечала: «Пока за преступление не воздано, я не успокоюсь, потому что сердце подсказывает мне, кто виновник».

Тем временем рассвело. Она подошла к окну, выглянула на улицу и увидела, что мимо проходят мужчина с женщиной и слуга несет за ними большой сундук.

Тут жена реб Липмана вскричала: «Б-же, помоги мне, и тогда я, наконец, обрету покой!» Схватив фартук и шаль, она побежала вниз, на улицу.

Муж спрыгнул с кровати и пытался удержать ее. Куда там! Она вырвалась и побежала вслед за этими людьми.

Они направились в Альтону, а сундук оставили на берегу Эльбы. Ривка – так звали жену реб Липмана – была убеждена, что в сундуке труп их жертвы.

Она бросилась к жителям Альтоны и просила их ради всего святого помочь ей, так как она убеждена, что нашла убийц. Но никто не хотел ее слушать. Легко взяться за дело, говорили они, но кто поручится, чем все это кончится? Однако все равно она продолжала плакать и кричать: «Отведите меня к президенту!»

В конце концов два домовладельца пошли вместе с ней к президенту и изложили ему суть дела. Выслушав их, президент сказал: «Берегитесь: ведь если вы не сумеете доказать свое обвинение, все ваше имущество будет конфисковано».

Но это не испугало фрау Ривку. Она сказала, что не только имущества, но и жизни не пожалеет, чтобы изобличить преступников. «Ради Б-га, — говорила она, — пошлите за этим человеком: пусть покажет, что у него в сундуке».

Президент отправил на берег Эльбы стражу. В эту время подозреваемые как раз садились на судно, направлявшееся в Гарбург – городок в часе пути от Альтоны. Стоило им высадиться в Гарбурге, как они были бы свободны, ибо Гарбург не находился под юрисдикцией гамбургских властей.

Однако стража успела схватить их обоих и сундук. Их доставили к президенту. В сундуке не оказалось ничего, кроме одежды, принадлежавшей этим людям.

Можете себе представить испуг бедных евреев! Подозреваемого допросили по всей строгости закона, но он ни в чем не признался. Напротив, он держался очень вызывающе и так угрожал евреям, что они дрожали от страха (этот человек происходил из знатной семьи). В конце концов евреи в страхе разбежались.

Но фрау Ривка не переставала говорить: «Люди добрые, прошу вас, не отчаивайтесь. Вот увидите, Г-сподь поможет нам разоблачить убийц!»

Когда она вне себя бежала по полям, отделяющим Альтону от Гамбурга, то столкнулась с девушкой, которая работала прислугой у того человека. Она хорошо знала

ее: это была та самая девушка, что приходила к евреям и предлагала тому, у кого есть 600 – 700 талеров, прийти к ее хозяину домой.

Фрау Ривка сказала ей: «Тебе и твоим хозяевам повезло, что мы встретились! Оба они сейчас заключены в тюрьму в Альтоне за совершенное ими преступление. Они во всем признались и не хватает только, чтобы призналась ты, а как только ты дашь показания, тебя и твоих хозяев посадят на корабль, который увезет вас в безопасное место. Все, чего хотят евреи от тебя, это увериться, что реб Аарон действительно мертв, чтобы его жена могла снова выйти замуж. Это все, чего хотят от тебя евреи».

В таком духе убеждала фрау Ривка эту служанку. Она была умная женщина с хорошо подвешенным языком, и слова ее внушили девушке доверие. В конце концов та рассказала, как встретила реб Аарона на бирже, а позднее приходила к реб Липману и другим евреям, но ни у кого не оказалось столько денег, только у реб Аарона на его несчастье был полный кошелек. Показав золотую цепочку, девушка рассказала ему, что некий офицер, находящийся в доме ее хозяина, желал бы продать золотые вещи и бриллианты. «Поэтому Аарон пошел со мной, – сказала она. – Там его уже ждал нож мясника. Хозяин повел его в свою комнату, где его и прикончили, а затем мы зарыли труп под порогом».

«Фрау Ривка, — добавила эта служанка, — я доверилась вам: ведь вы не употребите все сказанное мне во вред?» На что фрау Ривка отвечала: «Что ты, дурочка! Разве ты не знаешь, что я честная женщина? Я думаю только о безопасности твоих хозяев, чтобы они уехали из Альтоны свободными людьми. Тебе следует прийти и повторить нашим людям то же, что ты сказала мне, и все будет хорошо!»

Служанка отправилась с фрау Ривкой в дом президента. Тот выслушал девушку и, хотя она стала заикаться и уже пожалела, что открыла рот, самое главное стало известно – где была зарыта жертва.

Президент допросил убийцу, потом его жену, но оба отрицали совершенное преступление и твердили: «Служанка все наврала, она лжет, как последняя девка».

Тень сомнений опять легла на происшедшее, и президент сказал евреям: «Больше я ничем не могу вам помочь. Хорошенькое дело, если я подвергну этого человека пытке на основании слов его служанки, а он будет упорно отрицать свою причастность к исчезновению вашего собрата! Советую вам искать правосудия в Гамбурге и со всей возможной быстротой. Добейтесь от властей разрешения обыскать дом этого человека, и если труп будет найден, где указала служанка, остальное я беру на себя».

Парнасим бросились со всех ног в Гамбург и добились, чтобы им выделили двадцать солдат и чтобы те начали копать в месте, указанном служанкой. Они получили также разрешение на то, чтобы, если труп будет найден, переправить его в Альтону для погребения согласно иудейскому обряду. Однако их предупредили: «Смотрите, если трупа не окажется, с вами разделяются, со всеми вами. Вы прекрасно знаете, что собой представляет гамбургская чернь, мы не сможем ее удержать!»

Евреи и сами понимали всю опасность положения. Но фрау Ривка успевала повсюду, она подходила к каждому человеку и убежденно повторяла: «Держитесь, не бойтесь, я уверена, что тело найдут».

Были отобраны десять наиболее мужественных евреев и несколько матросов, известных своей честностью и храбростью, а также несколько наблюдателей. Во имя Б-жьего правосудия они пошли к дому убийцы, находившемуся недалеко от Альтен Шранген, возле дома тюремщика.

Между тем в городе поднялся шум. Огромная толпа подмастерьев и всякого сброда бурлила возле дома убийцы.

Они говорили себе: «Если евреи найдут труп, очень хорошо! Но если не найдут, мы с ними расправимся, так что от них останутся одни клочья!»

Г-сподь не допустил, чтобы продлилась наша мучительная неуверенность. Как только люди вошли в дом и стали копать у порога, то нашли, что искали. Это вызвало у них слезы и одновременно радость, что убийство раскрыто.

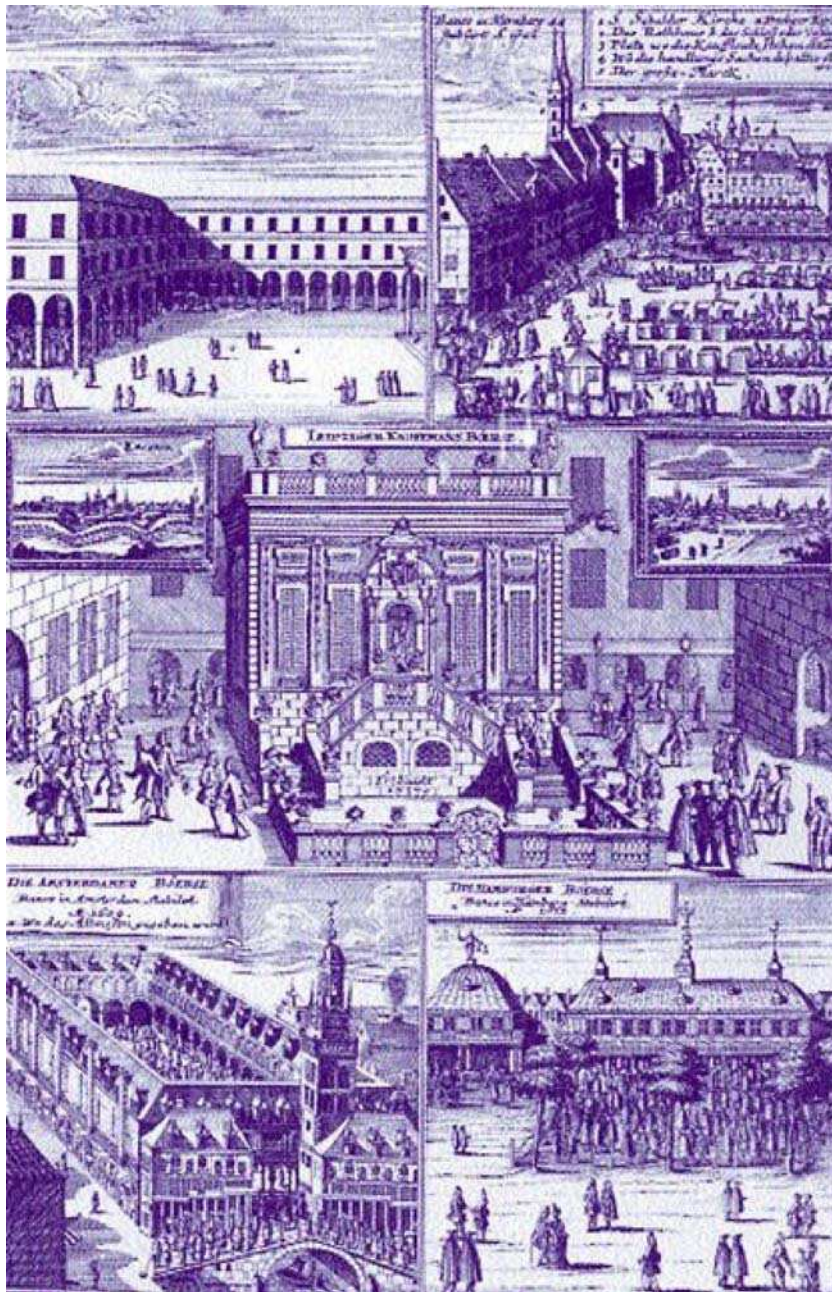
Они плакали, когда увидели труп молодого человека лет двадцати пяти, изувеченного и избитого, а радовались тому, что еврейская община спасена и правосудие свершится.

Немедленно призвали членов Городского совета, показали им труп и место, где, как и сказала служанка, он был зарыт. Их показания были заверены клятвенно, с приложением печати.

Тело положили на телегу и отвезли в Альтону. Целая толпа матросов и подмастерьев собралась посмотреть на печальный поезд, но ни одного дурного слова в адрес евреев не было сказано. Пусть это были недобрые люди, вечно старавшиеся даже в мирные времена нам навредить, сейчас они хранили молчание, и, поглазев, каждый возвращался к своей работе.

На следующий день наши парнасим взяли документ и отвезли его президенту Альтоны, в руках которого находился убийца и от которого зависело правосудие. Евреев устраивало, что суд состоится в Альтоне.

Президент снова приказал привести убийцу и сказал ему, что запереться нет смысла. Тут он во всем признался. Вдове убитого были вручены деньги, которые еще оставались у преступников, их же отправили в тюрьму дожидаться решения суда.

Банки и биржи в Венеции, Нюрнберге, Лейпциге, Амстердаме и Гамбурге.

Гравюра начала XVIII века.

X

Тем временем фрау Сара, жена пропавшего Авроома Меца, все еще считалась соломенной вдовой и не могла ничего узнать о местонахождении своего пропавшего мужа. Ей приходилось терпеть всякие сплетни, ходившие на этот счет.

Но когда убийство было раскрыто и имя убийцы было у всех на устах, вспомнили, что перед тем как поселиться в доме на улице Альтен Шранген, пропавший жил вместе с отцом в «Доме моряков» – лучшей таверне во всем Гамбурге. Она расположена у самой биржи, и еврейские, и христианские купцы, которым приходится много ходить пешком, заходят туда, чтобы подкрепиться и опрокинуть стаканчик.

Поэтому сын хозяина таверны был хорошо знаком евреям. Когда же оказалось, что он убийца, люди вспомнили, что муж фрау Сары был менялой, а люди его профессии были завсегдатаями таверны: там они рассчитывались со своими клиентами, получали или платили деньги, – этот дом считался вполне respectableм.

Фрау Саре было известно, что ее муж был хорошо знаком с сыном хозяина таверны. Она сказала своим друзьям: «Вам известно, что мой муж пропал несколько лет назад. Сейчас раскрыто это ужасное убийство. А муж тоже часто ходил в эту самую таверну. Я полагаю, сын хозяина прикончил и его. Помогите мне узнать правду».

Короче говоря, они отправились к президенту Альтоны и рассказали о своих подозрениях. Тот велел привести к себе убийцу и убеждал его по-хорошему и угрозами сказать правду, даже грозил пыткой на дыбе в надежде добиться признания. Этот человек не отрицал, что был знаком с Авроомом Мецом, но больше ни в чем не признавался.

Однако президент напирал на него, пока он не сознался, что когда еще жил в доме отца, в матросской таверне, то убил реб Авроома в маленькой сыроварне, а труп затолкал в глубокий колодец и засыпал его известью. Когда это стало известно, парнасим снова поспешили к властям Гамбурга и просили разрешения на обыск.

Снова евреи многим рисковали – даже больше, чем в первый раз! Трудно было себе представить, чтобы уважаемый дом оказался разбойничьим логовом! Если бы труп не был найден, евреям пришлось бы несладко!

Но Г-сподь был с нами. Тело было найдено, на нем еще сохранились остатки арба канфос (маленький талес. – Прим. ред.) и сорочки с серебряными пуговицами.

Наша община была в глубоком горе. Казалось, обе жертвы лишились жизни в один и тот же день.

Друзья моей родственницы Сары тщательно осмотрели тело второй жертвы перед тем как его похоронить. Фрау Сара сообщила им о различных отметинах на теле, по которым можно было опознать останки ее исчезнувшего мужа и признать, что она действительно вдова. Они нашли эти отметины, и по закону она получила право снова выйти замуж.

Убийцу приговорили к колесованию, труп же его было решено посадить на кол в назидание другим. Жену его и служанку освободили, ограничившись тем, что выслали их из страны. В день казни в Гамбурге произошли такие беспорядки, каких здесь не знали лет сто. Евреям угрожала смертельная опасность, ибо все их возненавидели.

Но Г-сподь, наш Пастырь, хранил нас, ибо сказано: «Не покину их, когда они будут в стане врагов. И тогда, когда они будут в земле врагов их, Я не презрю их и не возгнушаюсь ими». Если бы только мы, бедные грешники, поразмыслили над тем, какие великие чудеса творит для нас Г-сподь Б-г!

Итак, для евреев все окончилось хорошо!

Страницы из Сидура с различными благословениями.

Германия XVIII век.

XI

Теперь я вернусь к своей истории, от которой немного отвлеклась.

Семь невест предлагалось моему сыну Йосефу, но ни одна не была угодна Господу, кроме дочери Меира Штадтгагена, жившего в Копенгагене. Мы благословили этот брак и отпраздновали помолвку в Гамбурге. Свадьбу решено было сыграть годом позже.

Когда приблизилось время свадьбы, которая должна была состояться в Копенгагене, я собралась ехать туда с сыном Натаном.

Натан в то время вел большие дела с богачом Самуилом Опенгеймером из Вены и его сыном Мендлом. У него было векселей Опенгеймеров на 20 000 рейхсталеров, и срок их оплаты приближался. Но сын мой не получил ни денежного перевода в счет покрытия векселей без дефолта (не дожидаясь их опротестования, то есть объявления о прекращении по ним платежей), ни письма, которое объяснило бы причину промедления. Поэтому он не смог поехать в Копенгаген. Вместо этого ему приходилось ломать голову, как сохранить честное имя себе и партнерам.

Субботные подсвечники.

Германия. Конец XVII века.

Можете себе представить, как мы тревожились! Я отправилась в Копенгаген с сыном Йосефом в самом тревожном состоянии духа. Ведь я не знала, как обстояли дела у венских богачей.

Мы выехали из Гамбурга с женихом и с Мойше, сыном Меира Штаттгагена и зятем Хаима Клеве, и благополучно прибыли в Копенгаген.

Там я рассчитывала найти письмо от Натана в надежде, что он уже получил денежный перевод от богатых венцев. И действительно, он написал мне (он всегда был добрым сыном), что, хотя никаких известий из Вены не поступило, пусть я не тревожусь из-за этого и радуюсь свадьбе.

На сердце у меня было беспокойно, но я положились на Г-спода и постаралась отвлечься от забот. Состоялся обмен подарками и приданым. На следующей неделе должна была состояться и свадьба. С каждой почтой я ожидала хороших вестей от Натана. Хвала Г-споду, они пришли накануне свадьбы. Натан сообщил, что Мендл Опенгеймер прислал ему денежный перевод и неустойку в несколько тысяч рейхсталеров, извиняясь за задержку, объяснявшуюся тем, что его долго не было в Вене. Поэтому мы отпраздновали свадьбу с легким сердцем, в самом радостном настроении.

После свадьбы я заторопилась домой, но у меня не было других сопровождающих, кроме Мойше, сына Меира Штаттгагена, он же не торопился расставаться со своими родными, поэтому против воли я задержалась в Копенгагене еще на две недели. Несмотря на все оказываемые мне почести я жаждала быть дома со своими младшими детьми. Наконец, я так пристала к Мойше Штаттгагену, что он согласился распрощаться с родными и тронуться в путь. Мы выехали и, хвала Г-споду, прибыли в Гамбург благополучно и в полном здравии. Тут я принялась за проверку счетов на те товары, которые оставила в руках моего сына Лоеба. Он во всем отчитался сполна, так что я была довольна.

Украшение для Омуда, возвышения для ведущего молитвы.

Германия. XVIII век.

ГЛАВЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Yi oi à Bdi

Эмуна Ярон – старшая дочь знаменитого израильского писателя Шмуэля-Йосефа Агнона – родилась в 1921 году. Живет в Иерусалиме.

Делом ее жизни стали редактирование и издание трудов отца.

Начиная с 1961 года, она опубликовала и несколько собственных рассказов, воспоминаний о семье.

Ш.-Й. Агنون

«I iia iai ai ei i ai i uo e rae ai ei a E ad i ae i a A i ai eu o te o i ai a ad ae te i ai ei a I ae ai o ei u i te ai ee i m ai i i çai a o i u».

Однажды ночью, когда мы еще жили в Бад-Гомбурге в Германии, наш дом и все, что было в нем, сгорели. Мои родители, которые жили в Палестине еще до первой мировой войны (хотя тогда и не были знакомы), намеревались вернуться туда, поэтому увидели в пожаре знак свыше. Первым в начале 5685 года^[1] уехал отец, а спустя год к нему присоединились мы с мамой; мне тогда было четыре года, а Хэмдату^[2] – три.

1

К побережью у Яффо корабль подошел под вечер. Еще издали я первая увидела отца, стоявшего на берегу. Его лицо, обращенное к нам, было радостным. Я узнала его по фотографии, которая висела над моей кроватью.

Из того, что было потом, я помню

только, что сидела рядом с ним в такси, которое везло нас домой, в Иерусалим. Что было, когда мы приехали в Иерусалим? Наверное, я уже спала.

Однажды, когда мы пришли из детского сада, я увидела отца, идущего через гостиную в нашу комнату. Он смотрел на меня и улыбался, а в руках держал мою куклу – прибыл наш багаж из Германии.

2

Детский сад был возле нашего дома, лишь узкий проход разделял дом и длинное здание, в котором располагался сад. В него мы ходили два года. Я все еще могу назвать почти всех детей на двух выпускных фотографиях, что у меня сохранились. Я помню и их имена. Часть из этих ребят я потом встречала, о других что-то слышала, а некоторых потеряла из виду. На месте детского сада сейчас стоит другое здание. Когда-то в нем размещался кинотеатр «Орион».

Мама рассказывала, что у нас не было проблем с адаптацией и через полгода мы уже разговаривали только на иврите.

Не помню, кто отводил нас в сад по утрам, но помнится, что однажды это был смуглый полноватый юноша по имени Моше. Я ужасно гордилась и своим сопровождающим и вообще тем, что меня сопровождают. Моше был сыном Авраама-гера^[31], который приехал в Палестину из Йемена. Авраам имел обыкновение приходить к нам в дом вместе с сыном. Мы иногда встречали их в городе едущими вдвоем на ослике. Много лет назад я прочитала в одной из газет заметку об Аврааме. Там рассказывалось, что он вернулся на родину, поскольку не прижился среди евреев в Иерусалиме. Заметка начиналась с описания того, как Авраам, одинокий и печальный, сидит в своей комнате в Старом городе и тоскливо смотрит в окно. Продолжение рассказа я забыла. У нас в доме Авраама принимали приветливо, и я полагаю, что отец был не единственным, кто сблизился с ним.

Из того времени я также помню фотографа Клауса и его жену. Они приехали из Германии и жили в квартале Абу-Тор. Клаус часто снимал моего отца. Хэмдата и меня он тоже фотографировал, и многие из фотографий хранятся у меня.

Гершом Шолем, крупнейший израильский исследователь Каббалы и еврейской мистики, президент Академии наук Израиля, рассказывал мне, что после возвращения Клауса в Германию здесь стали подозревать, что он приезжал в Палестину шпионить.

Вернувшись в Палестину, отец писал маме о враче-еврее из Ирана: «Я познакомился с доктором Мусой, иранским евреем, человеком красивым и достойным <...>, я слышал, что он склонен к мессианству. Мы беседовали с ним об особенностях веры».

По прошествии полугода отец писал еще:

«А оттуда я пошел к Стене совершить полночную молитву. По дороге я встретился с доктором Мусой, врачом, евреем из Ирана, который лечит, не беря за это платы, поэтому он удручающе беден. Это красивый человек с приятным голосом. Говорят, что он считает себя Мошиахом».

Много необыкновенных людей было в Иерусалиме. В небольшой тогда еврейской общине Палестины они были особенно заметны.

3

В Иерусалиме мы жили в двух-этажном доме, окруженном кипарисами. Дом принадлежал рабби Магору и стоял на широкой пыльной дороге неподалеку от улицы Бен-Егуда. Сегодня это улица Шамай. Наша квартира располагалась на втором этаже, и в нее вела лестница, построенная снаружи здания. Так строили большинство домов в Иерусалиме. Подобные здания сохранились до настоящего времени в квартале Меа Шеарим.

Ступеньки вели на лоджию, проходившую по всей ширине квартиры. С лоджии можно было попасть в просторный зал, к которому примыкали две комнаты. С той же лоджии можно было подняться в кабинет отца. Там он работал, и там же размещалась его библиотека. До нашего приезда он и жил в этой комнате. Когда отцу не удалось найти подходящую тихую комнату, его друзья попросили Моше Грингута (сына доктора Элиэзера Грингута), чтобы он сдал отцу комнату в своем доме.

Из письма отца маме: «И вот они обустроивают для меня маленькую мансарду и стремятся сделать ее красивой». Мансарду привели в надлежащий вид, но в силу того, что она располагалась сразу под крытой жестью крыши, с наступлением жарких дней находиться в ней стало тяжело. Поэтому отец был вынужден подыскать себе новую комнату. Новое жилье отца было в доме Усышкина^[4] на улице Сент-Поль. Сегодня она называется улицей Колен Израилевых.

Тем временем семья Грингут оставила Иерусалим и переехала в Рховот, и когда к нашему приезду отец искал жилье, он снял пустовавшую квартиру Грингутов. Тогда было принято снимать квартиру на год. Договоры о найме обычно заключали в месяце мухаррам – одном из месяцев исламского календаря, – поэтому период найма обычно назывался «мухаррам». Вероятно, этот обычай остался со времен османского правления. Тогда люди не были обременены имуществом – у нас не было ни газовых плит, ни электрических холодильников, ни стиральных машин. Нам было достаточно одной керосиновой лампы и двух примусов: на одном мы готовили еду, а на другом кипятили воду для стирки. Ящиков со льдом еще не было. Хлеб и остальные продукты покупали каждый день, а сливочное масло, которое продавалось на вес, хранили в специальной глиняной миске. Ее ставили в другую глиняную миску, большего размера, с водой, которая и охлаждала миску с маслом. Так оно оставалось в целостности и сохранности.

4

Однажды в канун Субботы наша экономка накрыла стол на веранде, и мы сидели, ждали отца, который должен был вернуться из Тель-Авива. Наступил вечер, а отца все не было. Мы подумали, что он остался на Субботу в Тель-Авиве. Известить нас он никак не мог, поскольку во всем Иерусалиме тогда было только три телефонные

аппарата (из них один – у британского верховного комиссара). Мы уселись за Субботнюю трапезу без отца, и вдруг он появился, весь сияющий. Он рассказал нам, что, когда подошло время наступления Субботы, он вышел из автомобиля, который вез его из Тель-Авива, и пошел пешком. Вдруг он увидел несколько молодых арабов, направлявшихся к нему. Тогда отец повернул в их сторону свою сумку, на которой была блестящая металлическая застежка. Сверкание застежки арабы приняли за блеск пистолета, испугались и убежали.

В ту Субботу мама была не с нами. Она поехала отдохнуть в Эйн-Керем. Эйн-Керем был весь заселен арабами, и только кое-где то там, то здесь располагались христианские монастыри и церкви. Мама остановилась в одном из женских монастырей, маленькие домики послушниц которого размещались на склоне горы. В один из дней отец повез нас навестить ее. Мы добрались до источника, который еще не был обложен камнем и струил свои воды, как в начале времен. Когда мы отправились в обратный путь, мама пошла проводить нас до источника. В этот момент к нему подошла группа арабских женщин, пришедших наполнить свои кувшины. Арабки несли большие кувшины на головах.

Мы напрасно прождали автобус – он не пришел. Делать было нечего, мы вернулись с мамой в ее жилище, и хозяйка домика постелила нам на полу. Я долго не могла забыть свои впечатления от вида арабских женщин с кувшинами на головах, а также ту ночевку на полу.

Í áðááá è í ðèì á:áí èý

À. Êðèíáá

Á í ó í ð ì è á í è è è ì ì í è ù í á á í ù

ð è ì ì è è Ñ. Ðá ñ è è í á

^[1] *Í ñ á í ù 1924 á á á á*

^[2] *Á ð á ò Ý í ó í ù.*

^[3] *Á á ð - í í á í á ð á ù á í í ù é á è ó á á è ç í.*

^[4] *Ì á í á á á Ì Ó ñ ù è è è í - á è á í ù é ñ è í í è ñ ò ñ è è á á ÿ ò á á ù í á: á è á XX á á è á*

ТЕИЛА

Øì øÿü-Èññó Àã ñí

Была в Иерусалиме старушка. Чудесная старушка, никогда такой не видел. Умная, справедливая, скромная удивительно, симпатичная необыкновенно. Глаза внимательно светятся, а морщинки на лице такие мирные, светлые. Если бы женщины могли походить на ангелов, я сравнил бы ее с ангелом Б-жым. И еще – у нее была девичья живость. Не носи она старушечьи платья, вы бы в ней не увидели старости.

Пока я не уезжал из Иерусалима, я не знал ее. Вернувшись снова в Иерусалим, я с ней познакомился. Как же я не знал ее раньше? А как вы не знаете ее сейчас? Просто каждому на роду написано познакомиться с тем, кого он встречает, и в каком месте, и в какое время, и при каких обстоятельствах. При каких обстоятельствах я с ней познакомился? Было так. Пошел я навестить одного иерусалимского ученого мужа, который живет у Западной Стены, и не нашел его дом. Встретил женщину с ведром в руке и спросил. Она сказала: «Пойдемте, покажу». Я сказал: «Стоит ли мне затруднять вас? Видно, лучше вернуться обратно». Она улыбнулась и сказала: «Вам жалко, если старуха сделает мицву^Ш». Я сказал: «Если это мицва, – пожалуйста, только дайте мне ваше ведро». Она улыбнулась и сказала: «Вы хотите умалить мою мицву». Я сказал: «Я хочу умалить не мицву, а беспокойство». Она сказала: «Это не беспокойство, это дар Всевышнего, когда Он дает нам силы самим нести свою ношу».

Мы прыгали с камня на камень в извилистых переулках, сторонясь верблюдов, ослов, водоносов, бездельников и любителей новостей. Наконец, остановилась моя провожатая и сказала: «Вот дом, который вы ищете». Я сказал ей «шалом» и вошел.

Я нашел его дома. Он сидел у стола. Не знаю, вспомнил он меня или нет, как раз перед моим приходом он сделал великое открытие. Поэтому, увидев меня, он рассказал мне о нем. Потом рассказал еще раз. Когда я собрался уходить, я хотел спросить его о старушке, показавшей мне дорогу. У нее было такое мирное лицо и такой приятный голос. Но разве можно отвлечь ученого мужа, увлеченного наукой!

Через несколько дней я снова шел в город к одной старушке, вдове раввина, сыну сына которой я перед возвращением в Иерусалим обещал навестить ее.

В этот день начались зимние дожди, и солнце сжалось за облаками. Такой день за границей считается осенним, но жители Иерусалима, которые семь месяцев в году нежатся на солнце, каждый день, когда солнце не палит вовсю, считают зимой. В такой день все прячутся в домах или во дворах – везде, где только есть крыша.

Я разгуливал взад и вперед, вдыхая свежесть дождей, моросивших в цветном тумане, с шумом несшихся по камням, стучавших о стены домов, плясавших на крышах и нисходивших капелью, образуя множество луж, то мутных, то кристальных, сверкающих в лучах солнца, которое выходило справиться из облаков – не убывают ли воды. В Иерусалиме солнце даже в дождливый день не забывает о своем долге.

Я прошел под сводами лавок ювелиров и продавцов ароматов, мимо сапожников и ткачей одеял, мимо варящих пищу и попал на еврейскую улицу. Окутанные тряпками и остатками тряпок сидели нищие, которые ленились даже руку высунуть из-под лохмотьев, и с гневом смотрели вслед проходившим, не протянувшим руку к карманам. У меня было немного мелочи. Я шел от одного к другому и раздавал всем. Затем я спросил, где дом вдовы раввина, и мне его показали.

Я вошел во двор, в один из тех дворов, при виде которых у вас возникает сомнение, живет ли здесь кто-нибудь вообще, поднялся на шесть или семь ступенек по разбитой лестнице и очутился у покосившейся двери. Снаружи я увидел кошку, а внутри – кучу отбросов. Из-за холода не было видно ни души, и только сердитый, мрачный голос спросил: «Кто здесь?» Я поднял глаза и увидел нечто вроде железной кровати, на которой горой громоздились подушки и одеяла. Под горой лежала испуганная и рассерженная старушка.

Я сказал «шалом» и сообщил, что приехал из-за границы и пришел передать привет от сына ее сына. Она под подушкой просунула руку, подтянула одеяло под самую шею и спросила, сколько домов у ее внука, есть ли служанка, в каждой ли комнате ковер. Затем она вздохнула и сказала, что этот холод сживет ее со света. Увидев, как ей докучает холод, я решил, что керосиновая печь должна облегчить ее страдания. Я напряг все свои дипломатические способности и сказал, что ее внук дал мне деньги, чтобы купить ей печку, переносную печку, в которую наливают керосин и зажигают фитиль, и она горит и распространяет тепло. Я вытащил кошелек и сказал ей: «Вот деньги». Она также дипломатично ответила: «Как я могу купить печку, разве у меня есть ноги? Ледышки у меня, а не ноги. Пока этот холод сведет меня на Ар а-зейсим^[2], я раньше сойду с ума. А там, за границей, говорят, что Израиль – теплая страна. Теплая она для грешников в аду». Я сказал ей: «Завтра выглянет солнце и больше не будет холодно». Она сказала: «Пока утешение придет, душа изойдет». Я сказал: «Через два часа я пришлю вам печку». Она

сжалась среди подушек и одеял, показывая этим мнимому добродетелю, что нечего на него полагаться.

Я попрощался, вышел на улицу Яффо, купил самую лучшую переносную печь и послал ее старой раввинше. Через час я вновь зашел к ней: вдруг она не знакома с переносными печами и нужно научить ее искусству зажигать их.

По дороге я подумал, что, пожалуй, не услышу из ее уст слова благодарности. Есть разные старушки. Та, что привела меня к дому ученого мужа, была мила и приятна, эта же, которой я послал печку, в тягость даже тем, кто желает ей добра.

Тут я должен оговориться. Я совсем не хотел похвалить одну за счет недостатков другой. И тем более не собирался описывать город и его население. Человеческий глаз ограничен, он не в состоянии вместить город Всевышнего, благословенно Имя Его. А если это так, так почему я вспомнил раввиншу? Потому что у входа в ее дом я вновь встретился с той старушкой.

Я посторонился, освобождая дорогу. Она остановилась и спросила о моем здоровье, как спрашивают у близких. Я немало удивился. Не из тех ли она старушек, которых я знал в Иерусалиме до отъезда? Но почти все они умерли, угасли от голода в дни войны, а если и осталась какая-нибудь, то ведь и я изменился. Из Иерусалима я уехал юношей, а теперь годы жизни на чужбине сделали меня стариком, – могла ли она узнать меня?

Она заметила, что я удивлен, засмеялась и спросила: «Разве вы не узнаете меня? Это ведь вы хотели нести мое ведро, когда я вам показала дорогу». Я сказал: «Это вы показали мне дорогу, а я стою и удивляюсь, будто не знаю вас». Она засмеялась и сказала: «Разве вы должны знать всех старушек в Иерусалиме?» Я сказал: «А как вы узнали меня?» Она ответила: «Такой уж город Иерусалим, глаза его ждут прихода детей Израиля, и каждый, кто приходит сюда, остается в нашем сердце, и мы не забываем его». Я сказал ей: «Холодный сегодня день – дождь и ветер, а я стою и задерживаю вас». Она ласково сказала: «Я знала холода сильнее иерусалимского. А что дождь и ветер, – разве мы не молимся Приносящему дождь и ветер¹³? Ты сделал великую мицву, ты оживил старые кости. Печка, которую ты прислал раввинше, согрела ей душу». Я опустил голову, пристыженный похвалой. Она почувствовала и сказала: «Мицвы даны не для того, чтобы их стыдиться. Наши предки совершали множество мицв и не разглашали своих дел. Но теперь у нас мицв немного, и сделать мицву известной – тоже мицва. Пусть и другие услышат и учатся нашим делам. Иди теперь, сыночек, к раввинше, посмотри, как мицва может согреть».

Я вошел к раввинше и нашел ее сидящей у затопленной печки.

Капли света вытекают из дырочек печки, и весь дом наполнен теплом, и тощая кошка у нее на коленях, и она смотрит в печку и обращается к кошке: «Мне кажется, ты радуешься теплу больше, чем я». Я сказал: «Я вижу, что печка хорошо горит и греет. Довольны вы своей печкой?» Раввинша сказала: «Довольна? Разве оттого, что я скажу, она перестанет пахнуть или будет лучше греть? В моем доме была печка, так она горела с исхода Суккос и до Пейсаха, а грела, как солнце в середине лета. Все радовались этой печке, не то что сегодня, – эти печурки греют лишь минуту. Правда, что же требовать от теперешних изобретателей, разве могут они делать хорошие вещи? Хорошо еще, что они делают вид, что что-то делают. Я это сказала в нашем городе после смерти раввина, моего мужа (да почиет он в мире), когда в наш город пришел новый раввин. Я им сказала: “Вы

думаете, он будет таким, каким был ваш покойный раввин? Хорошо еще, если он не наделает бед”. И когда соседи пришли посмотреть печку, которую мне прислал мой внук из-за границы, я им тоже сказала: “Печка стоит нынешнего поколения, а поколение стоит этой печки”. Что пишет тебе мой внук? Ничего не пишет? Мне он тоже не пишет. Он считает, что раз прислал мне какую-то печку, то уже выполнил долг».

Расставшись с раввиншей, я сказал себе: я тоже думаю, что выполнил долг, послав ей какую-то печку, и больше не должен к ней ходить. Но в конце концов я снова пришел к ней по милости той же симпатичной старушки. Предначертанное нам число встреч, видимо, еще не исполнилось.

И снова я должен сказать, что не собираюсь описывать все, что случилось со мной в эти дни. Дела наши многочисленны, и если говорить обо всем, не хватит сил. Но о том, что касается старушки, стоит рассказать.

В канун рош ходеш^[4], как и все иерусалимцы, отправился к Западной Стене. Зима уже почти прошла, появились весенние побеги. Небо высилось во всей своей чистоте, земля уже сбросила с себя грустные покровы. Солнце играло в небе, и город плыл в его свете. И если бы не наши беды, было бы совсем весело. Ой, много бед и много горя было тогда, прямо одно за другим.

От Яффских ворот и до самой Стены идут и идут мужчины и женщины из всех общин, какие только есть в Иерусалиме. Идут олим хадашим, которых привел Всевышний на это место, а места они все еще не нашли.

Вдоль всей Стены в будках мандатной полиции расселась мандатная полиция, чтобы всем было видно, что только она охраняет молящихся. Видят это наши враги и украдкой выжидают. Кутаются в талесы молящиеся, втискиваются в камни Стены. Кто молится, а кто дивится: а Ты, Г-споди, доколе? Мы уже опустились до последней ступени, а Ты все не спешишь с Избавлением.

Я нашел себе место у Стены и стоял не то среди молящихся, не то среди дивящихся. Я удивлялся народам мира. Мало того что они угнетают нас во всех странах мира, они то же продолжают и здесь – в нашем же доме.

Пока я стоял и думал, меня согнал с места мандатный полисмен с дубинкой в руке. Что его так разгневало, что он так кипит? Одна болезненная старушка пришла сюда с табуретом. Вскочил полисмен, толкнул табурет, повалил старуху и отобрал у нее табурет. Она преступила закон, начертанный перстом мандата, – нельзя приносить стулья к стене. Все видели, все молчали. Разве добьешься правды у сильного?

Пришла моя знакомая старушка и посмотрела на него. Опустил полисмен глаза и возвратил табурет.

Я приблизился к ней и сказал: «Ваши глаза сильнее всех обещаний Англии. Англия дала нам декларацию Бальфура и посылает ее же отменяющие приказы, а вы только посмотрели на этого бандита и сразу же рассеяли все его злые помыслы». А она сказала: «Не говори так, он хороший гой, он увидел в глазах огорчение и возвратил бедняге табурет. Ты уже помолился? Почему я спрашиваю? Потому что если да, то я вместе с тобой исполню мицву посещения больных. Раввинша, чтобы она была здорова, заболела. Она сегодня очень больна. Если хочешь, я поведу тебя короткой дорогой». Я согласился и последовал за ней.

Мы кружим из переулка в переулок, из двора во двор. На каждом шагу она останавливается, чтобы дать кусок сахара ребенку, грош бедняку, спросить мужа о здоровье жены, жену о здоровье мужа. Я сказал ей: «Вы каждого спрашиваете о здоровье, позвольте же и вас спросить о том же». Она ответила: «Благословенно Имя Его, с Ним мне всего хватает. Всевышний всем людям дает все необходимое, и я в их числе. Я больше всего благодарна Ему, что сегодня Он удвоил мою долю». Я спросил ее: «Какую?» Она ответила: «Я всегда успеваю прочесть один “день” из Теилим¹⁵¹, а сегодня я успела два». И, сказав, погрузилась. Я сказал: «Ваша радость ушла». Она, помолчав, сказала: «Да, сыночек, я была рада, теперь нет». И, сказав это, повеселела. Подняла глаза и сказала: «Слава Б-гу, рассеялась грусть». Я сказал: «Отчего вы погрузились и снова повеселели?» Она ласково сказала: «Если не рассердишься, я скажу тебе, что не так ты должен был спросить: а “чем ты заслужила, что Г-сподь унял твою грусть”. Ведь для Него все равно, что радость, что грусть». Я сказал ей: «Может случиться, что я и рассержусь, что вы учите меня говорить. Ведь написано: “блажен, кто не забывает Тебя”». Она сказала: «Ты хороший и хорошо приводишь текст. И я все-таки расскажу тебе что-то хорошее. Ты спросил, почему я была весела, а потом печальна, а потом повеселела. Ты знаешь, наверное, что все дела человека предначертаны ему с рождения и до самой смерти, даже сколько раз он прочтет Книгу Псалмов. Бывает, что удается за день прочесть всю книгу, а бывает, что только “день”. Сегодня после мизморим я пошла дальше и прочла два “дня”. Потом я подумала и вдруг поняла: может быть, я больше не нужна на свете, и меня торопят завершить то, что я должна завершить? Приятно благодарить, а ведь когда я умру, я не смогу прочесть ни одного псалма, даже ни одной буквы. Увидел Всевышний мою печаль, и тронуло Его мое желание. А если хотел бы Он завершить мою жизнь, так что я такое, чтобы грустить? И Он сразу снял с меня всю мою грусть, благословенно Имя Его».

Я посмотрел на нее: какими же путями приходят к такому смирению? Я начал думать о молодости поколений, отличавшихся добрыми нравами. Я заговорил с ней об ушедших поколениях. Я сказал ей: «В ваших глазах я увидел больше, чем все сказанное мною сейчас». Она ответила: «Когда человеку дано прожить долгие дни и годы, ему многое случается видеть – и хорошее, и даже еще лучше хорошего». Я попросил ее: «Расскажите о хорошем». Она помолчала и сказала: «В детстве я была болтливым ребенком. С утра и до вечера рот у меня не закрывался. А у нас был сосед, старик. Как-то он сказал, насладившись моей болтовней: “Жалко девочку. Если она истощит весь свой запас слов в детстве, то что же она будет делать, когда станет старушкой?” Я испугалась, – не может ли так случиться, что завтра я онемею? Но со временем я поняла мысль старика: человек не должен торопиться делать то, на что ему предназначены долгие годы. И я приучила себя взвешивать каждое слово, нужно произнести его или нет. И так как я начала беречь слова, запас мой еще не истощился. А теперь, когда я еще сохранила его, ты хочешь, чтобы я так сразу его и потратила. Если я это сделаю, я сокращу свои дни». Я сказал: «Этого я совсем не просил. Что же это, мы идем-идем и все еще не пришли к дому раввинши». Сказала старушка: «Ты помнишь, наверное, город был раньше сплошным проходным двором. А теперь, когда его заселили арабы, мы должны обходить их, и дороги стали длиннее».

Мы вошли в один двор. Она сказала: «Видишь этот двор? Раньше здесь жили сорок еврейских семей, здесь были две синагоги, здесь молились и днем и ночью, учили Тору, и они покинули этот двор. Пришли арабы и поселились в нем». Мы подошли к кофейне. Она сказала: «Видишь этот дом? Здесь была большая ешива, здесь сидели и учили Тору, эту ешиву оставили. Пришли арабы и поселились здесь». Мы миновали стоянку ослов. «Видишь этих ослов? Здесь была столовая, и честные бедняки входили сюда голодными и выходили сытыми. И эту столовую тоже оставили. Пришли арабы и поселились в ней. Дома, в которых обитали молитва и Тора и человеческое добро, теперь

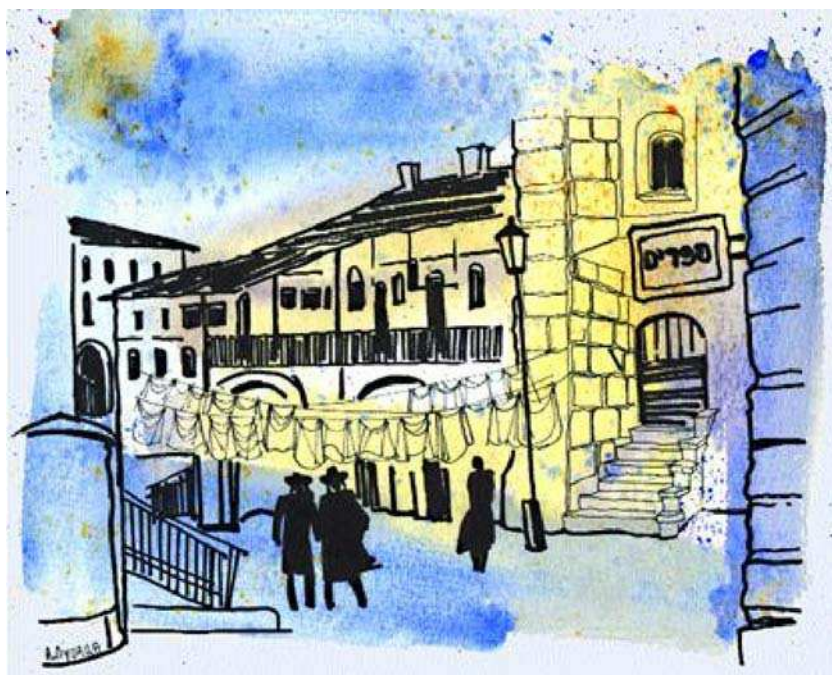
наполнились криком ослов и голосами арабов. Ну, а теперь, сыночек, мы пришли ко двору раввинши. Заходи, я тоже зайду вместе с тобой. Бедняжка, она видит мнимые сокровища где-то за морем, а подлинных совсем не видит». Я сказал: «Какие сокровища?» Она улыбнулась: «Спрашиваешь? Разве ты не читал: “Блажен, кого Ты избрал и приблизил, – он в Твоих дворах обитает”. Какие же дворы у Всевышнего? Дворы Иерусалима. Когда говорят “Иерусалим”, прибавляют “святой город”. Если я говорю “Иерусалим”, я не прибавляю ни слова. Святость Иерусалима в самом имени. Иди, иди, сыночек, и не споткнись на лестнице. Сколько раз я говорила со старостой ешивы, что лестницу надо починить. И что он ответил? Что двор все равно разваливается и что его все равно сломают, и что он не станет тратить на него ни гроша. Вот так и ветшают дома Израиля, а потом их оставляют, и приходят арабы и поселяются в них. Дома, которые отцы со слезами строили, покинуты их сыновьями. Но я снова начинаю болтать и укорачиваю свой век».

Придя к раввинше, я нашел ее лежащей в постели с закутанной головой, с платком на шее, и кашляла она так, что склянки с лекарствами, стоявшие возле постели, содрогались от этого кашля. Я спросил ее: «Вы больны?» Она застонала, и глаза ее наполнились слезами. Я хотел утешить ее и не нашел слов утешения, опустил глаза и сказал: «Больна и одинока». Она вновь застонала и сказала: «Больна, совсем больна. Во всем мире нет такой больной, как я. Но я, во всяком случае, не одинока. Даже здесь, в Иерусалиме, где меня совсем не знают, не знают, в каком почете я жила раньше, даже здесь нашлась женщина, которая заходит ко мне и приносит поесть горячее. Что слышно о сыне моего сына? Он, верно, сердит на меня, что я не написала ему ни слова благодарности за печку. Но скажите, разве я в силах идти покупать чернила и бумагу и писать письмо? Я с трудом подношу ложку супа ко рту. Странно, что эта Тили до сих пор не пришла». Я сказал: «Если вы имеете в виду ту симпатичную старушку, то она сказала, что скоро придет». Сказала раввинша: «Я не знаю, симпатичная она или нет, но что она делает, то правда, делает, посмотри, сколько праведниц в Иерусалиме целый день, как пчелы, жужжат псалмы и молитвы, а хоть бы одна пришла спросить: ребецн, может, вам что-нибудь нужно? Ой, голова, если сердечные боли не сведут меня с этого света, это сделают головные».

Я сказал: «Я вижу, вам тяжело говорить». Она сказала: «Тяжело! Я вся в тягость самой себе. Даже кошка почувствовала и ушла из дома. А говорят, что кошка привязана к дому. Наверно, соседские мыши вкуснее, чем то, что я ей давала. Что я хотела сказать? Все, что хочу сказать, забываю. Не то что Тили. Столько лет у нее за плечами, а голова до сих пор в порядке. Она же вдвое старше меня. Если бы жив был мой отец, праведной памяти, то он перед ней был бы ребенком». Я сказал: «Кто она такая, эта Тили?» Сказала раввинша: «Ты же о ней только что говорил. Теперь уже Тили никто не знает. А раньше все знали Тили, она ведь была необычайно богата. Когда она оставила все и приехала в Иерусалим, она привезла бочки с золотом. Если не бочки, то одну бочку, наверное, привезла. Мне рассказали соседки, которым рассказывали служанки, что когда Тили приехала в Иерусалим, все самые почтенные люди в городе ходили за ней по пятам. Кто для себя, а кто для сына. Но она всех отвергала и осталась вдовой. Сначала богатой вдовой, потом зажиточной и наконец просто старушкой».

Я сказал: «Посмотреть на Тили, можно подумать, что она прожила легкую жизнь». Посмеялась надо мной раввинша и сказала: «Легкую, говорите? Она вообще не видела ничего хорошего. Врагам своим я не пожелаю того, что было у Тили. Ты думаешь, наверно, что если она не нуждается в милостях ешивы, то жизнь ее – одно удовольствие. Я скажу тебе, что даже нищий, что по домам побирается, с ней бы не поменялся. Ой, боли, какие боли! Я их забываю, а они меня нет».

Я видел, что раввинша знает больше, чем говорит, но чувствуя, что если я спрошу ее, она ни за что не ответит, я встал со стула и собрался уходить. Она сказала: «Не успел трубочист залезть в трубу, а лицо уже в саже. Еще не посидел, а уже уходить собрался. Что ты спешишь?» Я сказал: «Если хотите, я посижу». Она промолчала.

Я завел разговор о Тили и сказал: «Расскажите мне что-нибудь о ней». Она ответила: «А кому от этого будет легче? Тебе или мне? Не люблю я, когда начинают истории рассказывать. Лепят паутинку к паутинке и говорят – дворец. Я скажу тебе только одно: сжалился Всевышний над тем цадиком и потому вселил нечистый дух в мешумедку^[6], будь она проклята. Что ты на меня смотришь? Не понимаешь идишь?» Я сказал, что идишь я понимаю, но не могу понять ее язык. Какой цадик, какую мешумедку она ругает? Сказала раввинша: «А что я хвалить ее должна, надо сказать: молодец, мешумедка, променяла золотой динар на медный грош? Снова уставился, будто я говорю по-турецки. Ты слышал, что мой муж, царство ему небесное, был раввин. Поэтому меня называют раввиншей. Но ты не слышал, что мой отец был тоже раввин, и такой раввин, что все раввины могли бы быть его учениками. Если я говорю раввин, я имею в виду настоящих раввинов, а не таких, что прикрываются плащом учености и только носят имя раввина. О, этот мир, эта ложь, все в нем суета и ложь. Но мой отец, царство ему небесное, был настоящий раввин, с самого детства. И потому все сваты, какие только были в стране, не могли подобрать ему невесту. Была одна богатая вдова. Если я говорю богатая, так она действительно была богатая. И у нее была единственная дочь, лучше бы ее не было. Взяла она бочку золота и сказала сватам: кто сосватает ему мою дочь, тот получит эту бочку, если мало – еще прибавлю. А дочь не была достойна этого цадика, потому что он был цадик, а она, чтоб душа ее вышла, была мешумедка, как это потом выяснилось, потому что она убежала и поступила в монастырь и перешла в их веру. И когда убежала? Когда вели ее к хупе^[7]. Мать ее потратила половину состояния, чтобы выволить ее оттуда. До самого царя дошла несчастная мать, но даже он не мог ничем ей помочь. Кто попадает в монастырь, больше оттуда не выходит. И ты знаешь, кто была эта мешумедка? Она дочь... Тсс, вот она идет».

Вошла Тили с кастрюлей в руках, увидела меня и сказала: «Ты здесь? Сиди, друг мой, сиди. Посетить больную – это великая мицва. Раввинша уже поправляется. Всевышний не заставляет Себя ждать. Каждый час что-нибудь становится лучше. Я

принесла тебе немного супа. Подними, дорогая, голову, я поправлю подушку. Вот так, дорогая. Жалко, сыночек, что не живешь в городе и не видишь, как раввинша поправляется, прямо с каждым часом».

Я сказал: «Разве я не живу в Иерусалиме? Разве Нахалат Шив'а – это не Иерусалим?» Тили сказала: «Б-же упаси, кто это может сказать? Наоборот, будет время, когда Иерусалим дойдет до самого Дамаска. Но так уж глаза привыкли – видеть Иерусалим только в пределах Стены, они не видят его в том, что строится за стенами. Страна Израиля вся священна, об окрестностях Иерусалима вообще говорить нечего, но внутри Стены – это святая святых. Я знаю, сыночек, ты все это знаешь не хуже меня, так зачем же я это все говорю? Просто хочу что-нибудь сказать в похвалу Иерусалиму».

Я почувствовал взгляд раввинши, понял, что ей неприятно, что Тили говорит со мной, а не с ней, попрощался и вышел.

Меня одолели заботы, и я не ходил больше в город. Потом заботы пришли вместе с туристами. Вы не знаете туристов. Они смеются над нами и над нашей страной, но когда она начинает распространяться по воле Всевышнего, у них появляется желание посмотреть. А уж если приезжают, то смотрят на нас так, будто мы специально родились, чтобы им услужить. Вообще туристы – это не плохо, потому что, показывая им, мы тоже что-нибудь видим. Раз или два я ходил показывать им Западную Стену и встретил Тили. Если я не ошибся, в ней появилось что-то новое. Всегда она ходила без палки, а теперь она шла и опиралась на палку. Из-за туристов я не смог остановиться и заговорить с ней. Они ведь приехали для того, чтобы увидеть страну, а не говорить со старушкой, которая не предусмотрена программой.

Когда туристы покинули Иерусалим, я не знал, что с собой делать. Хотел снова сесть за работу, но не стал работать. Взял и пошел в город и обошел все места, где я был с туристами. Посмотрел то, что видел, и то, что не видел. Возобновляющий каждый день Творение каждый час обновляет Свой город. Не то чтобы строили новые дома или сажали новые деревья, – сам Иерусалим каждый день обновляется. Каждый раз, когда я попадаю в город, я вижу его совершенно новым. Что в нем нового, я не могу сказать. Пусть попробуют великие толкователи объяснить.

Нашел меня тот ученый муж, затащил к себе и начал рассказывать про свои открытия. Сидели мы, сидели, я спрашиваю, он отвечает, я возражаю, и он возражает, я запутываю, он распутывает. Что может быть лучше и приятнее, чем сидеть в гостях у иерусалимского ученого мужа, углубляясь в Тору. Дом у него простой, и все в нем простое, и только мудрость в нем растет и растет, вроде тех оттенков цвета, которые можно видеть из окна в Иерусалимских горах. Скучные горы в Иерусалиме. Нет ни дворцов, ни парков. С тех пор как нас изгнали из нашей страны, один за другим приходили сюда народы и продолжали дело разрушения. Но горы стоят во всей своей красе, играют цветами радуги, а посередине – Ар а-зейсим. Правда, лес на ней не зеленеет, но зато там могилы праведников, жизнь и смерть которых изучают все жители этой страны.

Когда я собрался уходить, хозяйка подошла к хозяину дома и сказала: «Не забудь, что ты обещал Теиле». Он покачал головой и сказал: «Чудеса. Сколько я знаю Теилу, она никогда никого ни о чем не просила. А теперь она попросила меня передать, что хочет тебя видеть». Я сказал: «Ты имеешь в виду старушку, показавшую мне твой дом? Мне кажется, что ее зовут как-то иначе». Он ответил: «Теила^[81] – это полное имя от Тили. Ты можешь видеть на этом примере, что уже много поколений назад наши предки

давали своим дочерям имена, которые, казалось бы, выдуманы сегодня. Мою жену, – например, зовут Тхия^[9]. Ты думаешь, наверно, что это имя выдумано возродившимся поколением. На самом деле это имя придумал великий Арим^[10]. Он велел отцу бабушки моей жены назвать дочь Тхия, а по ее имени называли мою жену». Я сказал: «Ты говоришь о том, что было четыре-пять поколений назад. Разве она так стара?» Он улыбнулся и сказал: «На ее лице невозможно увидеть годы, а сама она о них не рассказывает, и если бы не случайное слово, мы бы совсем ничего не знали. Как-то Теила пришла к нам поздравить со свадьбой сына и пожелала ему и его жене дожить до ее лет. Сын спросил, как понять такое пожелание? Мне девяносто и одиннадцать лет, – сказала Теила. Это было три года назад. Значит, теперь ей сто четыре».

«Раз уж ты вспомнил о ней, скажи мне, кто она такая?» Он ответил: «Что я могу сказать? Праведница в полном смысле слова. И если у тебя есть желание, – зайди к ней. Но только я сомневаюсь, что ты ее застанешь. Она или навещает больных, или пошла, чтобы сделать еще какую-нибудь мицву, о которой никто не просил. А может быть, ты застанешь ее. Между мицвами она иногда бывает дома и чинит сиротские одежды. Раньше, когда она была богата, она помогала деньгами, теперь, когда у нее лишь остатки, самой едва хватает, она это делает собственными руками». И ученый довел меня до самой двери Теилы. По пути он рассказал еще о нескольких своих открытиях. Потом увидел, что я не слушаю, улыбнулся и сказал: «С тех пор как я упомянул о Теиле, ты совсем оторвался от мира сего». Я сказал: «Если хочешь, расскажи о ней еще что-нибудь». Он сказал: «То, что я знаю о ней сейчас, я тебе рассказал, а что было с ней за границей, я не знаю кроме того, что знают все, – что она была богата, что у нее было крупное дело. Потом у нее умер муж, умерли дети, она оставила все дела и поселилась в Иерусалиме. Когда моя покойная мать видела Теилу, она всегда говорила: “Теперь я понимаю, что могут быть вещи хуже вдовства, хуже даже, чем смерть детей”. Что это такое, – мать не говорила, так что я не знаю и никто не знает, потому что все, кто ее знал за границей, давно уже умерли, а Теила не любит рассказывать о себе. Даже теперь, когда она изменилась и стала больше разговаривать, она никогда не говорит о себе. Вот мы и пришли. Сомневаюсь, застанешь ли ты ее дома, она большей частью ходит из хедера в хедер и раздает детям сладости».

Через несколько минут я стоял в комнате Тили. Тили сидела у стола, будто ожидая меня. Комната была маленькая, с толстыми стенами и сводчатым потолком, как

строили в прошлом. И если бы не небольшая кровать в углу и глиняный кувшин на столе, я бы подумал, что она предназначена для молитвы. И все же скудность предметов – медная лампа, медная кружка для омовения рук, медная разветвленная люстра, а также стол, на котором покоились сидур, хумаш и еще какая-то книга, – придавала комнате вид молельни.

Я слегка поклонился и сказал: «Благословенны присутствующие». Она ответила: «Благословенны приходящие». Я сказал: «По-царски вы здесь живете». Она ответила: «Все дочери Израиля царского происхождения, и я, Теила, хвала Всевышнему, я тоже дочь Израиля. Хорошо, что ты пришел, я хотела тебя видеть. И не только видеть, но и поговорить. Хотел бы ты оказать мне услугу?» Я сказал: «До полцарства». Она сказала: «Ты прав, что говоришь о царстве. Все сыновья Израиля царского рода, и их дела – царские дела. И когда один сын Израиля делает другому услугу, он поступает по-царски. Сиди, сыночек, сиди. Сидя, удобнее говорить. Я отнимаю у тебя время. Ты, наверное, занят, ты должен сейчас работать. Прошли те времена, когда времени было вдоволь и мы были рады посвящать его беседе. Теперь все бегут, все спешат. Все совершенствуются в быстроте, чтобы иметь силы бежать навстречу Мессии. Смотри, сыночек, как я стала болтлива. Я забыла слова того старика, который меня предостерегал».

Я сел напротив и ждал, что она скажет, зачем она звала меня. Но, вспомнив про старика, она погрузилась в молчание. Наконец, она взглянула на меня, отвела глаза и снова взглянула, словно проверяя посланца, годится ли он для избранной ею миссии. Наконец, она заговорила. Она сказала мне о смерти раввинши, которая умерла этой ночью, в то время как печка ее горела и кошка грелась у печки, потом ее унесли, и кто-то пришел и взял ее печку. «Видишь, сыночек, – сказала Теила, – человек делает мицву, а потом сама мицва делает другую мицву. Ты сделал мицву той бедняжке, а мицва, в свою очередь, сделала мицву другому человеку, которому тоже нужно было согреть свои кости зимой». И она снова взглянула на меня и сказала: «Ты, наверное, удивлен, что я просила тебя прийти». Я сказал: «Напротив, я рад». Она сказала: «Если ты рад, то я тоже. Я рада, что нашла человека, готового сделать услугу. А ты чему рад?» Помолчав, она сказала: «Я слышала, что ты пишешь. Как теперь говорят, писатель. Я надеюсь, что ты удовлетворишь мое перо для небольшого письма. Я уже много лет собираюсь его написать. Если только ты согласен написать его для меня».

Я вынул вечное перо. Она посмотрела на него и сказала: «Ты носишь с собой перо, как некоторые носят ложку: попадет еда на пути, – есть у них ложка». Я сказал ей: «Здесь еда в самой ложке». И объяснил ей, что это за перо. Она взяла в руки перо и сказала: «Ты говоришь, здесь есть чернила, но я не вижу ни капли чернил». И я снова ей объяснил, где чернила. Она сказала: «В таком случае напрасно обвиняют нынешнее поколение, что все его изобретения только во зло. Оно изобрело переносную печку и это перо, вероятно, есть и другие полезные людям вещи. Чем больше живешь, тем больше видишь. Но ты все же возьми мое перо и эти чернила. Я не сомневаюсь в твоём пере, но это письмо ты напиши моим. Вот бумага. Это гербовая бумага, ей очень много лет. Тогда еще делали хорошую бумагу. Столько лет она у меня – и еще совершенно новая. Есть у меня к тебе еще одна просьба: пиши такими буквами, как в сидуре или как в Торе. Писатель, даже если ему не пришлось написать свиток Торы, мегилу, наверно, когда-нибудь написал». Я сказал: «Когда я был еще мальчиком, я написал мегилу, кошерную, по всем правилам. Не знаю, поверите ли вы мне или нет, но все, видевшие эту мегилу, хвалили ее». Она сказала: «Хотя я ее и не видела, я представляю себе, что ты хорошо умеешь писать. Пойду сварю тебе стакан эзова, а ты пока пиши». Я сказал: «Не беспокойтесь, я только что пил». Она же сказала: «Так чем я тебя угощу? Я тебе дам кусок сахара, скажи благословение, а я отвечу омейн».

Она достала кусочек сахара и протянула мне. Спустя некоторое время она сказала: «Возьми перо, обмакни, начнем писать. Я тебе буду говорить на идише, а ты пиши на лошн койдеш¹¹¹. Я слышала, что теперь девочек учат писать и говорить на лошн койдеш. Видишь, сыночек, Всевышний ведет Свой мир от поколения к поколению – и все время к лучшему. Когда я росла, не было такого обычая. Но все же я понимаю молитвы, хумаш и теилим и Пиркей Овойс. Ой, сыночек, я же сегодня не кончила “день”». Я знал, что она имеет в виду “день” теилим, и сказал: «Почему вы сказали “ой”? Вы должны быть рады». «Рада?» Я сказал: «Вам свыше прибавили день к вашим дням». Она вздохнула и сказала: «Если бы я знала, что завтра придет Мессия, я бы рада была прожить еще день на земле. Но жить день за днем, когда он не приходит, что за радость? Я не ропщу на свои годы, – если такова Его Воля, чтобы я еще жила, почему же, я согласна. Я только спрашиваю себя, до каких пор может ходить по земле этот мешок с костями? Более молодые уже покоятся на Ар а-зейсим, а я несую ноги, пока совсем не сотрутся. Разве не приятно прийти туда с целыми руками и ногами и возвратить залог в приличном состоянии? Я, конечно, не тучность имею в виду, это только тяжесть носильщикам, но все же умершему подобает иметь целые члены. Снова я разболталась. Но теперь уже все равно. Словом больше, словом меньше. Я могу возвратить залог владельцу. Бери, сыночек, перо, пиши».

Я обмакнул перо в чернила и стал ждать ее слов, чтобы написать их. Она же погрузилась в мысли, словно забыв о моем присутствии. Я сидел, рассматривая каждую морщинку, каждую складочку на ее лице. Сколько превратностей судьбы пережила она! Она имеет обыкновение говорить, что видела в жизни добрые вещи и более чем добрые. Насколько мне известно, она видела много недобрых вещей. Она мне напоминает речение мудреца: скорбь в сердцах праведных и ликование на их лицах. Вдруг она вспомнила обо мне, повернула ко мне лицо и сказала: «Начал?» Я сказал: «Вы еще не сказали мне, что писать». Она сказала: «Начало ты знаешь сам как писать. Начинают хвалой Всевышнему – “С Б-жьей помощью”». Я разгладил бумагу, взял перо и написал: «С Б-жьей помощью». Она выпрямилась, осмотрела написанное и сказала: «Хорошо, красиво. Что теперь будешь писать?» Пиши здесь: «В святом городе Иерусалиме, да будет он отстроен и воздвигнут вновь в наши дни и в ближайшее время. Омейн. Просто так когда я говорю, я называю Иерусалим, я ничего не прибавляю, но в письме нужно упомянуть о святости города и еще просьбу о его воздвижении, чтобы сердце того, кто будет читать, обратилось к Иерусалиму, и сжалилось над ним, и вознесло за него молитву. А теперь, сыночек, напиши сегодняшней день, главу из Торы, которая приходится на эту неделю и год».

После того как я написал дату, она прибавила: «А теперь, сыночек, постарайся и напиши ламед с высоким хвостом. Написал? Покажи, как вышло. Нельзя сказать, чтобы некрасиво, а все-таки надо хвостик выше. Теперь, сыночек, напиши рядом коф, а за ней бейс, а после нее вов. Вов, я сказала. А теперь далет. И вот вышло лихвод. Очень красиво. Тот, которому ты пишешь, стоит красивого письма. А теперь напиши: “Знаменитому раввину”. Уже? Ты думаешь быстрее, чем я говорю. Пока я собираю свои мысли, ты уже их и написал. Твой отец, да осветит Г-сподь его рай, не зря платил деньги за твое учение. Извини, сыночек, я устала. Отложим письмо до другого дня. Когда ты можешь прийти?» Я спросил ее: «Завтра?» «Завтра? Ты хочешь прийти завтра? Какой завтра день? Канун рош ходеш. Канун рош ходеш очень подходит. Итак, завтра. Пусть будет завтра».

Я видел, что она погрузилась в мысли, и подумал про себя: канун месяца – это день молитвы, день, когда все едут на гробницу Рахили, – у нее, наверное, нет времени писать письмо. Я сказал ей: «Если вы не свободны завтра, я приду в любой другой день». «А почему не завтра?» Я сказал: «Ведь завтра рош ходеш». Она сказала: «Сыночек, ты напомнил мне о моем несчастье. Канун месяца, а я не могу прийти на гробницу матери

Рахили. Почему? Почему? Потому что ноги меня не несут». Я сказал ей: «Но ведь есть извозчики, есть автобусы». Теила сказала: «Когда я приехала в Иерусалим, еще не было автобусов и даже извозчиков не было, и мы ходили пешком. И так как я привыкла всю жизнь ходить пешком, мне уже ни к чему менять привычку. Как ты сказал, придешь завтра? Если хочет Всевышний дать мне завершить то, что я задумала, он продолжит мою жизнь еще на один день». Я попрощался, ушел, и на следующее утро вернулся.

Я не знаю, должен ли был я так поспешно прийти. Может быть, если бы я отложил свой приход, дни ее были бы продолжены.

Войдя, я сразу увидел, что в ней что-то изменилось. Ее лицо всегда светилось, теперь этот свет был еще явственнее. И комната ее светилась так же, как и лицо. Камни пола сверкали чистотой, как и все предметы в доме. На маленькой кровати была разостлана свежая простыня, края стен были покрашены синей известкой. На столе стоял кувшин, прикрытый листом пергамента, рядом с ним – печать, свеча и бумага. Когда она успела побелить стены, когда вымыла пол, наредила все в доме? Если только ей не помогали ангелы, она должна была провести за этой работой всю ночь.

Она с трудом приподнялась и сказала шепотом: «Хорошо, что ты пришел. Я думала, что ты забыл, и хотела уже пойти по делам». Я сказал: «Если вам нужно, – идите. Я приду позже». Она сказала: «Мне нужно пойти заверить договор, но раз ты пришел, садись, – будем писать, а потом я пойду заверять».

Она встала, разложила письмо передо мной и принесла перо и чернила. Я взял перо, обмакнул и сидел, ожидая, когда она скажет мне, что писать. Она сказала: «Ты уже готов? Я тоже». При этих словах лицо ее просветлело и улыбка тронула губы. Я снова обмакнул перо и посмотрел на нее. Она почувствовала взгляд и сказала: «На чем мы остановились? “Знаменитому раввину...” Теперь пиши имя». Я снова погрузил перо в чернила и ждал, когда она скажет имя. Она прошептала: «Шрага его зовут. Написал?» «Написал». Она прикрыла глаза, будто задремала. Потом встала со стула, всмотрелась в написанное и тихо повторила: «Шрага его зовут. Шрага». Снова села и умолкла. Потом, наконец, очнулась и сказала: «Я вкратце расскажу тебе, что писать». Подождав, она сказала, прищурившись: «Придется сначала все рассказать. Ты будешь знать, о чем идет речь и что нужно писать. Это старая история, это было очень много лет назад. Девяносто и три года назад». Она приблизила к себе свою палку и оперлась на нее лицом. Потом подняла голову и некоторое время смотрела удивленно, как будто думала, что она одна, – и вот увидела перед собой постороннего. Не стало вдруг ее спокойствия, на лице проступили горе и гнев. Она поискала рукой палку, оставила ее, снова взяла и оперлась, потом провела по лицу рукой так, что разгладились все морщинки. И снова сказала: «Если я все расскажу, тебе будет легче писать. Ты ведь имя уже написал. Шрага. Теперь я тебе все расскажу с самого начала».

Она подняла глаза и огляделась. Убедившись, что мы совершенно одни, она начала: «Тогда мне было одиннадцать. Откуда мне известно, сколько мне тогда было лет? Мой отец, благословенной памяти, имел привычку записывать в хумаше рождение каждого ребенка, девочек тоже. В хумаше можно было увидеть. Когда я уезжала в Иерусалим, братья, благословенной памяти, отказались от своего права на хумаши отца и передали их мне. Все это было очень давно, девяносто и три года назад. Но я все хорошо помню. Я расскажу тебе, а ты поймешь и все остальное. Если есть у тебя желание слушать, я начну». Я кивнул головой и сказал: «Рассказывайте».

Она снова начала: «Так вот, мне тогда было одиннадцать. Однажды после вечерней молитвы приходит отец, благословенной памяти, и с ним несколько знакомых, и Псахья, отец Шраги. Когда они пришли, мама велела мне вымыть лицо и надеть субботнее платье. И она тоже надела субботнее платье, повязала голову шелковым платком, взяла меня за руку и вместе со мной вышла в большую комнату, где отец сидел с гостями. Посмотрел на меня отец Шраги и сказал: “девочка недурна”. Отец погладил меня по щеке и обратился ко мне: “Теила, ты знаешь, кто с тобой говорит? Отец твоего жениха говорит с тобой. Поздравляю, дочка, сегодня ты обручилась, и вот ты уже невеста”. Все принялись поздравлять меня, говорить “мазл тов”, и все называли меня невестой. Мама меня подхватила и увела в свою комнату, подальше от дурного глаза. Там она поцеловала меня и сказала: “Теперь ты наречена Шраге и с Б-жьей помощью через год, когда жених уже наденет тфилин, мы поведем вас к хупе”.

Я знала Шрагу, мы играли в орехи и в прятки, пока он не вырос и не начал учить Гемору^[12]. С тех пор как нас обручили, я видела его каждую субботу. Он приходил к моему отцу и повторял в его присутствии все, что он учил за неделю. Мама давала мне в руки сладости, и я ставила их перед отцом, а он гладил меня по щеке и улыбался жениху.

Тем временем начались приготовления к свадьбе. Отец Шраги сам написал для него тфилин, мой отец купил ему талес, а я сшила мешочек для тфилин и большой – для субботнего талеса.

В одну из суббот, недели за четыре до того, как была назначена свадьба, Шрага не пришел к отцу. После минхи^[13] отец спросил о нем в синагоге, и ему сказали, что он уехал. Куда уехал? Он уехал к хасидскому ребе. Отец Шраги взял сына с собой, чтобы он мог получить благословение ребе перед тем как в первый раз надеть талес и тфилин. От этого известия у отца в глазах потемнело. Он не знал, что отец Шраги принадлежит к “секте”^[14]. Он скрывал свою принадлежность к хасидам, ибо тогда они еще подвергались унижениям и преследованиям. А мой отец стоял во главе их гонителей, и хасиды для него были как бы и неевреи. После авдолы^[15] отец разорвал тноим^[16] и обрывки послал в дом Шраги. Во вторник Шрага с отцом вернулись из поездки и пришли к моему отцу. Тот прогнал их с позором. И Шрага поклялся, что никогда не простит, а отец даже не считал нужным просить у Шраги прощение, хотя и знал, что если возвращают тноим, следует просить прощение. И когда мама умоляла его помириться со Шрагой, отец смеялся. Он сказал: только ты этой секты не бойся. Так ничтожны были хасиды в его глазах, что он пренебрег тем, что все строго соблюдают.

Все было готово к свадьбе. Дом был полон мешков с мукой и бочек меда, приглашены были женщины, чтобы печь халы и пироги. Словом, все было готово к хупе. Не хватало только жениха. Отец позвал свата, и мне нашли другого жениха, и с ним я пошла под хупу.

Я не знаю, что дальше случилось со Шрагой, отец строго запретил всем в доме произносить его имя. Много времени спустя я слышала, что он и вся их семья переехали в другой город, потому что жить им стало невозможно. С того дня как отец расстроил свадьбу, их уже не вызывали читать Торю, даже в Симхас Тора. Дома у себя собирать миньян^[17] они тоже не могли, ибо отец как глава общины запретил. Если бы они не переехали в другой город, где их вызывали читать Торю, они бы не выдержали.

Через три года после свадьбы я родила мальчика. Еще через два года снова родился сын. И еще через два года – дочь.

Годы спокойно текли, мы жили в достатке. Дети росли хорошо, и мы с мужем, благословенной памяти, только радовались. Я забыла Шрагу, забыла, что не получила от него письма с прощением.

Отец и мать ушли в другой мир. Перед смертью отец, благословенной памяти, передал все дела сыновьям и мужьям дочерей и наказал жить дружно. Дела шли хорошо, нашу семью уважали. Для сыновей мы держали хороших меламедов^[18], а для дочери я взяла учительницу – нееврейку. В те времена Б-гобоязненные люди избегали брать еврейских учителей, всех их считали безбожниками.

Меламедов мой муж приглашал из других городов, потому что местные мелаеды вынуждены брать любых учеников независимо от их поведения. Если же меламед приглашен из другого города, он должен считаться с хозяином и не берет учеников без разбора. Так как все они были холостыми, они ели в субботу за нашим столом. Мой муж, который, несмотря на свою занятость никогда не переставал в назначенные часы дня заниматься изучением Торы, был всегда рад такому гостю, потому что мог услышать от него слова Торы. А я и дети были рады услышать пение гостя за столом. Мы не знали, что гость наш хасид и что это хасидское пение. Во всем остальном он вел себя так же, как и все известные нам евреи. Однажды в субботний вечер, закончив “слова Торы”, наш меламед начал петь, прикрыв глаза, удивительно красивую мелодию, от которой сладостно ныла душа. Мой муж спросил меламеда: “Где найти такую набожность?” Меламед прошептал: “Поезжайте к нашему ребе, да продлятся его годы, и найдете в десять раз больше”. Через несколько дней мой муж попал в тот город, где жил ребе меламеда. Он привез оттуда новые обычаи, каких я не видела в доме отца. Я знала, что это хасидские обычаи. И я думала про себя: кто снимет прах с глаз отца, он выгнал Шрагу за то, что тот был хасидом, а муж, которого он мне дал вместо Шраги, пошел по тому же пути. Если все это не происходит во искупление греха, то я уже не знаю, зачем.

Мой брат и муж сестры видели все это и ничего не говорили. Пришло новое поколение, и теперь человеку уже не приходилось стыдиться родственников-хасидов. За это время в городе появилось много богатых женихов из других мест, и они следовали хасидским обычаям. Они основали хасидскую синагогу и открыто посещали своих ребе. Мой муж не стал молиться в хасидской синагоге, но вел он себя как хасид, приучал к хасидизму детей и время от времени ездил к ребе.

За год до того, как наш сын достиг возраста бар-мицвы^[19], мир поразила чума, и многие заболели, спаси Г-сподь. Не было дома, где бы кто-нибудь не заболел. Настигла беда и нас, и старший сын заболел. В конце концов сжалился над нами Всевышний, но ненадолго. Выздоровев, он начал учить законы о тфилин по большому “Шулхан оруху”^[20], а я радовалась, что хасидизм не отдалил его от учебы.

Однажды встал утром наш сын, и пошел в синагогу, и встретил там человека, облаченного, как покойник, в тахрихим^[21]. Человек этот не был мертв, он был не в своем уме, спаси нас Г-сподь, и делал странные вещи. Испугался мальчик, и ушла из него душа. С трудом вернули его к жизни. К жизни, но недолгой. С тех пор он начал угасать, как свечка на исходе Дня Искупления. Не успел он надеть тфилин, как изошла душа его, и он умер.

Я сидела семь траурных дней и думала. Мой сын умер на исходе субботы после авдолы, за тридцать дней до бар-мицвы. И на исходе субботы после авдолы, за тридцать дней до того, как мы со Шрагой должны были вступить под балдахин хупы, отец разорвал

тноим. Я сопоставляла дни, и меня леденил ужас. Два несчастья произошли в тот же день и в тот же час. Даже если это случайность, об этом следовало подумать.

Через два года вырос его брат и достиг возраста бар-мицвы. Вырос и не вырос. Он пошел с товарищами в лес принести ветви на праздник Швуэс. В лесу он ушел от друзей и отправился к переписчику посмотреть свои тфилин. Ушел и не вернулся. Мы думали, что его увели цыгане. В эти дни видели табор цыган в городе. Через много дней его тело нашли в большом болоте возле леса. Так мы узнали, что мальчик заблудился и забрел в непроходимую трясины.

Когда кончились семь траурных дней, я сказала мужу: что у нас теперь осталось? Осталась маленькая дочка. Если мы не попросим прощения у Шраги, ее постигнет участь братьев.

Все эти годы мы ничего не слышали о Шраге. Так как он и его семья уехали из нашего города, мы забыли о них и не знали, где они. Сказал мой муж: “Шрага – хасид такого-то ребе, поеду я к нему и, может быть, услышу о Шраге”. Мой муж не был хасидом этого ребе, наоборот, он сторонился его из-за спора об одном резнике. Случилось, что один ребе назначил резника, а другой счел его неподходящим. Из-за этого спора один человек был убит, несколько семей покинули страну, несколько хозяев разорились, а некоторые не дожили своих дней от горя.

Поехал мой муж к этому ребе. Не успел он доехать до места, как ребе умер, сыновья его стали ребе-наставниками хасидов и разъехались по разным городам. Ездил мой муж от одного ребе к другому и всюду спрашивал о Шраге, но никто о нем ничего не знал. Наконец сказали ему: “Ты спрашиваешь о Шраге? Шрага уже не хасид”. Где он, никто не знал.

Хасида ты еще можешь найти. Если он не хасид этого ребе, то он хасид другого ребе. Но просто еврея, если тебе неизвестно, где он, как ты можешь найти? Мой муж, мир

его душе, часто разъезжал, и дела его приводили во многие места. Он ездил и спрашивал о Шраге. Из-за этих поездок его здоровье ослабело, он начал кашлять кровью. Однажды поехал он куда-то, заболел там и умер.

Я поставила памятник на его могиле, вернулась в город и начала смотреть за делами. Еще при жизни мужа я помогала ему вести дела. С тех пор как он умер, я занялась ими полностью. И Г-сподь, благословенно Имя Его, удвоил мои силы, так что подруги обо мне говорили, что у меня силы мужчины. Была бы лучше у меня мудрость, а не силы. Но Г-сподь Б-г исполнен мудрости и не хочет, чтобы сотворенные им сами решали, что для них хорошо. Я думала: все труды мои для доченьки. Чем богаче мы будем, тем ей лучше. И так как я была занята множеством разных дел, домом я могла заниматься только в субботу и в праздники. И даже тогда половина дня уходила на синагогу, а другая половина – на гостей. Да дочь во мне и не нуждалась. Я наняла ей учительниц, и она прилежно училась, и я слышала много похвал моей дочери. Даже неевреи, которые всегда смеются, считая, что мы не говорим на их языке хорошо, хвалили мою дочь, потому что она говорила так же, как самые благородные из них. Учительницы-нееврейки не могли ею нахвалиться и приглашали ее к себе домой. Я позвала сватов, и они нашли ей жениха, большого ученого, уже ставшего раввином. Но не удостоилась я вести ее к хупе. Злой дух вселился в нее, и она лишилась ума. Что я теперь тебя прошу, сыночек, – напиши Шраге, что я простила ему все несчастья, которые из-за него меня постигли. И напиши, что и он должен простить, что я уже довольно страдала».

Я сидел безмолвно и неподвижно. Потом я коснулся глаз пальцем и смахнул слезу. Потом я сказал Теиле: «Скажите мне, пожалуйста, с тех пор как ваш отец разорвал тноим, прошло девяносто с лишним лет. Вы думаете, что Шрага еще жив? А если жив, то знаете ли вы, где он?» Сказала Теила: «Шраги нет в живых, Шрага умер. Он умер тридцать лет тому назад. Откуда я знаю, когда он умер? В тот год седьмого адара я пошла днем молиться, и после чтения Афторы¹, во время поминания умерших, я услышала, что произнесли имя Шраги. После молитвы я спросила шамеса: “Кто этот Шрага, которого сегодня поминали?” Он сказал мне: “Такой-то сын такого-то, его родственник велел помянуть его”. Я пошла к родственнику Шраги, и он мне все рассказал».

Я сказал: «Если Шрага умер, то куда же вы хотите послать ему письмо?» Сказала Теила: «Ты думаешь, что от горя помешалась старуха, что она надеется, что почта доставит умершему письмо?» Я сказал ей: «Так что же вы хотите делать?»

Она встала и, подняв кувшин со стола, сказала нараспев: «Я возьму это письмо, положу в кувшин, возьму печать и кувшин запечатаю, и возьму с собой этот кувшин вместе с письмом».

Я подумал: если она возьмет с собой кувшин с письмом, я все же не понимаю, как оно дойдет до Шраги. Я посмотрел на нее и спросил: «Куда вы возьмете этот кувшин с письмом?» Теила засмеялась добрым смехом и мягко сказала: «Куда я возьму кувшин? Я его возьму в могилу, в могилу я возьму кувшин и письмо. Там, в горнем мире, Шрагу знают и знают, где он. И верные посланцы Всевышнего передадут ему мое письмо». И Теила снова тихо засмеялась смехом, похожим на смех ребенка, перехитрившего взрослых. Потом она опустила голову на свою палку и, казалось, задремала. Потом подняла голову и, взглянув на меня, сказала решительно: «А теперь, когда тебе уже все известно, пиши сам». Сказав это, она снова опустила голову на свою палку.

Я взял перо и начал писать. Когда я кончил писать, Теила подняла голову и сказала: «Ты уже кончил?» Я стал читать ей. Она закрыла глаза, как будто все это ее уже

не касалось и даже слушать не было желания. Когда я кончил, она открыла глаза и сказала: «Хорошо, хорошо, сыночек, ты хорошо меня понял. Можно было иначе написать, но и так, как ты написал, все достаточно ясно. А теперь, сыночек, дай мне перо, я подпишу свое имя на письме, и положу его в кувшин, и пойду заверить договор».

Я обмакнул перо в чернила и протянул ей. Она взяла и подписалась. Потом еще раз провела пером по некоторым буквам, чтобы вышло яснее. Потом сложила письмо, положила его в кувшин и обернула горлышко куском пергамента. Потом зажгла свечу, взяла печать и подержала ее над свечой, пока она не стала мягкой. Запечатала кувшин, встала и подошла к кровати. Подойдя, она приподняла одеяло и положила кувшин под подушку. Сделав это, она посмотрела на меня добрыми глазами и мягко сказала: «Пойду теперь заверять договор. Дай тебе добра Всевышний, что ты не пожалел для меня трудов. Больше я тебя не беспокою». Сказав это, она поправила одеяло, взяла палку и направилась к двери, поцеловала мезузу и подождала, пока я вышел. Она тоже вышла, заперла дверь и быстро пошла. Я последовал за ней.

По дороге она добрым взглядом провожала все места и каждого встречного. Неожиданно она остановилась и сказала: «Скажи мне, как оставить такие святые места и таких хороших евреев?» Я все еще не знал, о чем идет речь. Дойдя до перекрестка, она остановилась и попрощалась со мной. «Я пойду с вами, – сказал я». Мы прошли еще несколько шагов, она снова остановилась и сказала «шалом». Но, увидев, что я хочу с ней идти, она больше ничего не прибавила и поднялась по ступенькам, ведущим во двор погребального общества. Она вошла, и я тоже.

Мы вошли в помещение погребального общества – конторы для живых и для мертвых. Там сидели два писаря. Перед ними были разложены книги, они сидели с перьями в руках и дули в стаканы черного кофе. Увидев Теилу, они почтительно приподнялись и, поздоровавшись, придвинули ей стул. Старший из них сказал, обращаясь к ней: «Что вас сюда привело?» Она ответила: «Я пришла, чтобы выполнить договор». Он сказал: «Выполнить договор? А мы думали, что пора уже отменить его». Теила испуганно сказала: «Что вы говорите?!» Он сказал: «Вы уже больше не числитесь в книге “штарберс” (смертных)». Улыбнувшись собственной шутке, он, обратившись ко мне, пояснил: «Теила, дай ей, Всевышний, долгие дни и годы, каждый год к нам приходит продлить купчую на ее место на Масличной горе. И в прошлом году, и два года назад, и три, и десять, и двадцать, и тридцать лет тому назад. Она будет приходить до пришествия Мессии». Сказала Теила: «Придет он, придет, пусть уже приходит скорее. Но я вас больше не буду беспокоить». Писарь спросил удивленно: «Может быть, вы собрались в кибуц, как девчонки, которых зовут халуцианками?» Сказала Теила: «Не в кибуц, я иду к себе». Сказал писарь: «Едете обратно к себе за границу?» Сказала Теила: «Не за границу. Еду туда, откуда пришла. Как написано: “И в прах обратится”». Причмокнул писарь губами и сказал: «Ну-ну, вы думаете, нашему обществу уже нечего делать? Послушайте меня, подождите еще лет двадцать – тридцать. Зачем спешить?» Она прошептала: «Я уже пригласила женщин для совершения омовения. Они хорошие женщины, и нельзя с ними несерьезно поступить». Лицо писаря погрузнело, видно было, что ему не по себе. Затем он сказал: «Мы очень рады, когда вы к нам приходите. Каждый раз мы в вас видим пример долголетия. А теперь, когда вы хотите оставить нас, вы как будто лишаете нас его». Сказала Теила: «Если мне остались еще годы, я отдаю их охотно и вам и всем, кому хочется жить. Вот договор, подпишите».

После того как писарь скрепил купчую своей подписью, Теила взяла ее, опустила в карман и сказала: «Больше я вас беспокоить не буду. Да будет с вами

Всевышний, дорогие евреи, а я пойду к себе». Она встала и направилась к двери, остановившись, подняла лицо, поцеловала мезузу и вышла.

Заметив, что я следую за ней, она остановилась и сказала: «Иди по своим делам, сыночек». Я сказал ей: «Когда вы сказали, что идете заверить договор, я думал, что это касается дома, и вот...» Она перебила меня: «И вот я пошла, пошла заверить купчую на мой вечный дом. Дай-то, Г-сподь, чтобы мне недолго пришлось в нем жить, чтобы встать мне из него вместе со всеми детьми Израиля. Прощай, сыночек. Я тороплюсь домой. Женщины там уже ждут, наверное». Я молча продолжал стоять, а она пошла и исчезла в лабиринте домов и переулков.

Утром я пошел в город справиться о здоровье Теилы. Я встретил ученого мужа, дом которого она мне когда-то показала. Он стоял и задержал меня своими рассказами. Когда я пошел, он вызвался проводить меня. Я сказал, что не иду домой, я иду к Теиле. Он сказал: «Ты пойдешь к ней через сто двадцать лет». Видя, что я удивлен, он прибавил: «Ты будешь долго жить. Эта праведница оставила нас».

Я попрощался с ним и ушел. Я шел и думал: «Теила ушла». И оказался у ее дома. Я открыл дверь ее комнаты и вошел в нее.

В комнате царило спокойствие. Как в молитвенной комнате после молитвы. На полу стояли лужицы воды, которой омыли Теилу.

Ī adānāā nēādēōā Ā. Èēiō, «Āīqōīāāī ēā»

Ā īōīōī ēāī ēē ēmī īēūīāāī ū dēnōī ēē Ń. Dānēēī ā

11 *Āēāāāyīēā*

12 *Ī ānēē-īāy ā dā, ādāī āī ēēāāē ū ā Ēādūāēēī ā*

13 *Èēī īēēōāī Ōī īīā Yīdā*

14 *Ī ādāī ē āāī ū ī āyōā, īīāī āy-ūī*

15 *Ōāēēī, īīāēī ū Ōāy Āāāāā, dāqāēō ū īā āī ē ī āyōā ē īāāēē.*

16 *Dāī āāōēō īōīōī īēōā*

17 *Ńāāāāī ū ē āāēāāēī.*

18 *Āīqōīāāī ēā*

19 *Āīnāāēāī ēā*

110 *Èī ēōēāēū ēī āī ē dāāāē Ēōōāēā-Ī āē dā*

111 *Ńāyōīē yqūē, ēādēō.*

112 *Ōāēī āā*

113 *Ī īēūāī īāy ī īēēōāā*

114 *Ī dāqēōāēū īā īāqāī ēā, āāī īīā dānēāāī ēō īōīōēāī ēēāī ē.*

115 *Āēāāīēīāī ēā, īōāāyō ū āāī nāāīōō īō īāū-ī ūō āī āē. Ī dēēēī īnēōīy īāā āīēāēī ī āēī ā ādī āōāī ē ē qāāēāī īē nā-īē.*

116 *Ī ādō-āī ēā*

117 *Āāyōū-āēīāāē - ī ēī ēī āēū īā-ēnēī āēy īāūāā ī īēāī ēy.*

118 *Ī dāī īāāāō āēū dāēēāīqī ūō īōāāī āō īā*

119 *Ōdēī āāōāō ū ēāō. Ńyō īāī āīqōānō ā ī āēū-ēē īōāā-āāō qā īāy, īī īāyqāī ēmī īēīyōū āāī īōāāī ēnāī ēy Ōīōū ē īāāāāō ūō āāēē.ōī.*

120 *Ńāīā dāēēāīqī ūō qāēī īīā*

121 *Ōēāī ū ēīōīōē īdēēdūāāpō ūī ādōāāī.*

начала исполнять заповеди (Суббота), перешла на кошерное питание, и многие проблемы отпали, как хвост у головастика.

Теперь-то я поняла, откуда в моей душе брались знания еще до соприкосновения с еврейской традицией, – они были из Торы! Много раз потом ко мне приходило понимание чего-то, а потом я встречала это в Торе. Я родилась с этим знанием, оно – неотъемлемая часть моей души. Говорят, что хвалиться богатством, умом нельзя, но можно хвалиться проявлением помощи Создателя. Да, я чувствую Его близость постоянно. Мне интересно было обрести духовное зрение, оно есть теперь у меня. Я обращаюсь к Творцу за помощью и получаю ее, постоянно приходит понимание того, что меня интересует. Читаю я мало: у меня дети, но хочется разбираться в жизни и не попадать больше в «лужу», гонясь за очередным миражом вроде любви к врагам, безмерной доброты или другого, подобного. И Создатель дает мне понимание очень глубоких вещей, которыми порой даже не с кем поделиться.

Мне хотелось научиться молиться и помогать людям молитвой и словом. И это есть. Я умею лечить молитвой «Шма, Исроэл», и люди поправляются, устраивают судьбу. Одна знакомая была избавлена от операции по удалению желчного пузыря, так как после молитвы камень вышел сам. Другая знакомая, страдающая раком, после рассказа о семи заповедях сыновьям Ноя (она русская) почувствовала улучшение, а после молитвы положительные изменения были налицо. Обо мне можно не говорить: я постоянно имею помощь от Всевышнего. Лучше всего про меня сказано в псалме «Погруженный в высшую тайну постоянно будет пребывать под сенью Всемогущего».

Еще хотелось бы сказать, в чем я вижу причину антисемитизма. Уникальное устройство нашей души (она имеет форму бриллианта, а душа нееврея – длинный кристалл с квадратным сечением и четырехугольной пирамидой на конце, если он не отрицает существования Творца, и без нее, если отрицает) дает нам возможность многопланово влиять на мир. Если образно представить себе силу Создателя как высоковольтный провод, то для гармоничного использования этой силы нужен еврей, являющийся трансформатором и сотворцом этой силы. Чтобы быть таковым, еврей должен жить по заповедям. Тогда он обретет мир в себе и может нести его дальше.

Соблюдая Субботу, мы привносим в жизнь умиротворение – без него общество будет страдать от «духовного удушья» – антисемитизма, чувства безысходности, озлобленности, дикости. И никто, кроме нас, этого излучать не может! И претензии людей к нам оправданы: мы не даем им то, в чем они нуждаются больше всего.

Неудивительно, что XX век был веком атеизма (сколько евреев пошли в революцию, стали атеистами!), а в результате – фашизм, знак того, что без Б-га для нас жизни нет! Мы можем быть лучшими врачами, учителями, музыкантами (ведь наши души многогранны!), но если мы атеисты или ренегаты, нас неизбежно будут ненавидеть, ибо взять истину, кроме как от нас, людям негде. А если у нас нет истины, зачем мы нужны? Все остальное найдется и у других. Это очень явно было видно в моей судьбе. Пока я была атеисткой, христианкой, йогом, меня не уважали соседи, были и оскорбления, и всякое другое. После того как я стала гордиться, что еврейка, и жить по Торе, стали признаваться в любви к евреям и говорить: «А может, и у меня были в роду евреи? Расскажи мне о Б-ге!»

Я знаю и вижу, как Г-сподь говорит с нами устами людей и ситуациями. Однажды сын пришел возмущенный: «Мам, какой Ванька нахал. Он сказал мне идти в синагогу». Ну что тут добавить! И сейчас, думая об Израиле, я вижу, что все наши беды от

неисполнения заповедей. В глазах Создателя мы даже не один народ, а один человек, поэтому, когда один нарушает «технику безопасности» жизни – Тору, страдают все. Без исполнения заповедей мы слабы.

Мой диалог с Создателем выливается в написание псалмов. Они дают мне много сил. Пусть и вам они помогут, ведь все, что я имею, принадлежит Г-споду:

Áóøè ì íáé Î ò áö
Î í á ò á é í ú î ò é ð ì á á á ò.
Í à á ù ñ ò á ò á é í é
Í á í ð ì ñ ò í ð ì í ÿ ò ü
Á ä è ÷ é á Á ã
Î í é ð á ç ò ì í á á ì á ù á á ò,
Á ä ý í è ý Á ã
Î í á ì ù ñ è ù þ í á í á ú ÿ ò ü
Ê ò ì á ç ì ú è í í ä í á á á ñ ñ,
Á à á ó á á ò ñ ñ ò ñ ð í æ á í :
Ê í è ü ì í í ã á á á í í,
Ò ñ ñ ò ð ñ æ ì á ó á á ò ñ ñ á
Ë ç ì í í æ á ñ ò á à í ó ò á é
Á ä è í ñ ò á á í í í á ñ ç ì í æ á í
Ò ñ ò á á : í ú é ó ç è è í ó ò ü
× ò ì è ñ ò è í í é ç í á ò.
Á ä ñ è á ò ý í ð á á Ò í á í é,
Î í é á í ó ò ð á í í è é ó : è ò á è ü
× á é í á í í ä è ó í í ú é ä è ñ
Á ñ ñ ñ á á ñ ì í á ç á ò : è ò.
Ò ú ñ ò ð ñ æ é ì í é ñ á ú ý
Ë í í ú ò í ú é ö ä è è ò á è ü

Êĩãã áĩĩéĩĩ÷ĩé òũ á

Áóσ à ì ìÿ ìãðèò.

Êãéĩá ñ÷ãñòũã æèòũ

Êĩãã ñ ìéĩéĩá ñããñòũ

Áá ìðèñò ðãñò ìúé âçãÿä

Í è÷ãì ìá ì ì ðã÷ãí.

È ìãñúéã ãĩæãÿ ããðã

ãũðãñòããò á ì ìããñòũ

Áãã èãæãúé ìãðñúíãæ

èþáíãþ ìãì ìáí!

... Áãè÷èã Õãíðã ò ì ì

ìãì ññòèæè ì;

Êãé á ðãçóì à ññã

ãñéãí ìçþ ã ì ãñòèòũ?

Í ì ò ì ÷ ì ì ç ì ð ÿ: èèòũ

ñÁ-ã ì ãññòèæè ì

Áñ ò ì, ðããè ÷ãã è ñò ì èò

ã ì èðã æèòũ!

Ñ. Áãéìσ òãéí, Ñãðã ò ì á

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИЮЛЯ

1 ИЮЛЯ

15 лет со дня смерти биохимика, академика АН СССР и АМН СССР, иностранного члена Американской национальной академии наук, Героя Социалистического Труда, автора трудов по обмену аминокислот и химии ферментов, открывшего реакции переаминирования и обосновавшего их роль в азотистом обмене, разработавшего (совм. с М.М. Шемякиным) теорию действия ферментов, содержащих витамин В₆, расшифровавшего (совм. с Ю.А. Овчинниковым) первичную структуру фермента аспарат-амино-трансферазы, установившего основные закономерности действия лиаз и предложившего новую классификацию этой группы ферментов, лауреата двух Государственных премий СССР **Александра Евсеевича Браунштейна** (1902, Харьков – 1986, Москва).

20 лет со дня смерти архитектора, автора проектов зданий ЮНЕСКО в Париже, министерства жилищной политики США в Вашингтоне и др. **Марселя Бреера** (1902, Пекс, Венгрия – 1981, Нью-Йорк).

2 ИЮЛЯ

95 лет со дня рождения физика-теоретика, члена Американской национальной академии наук, Лондонского королевского общества и др., профессора Корнеллского университета, автора фундаментальных трудов по квантовой механике, ядерной физике, квантовой теории твердого тела, астрофизики, указавшего наиболее вероятные циклы термоядерных реакций в звездах, участника создания первой атомной бомбы, лауреата Нобелевской премии по физике 1967 года **Ханса Альбрехта Бете** (р. 1906, Страсбург).

3 ИЮЛЯ

10 лет со дня смерти историка науки и философа, члена-корреспондента АН СССР, директора Института истории, естествознания и техники, действительного члена и вице-президента Международной академии истории и науки, автора трудов по истории биологии, общей истории и философским проблемам естествознания в России, одного из родоначальников нового направления в науке – науковедения **Семена Романовича (Рувимовича) Микулинского** (1919, Кременчуг – 1991, Москва).

6 ИЮЛЯ

75 лет со дня рождения физика-теоретика, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по физике элементарных частиц, высоких энергий, ядерной физике, теории ядерных реакторов, проведшего расчеты первой АЭС в Чехословакии и др., **Бориса Лазаревича Иоффе** (р. 1926, Москва).

8 ИЮЛЯ

110 лет со дня смерти актера и режиссера, главного режиссера, директора и управляющего Мейнингенского театра **Людвига Кронека** (1837 – 1891).

9 ИЮЛЯ

75 лет со дня рождения физика, профессора и директора Копенгагенского Северного института теоретической атомной физики («Нордиста»), совместно с О. Бором (сыном Н. Бора) разработавшего ротационную модель несферического атомного ядра, что позволило объяснить существенные свойства большой группы атомных ядер, лауреата Нобелевской

премии по физике 1975 года (совм. с О. Бором и Дж. Рейнуотером) **Бенджамин Роя Моттельсона** (р. 1926, Чикаго).

10 ИЮЛЯ

80 лет со дня рождения физика, академика АН СССР, директора Института кристаллографии АН СССР, автора трудов по теории рентгено- и электронографии, структурному анализу кристаллов, строению биологических кристаллов и макромолекул, электронной макроскопии, впервые определившего положение атомов водорода в ряде кристаллов, разработавшего теорию рассеяния рентгеновского излучения в полимерах и жидких кристаллах, расшифровавшего структуры ряда аминокислот и полипептидов, разработавшего метод так называемой трехмерной реконструкции биологических молекул, определившего структуры некоторых белков и ферментов (в том числе каталазы), разработавшего методы обработки структурной информации на ЭВМ, **Бориса Константиновича Вайнштейна** (1921 – 1996, Москва).

135 лет со дня рождения хирурга и физиолога, советника по вопросам здравоохранения и придворного хирурга в Египте, основателя королевского медицинского общества в Каире и «Египетского медицинского журнала», а также школы медсестер и инфекционной больницы, главного хирурга русского военного госпиталя в Париже, директора лаборатории экспериментальной хирургии в Коллеж де Франс, создателя и директора экспериментальной лаборатории в обезьяньем питомнике в Гримальди, медицинского руководителя специального подразделения французской армии, занимавшегося пересадкой кожи и костной ткани, автора трудов по вопросам пересадки органов и тканей (яичников, щитовидной железы, костей и др.), занимавшегося проблемой омоложения, развившего теорию Ш. Броун-Секара и практиковавшего операции по пересадке пожилым людям половых желез обезьян, также издавшего «Практическое руководство по оперативной гинекологии», «Клиническую эндокринологию», «От кретина до гения», «Истоки жизни» и др., кавалера ордена Почетного Легиона **Сергея Александровича (Абрамовича) Воронова** (1866, Воронеж – 1951, Лозанна).

130 лет со дня рождения писателя-модерниста, автора цикла романов «В поисках утраченного времени», наряду с Ф. Кафкой и Дж. Джойсом ставшего родоначальником жанра литературы «воссоздания ушедшего», изображающей внутреннюю жизнь человека как «поток сознания»; в годы дела Дрейфуса выступавшего за пересмотр вынесенного приговора (после чего в его произведениях стали появляться еврейские образы), **Марселя Пруста** (1871, Отил, Франция – 1922, Париж).

55 лет со дня смерти общественного и политического деятеля, члена Американской академии политических и социологических наук, основателя и вице-президента Конгресса индустриальных организаций США, президента объединенного профсоюза рабочих швейной промышленности, создателя фонда помощи безработным, активно выступавшего за активизацию помощи СССР в годы второй мировой войны, **Сиднея Хиллмана** (1887, Жагоры Шавельского уезда Ковенской губ. – 1946, Нью-Йорк).

13 ИЮЛЯ

80 лет со дня рождения кинокомпозитора, первым среди композиторов удостоенного звезды на голливудской Аллее славы, автора музыки к фильмам «Экзодус», «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир» и др. **Эрнеста Голда** (наст. фамилия Голднер; 1921, Вена – 1999, Санта-Моника, США).

14 ИЮЛЯ

85 лет со дня рождения писательницы, автора повестей «Дорога, ведущая в город», «Семейные сказания» и др. **Натальи Гинзбург** (1916, Палермо – 1991, Рим).

15 ИЮЛЯ

60 лет со дня рождения режиссера, оператора, доктора искусствоведения, автора и режиссера документальных фильмов «Александр Твардовский», «Михаил Булгаков», «Пушкин и Пущин», «Чтобы был театр», «Архангельский мужик», «Власть соловецкая», «Из бездны» и др., автора книг и статей по операторскому мастерству, лауреата Государственной премии СССР Марины **Евсеевны Голдовской** (р. 1941, Москва).

100 лет со дня рождения философа, академика АН СССР, главного редактора журналов «Под знаменем марксизма», «Вопросы философии», директора Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС, члена ЦК КПСС, лауреата Государственной премии СССР **Марка Борисовича Митина** (1901, Житомир – 1987, Москва).

16 ИЮЛЯ

35 лет со дня смерти химика-неорганика, академика АН СССР, профессора Первого ленинградского медицинского института, Казанского химико-технологического института, Казанского университета, Ленинградского университета, заведующего кафедрой общей неорганической химии Ленинградского технологического института, автора трудов по химии комплексных соединений, в том числе платины и палладия, предложившего новый метод определения строения и свойств комплексных соединений, обнаружившего кинетическое цисвлияние лигандов, расположенных рядом в молекуле комплекса (совм. с Ю.Н.Кукушкиным), лауреата Государственной премии СССР **Александра Абрамовича Гринберга** (1898, Петербург – 1966, Ленинград).

17 ИЮЛЯ

80 лет со дня рождения биохимика, члена лондонского королевского общества, создателя интерферона **Алика Исаакса** (1921, Глазго – 1967, Лондон).

125 лет со дня рождения государственного деятеля, дипломата, министра иностранных дел СССР, члена ЦК ВКП(б), **Максима Максимовича Литвинова** (наст. имя и фамилия Меир-Генох Моисеевич Валлах; 1876, Белосток Гродненской губ. – 1951, Москва).

18 ИЮЛЯ

95 лет со дня рождения драматурга, автора пьес «Проснись и пой!», «В ожидании Лефти», «Золотой мальчик» и др. **Клиффорда Одетса** (1906, Филадельфия – 1963, Голливуд).

19 ИЮЛЯ

80 лет со дня рождения биофизика, члена Национальной академии наук США, первой женщины, окончившей Хантер-колледж со степенью по физике, профессора медицинского колледжа им. Альберта Эйнштейна в Ешива-Юниверсити, разработавшей радиоиммунологический метод определения инсулина в крови, лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине за 1977 год (совм. с Р. Гийменом и Э.В. Шалли) **Розалин Сасмен Ялоу** (р. 1921, Нью-Йорк).

21 ИЮЛЯ

60 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента РАН, профессора Дальневосточного государственного университета, автора трудов по физике поверхности твердого тела (диффузия, абсорбция, формирование межзонных границ, гомо- и гетероэпитаксия, получение сверхрешеток со встроенными поверхностными фазами) **Виктора Григорьевича Лифшица** (р. 1941, Харьков).

22 ИЮЛЯ

80 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по теории и технике антенных устройств, в частности синтеза антенн и теории зеркальных и многозеркальных антенн, голографии, совместно с сотрудниками разработавшего новые методы электрического качания луча в антенных системах, лауреата трех Государственных премий СССР **Льва Давидовича Бахраха** (р. 1921, Ростов-на-Дону).

23 ИЮЛЯ

110 лет со дня рождения одного из основоположников кинопромышленности США, основателей и владельцев кинокомпании «Коламбия Пикчерс» **Гарри Кона** (1891, Нью-Йорк – 1958, Феникс, США).

24 ИЮЛЯ

10 лет со дня смерти писателя, автора романов «Сатана в Горае», «Семья Москат», «Шоша», «Враги», «Покаяние», «Люблинский штукать», сборников «Друг Кафки и др. рассказы», «День наслаждения», «В Бейс-дине моего отца» и др., лауреата Нобелевской премии по литературе 1978 года **Исаака (Ицхока) Башевиса** (наст. фамилия Зингер; 1904, Леонсин, Польша – 1991, Серфсайд, США).

28 ИЮЛЯ

20 лет со дня смерти кинорежиссера, поставившего фильмы «Тупик», «Иезавель», «Лисички», «Миссис Минивер» (премия «Оскар»), «Лучшие годы нашей жизни» (премия «Оскар»), «Наследница», «Керри», «Римские каникулы», «Часы отчаяния», «Дружеское увещание (главная премия Мкф в Канне), «Бен-Гур» (премия «Оскар»), «Как украсть миллион», «Смешная девчонка» и др., обладателя приза за достижения американской киноакадемии **Уильяма Уайлера** (1902, Милуз, Франция – 1981, Лос-Анджелес).

31 ИЮЛЯ

80 лет со дня рождения геолога, академика АН СССР, организатора и директора Международного института теории прогноза землетрясений и математической геофизики АН СССР, президента Международного союза геодезии и геофизики, автора трудов по глобальной сейсмологии и тектонике, создавшего принципиально новые модели динамики литосферы, разработавшего методики прогноза землетрясений всего земного шара, распознавания возможных очагов сильных землетрясений и атомных взрывов, оценки степени сейсмического риска методами математической статистики, организатора автоматизации советской сейсмологической службы **Владимира Исаковича Кейлис-Борока** (р. 1921, Москва).

205 лет со дня рождения актера-мима, выступавшего в театре Фюнамбюль, создавшего в различных пантомимах образ Пьеро, получивший мировую известность, **Жана Батиста Гаспара Дебюро** (1796 – 1846).